

МОСКОВСКОЙ
ЖУРНАЛЪ

Pleasures are ever in our hands or eyes.

РОРЪ.

Часть II.

МОСКВА,

ВЪ Университетской Типографіи
у В. Окорокова.

1791 года

О Д О В Р Е Н І Е.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господь Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: Московской Журналъ, Часть II, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему она и напечатана быть можетъ. — Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчій Профессоръ, Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ и Кавалеръ

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЬ.

Часть вторая. Книжка первая.
МѢсяцъ Апрѣль.

О Д А
КЪ Э В Т Е Р П Ъ ,

*По слухамъ пласки, бывшей на мысѣ
у Нвана Нвановича Шувалова,
1789 года Августа 24 дня*

Пой Эвтерпа дорогая,
Въ струны арфы ударяй;
Ты весна доколь младая,
Пой, пляши и восклицай!
Ласпочкой порхаетъ радость;
Крѣпко соловей поетъ,
Красота, пріяшность, младость,
Не увидишь, какъ пройдетъ.

* * *

Браннымъ шлемомъ покровенный ,
Пусть своей Марсъ жертвы ждешъ ;
Рано ль , поздно ль побѣжденный ,
Голіаѳъ предъ нимъ падешъ ;
Вскинетъ тусклыи и багровый
Съ скрежетомъ къ нему свои взглядъ ,
И вѣнецъ ему лавровый ,
Хоть не хочешъ , да отдастъ.

* * *

Пусть придворный суешился
За фортуною своею !
Естьли бытъ ему случился
И наперсникомъ у ней ,
Рано ль , поздно ль онъ наскучитъ
Кубариться кубаремъ .
Насъ фортуна часто учитъ
Горемъ бытъ богатыремъ .

* * *

Время все перемѣняетъ
Пшицъ умолкъ весеннихъ свистъ ,
Лѣто зноино пробѣгаетъ ,
Травъ зеленыхъ вянетъ листъ ,
Идетъ Осень златовласа ,
Сѣдые несетъ плоды ;

Красно-

Красножелта ея ряса
Превратится скоро въ льды.

* * *

Марсъ устанетъ — и любимецъ
Щастья возьметъ свой покой.
У твоихъ воротъ и крылецъ
Царедворецъ и Герой
Брякнутъ въ кольца золотыя,
И съ соглася отца
Броскшь взоры голубыя,
И зажжешь ты ихъ сердца

* * *

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоритъ
О любви твоей къ себѣ;
Сына нѣги онъ поборкитъ
И понравится тебѣ;
Твои качества любезны
Всей душою полюбя,
Опершись на щитъ желѣзный,
Онъ воздремлетъ у тебя

* * *

Пой, Эвшерпа молодая!
Прелестью своею плѣни!
Крѣпче Марса усыпляя,
Громъ изъ рукъ его возьми!

Глава, браньми упомянута,
Къ персямъ склонится твоимъ,
И должна тебѣ вселенна
Будеть въкомъ золошымъ.

НАДЕЖДА и СТРАХЪ,
Притча.

Хотя Надежда въвѣкъ
Со Страхомъ не дружилась,
Но часъ такой пришекъ,
Что мысль одна родилась,
Какъ въ шой, такъ и въ другомъ.
Какая жь мысль смѣшная!
Оспавить свой небесной домъ,
И на землю иши пѣшкомъ,
Узнать — кого? — людей желая.
Но боги вѣдь не мы. кому ихъ осудашь?
Мы должны разсуждать,
Умно ли дѣлаемъ, согласен ли съ зако-
номъ —
Не нужно ль напередъ зайти къ кому
съ поклономъ —
А имъ кого просить? Все передъ ни-
ми прахъ,
И такъ Надежда захопѣла
И тотчасъ полетѣла;

Поползъ за ней и Страхъ.
Чего не дѣлаешъ окоша!
Они ужь на землѣ. Для первыя ворота
Вездѣ отворены;
Всѣ съ радостью ее встрѣчаютъ
И величаютъ,
Какъ будто имъ дамы
Маиорскіе чичы.
Напротивъ же того ея соупникъ бро-
дитъ,
И бѣдненькой нигдѣ квартиры не нахо-
дитъ.
„Постой же! Страхъ сказалъ: такъ
людямъ я на зло
„Нарочно къ шѣмъ ворвуся силой,
„Которымъ больше мой не нравенъ
видѣ унылой „
Сказалъ, и сдѣлалъ такъ
Чишатель ешьяли не дуракъ,
То вѣрно слѣдствій ждешъ чудесныхъ
Прихода сихъ гостей небесныхъ;
И не ошибся онъ.
Лишь только на землю они спустились,
Вдругъ состоянія людскія пречѣнились:
Умолкъ несчастныхъ стонъ;
Смиренна нищета впервые улыбнулась,
А 4 Какъ

Какъ будто уже къ ней Фортуна
оглянулась,
А изобиліе, утѣхъ житейскихъ масть,
Всечасно спало пренешасть.

Какая же тому причина?

Мнѣ сказывали ты, что случай, нѣтъ
судьбина —

Пускай послѣдняя — Надежду привела
Къ искусну Химику въ убогую лачугу,
А спутника ея ко Плупусову другу,
И домъ заводчика въ поспой ему дала,

И.

МИШЕНЬКЪ.

И такъ ты хочешь пѣсни,
Любезный, милый отрокъ?
Не всѣмъ пою я пѣсни,
И рѣдко, очень рѣдко
За арфу принимаюсь.

Въ моихъ весеннихъ лѣтахъ
Я пѣлъ забавы дѣтства,
Невинность и безпечность.

По томъ, въ зрѣлѣйшихъ лѣтахъ,
Я пѣлъ блаженство дружбы,

Съ

СЪ любезнымъ Агапономъ
Въ восторгъ обнимаясь
Я пѣлъ хвалу Никандру,
Когда онъ беззащитнымъ
Былъ вѣрною защитой,
И добрыми дѣлами
Ни мало не хвалился
Я пѣлъ хвалу Наукамъ,
Которыя намъ въ душу
Свѣтъ правды проливаютъ;
Которыя намъ служатъ
Въ часъ горестныи о правдой,
Гдѣ снѣжныя громады
Лучь солнца погашаютъ,
Гдѣ мрачный, острый *Шрекгорнъ* (*)
Громъ, бури отражаетъ
И страшныя *лавины* (**)
Въ долины низвергаетъ
Тамъ въ ужасъ я славилъ
Величье Натуры
Въ странахъ, гдѣ Эльба, Рейнъ
И Сола быстро мчатся

(*) Одна изъ высочайшихъ горъ въ Швейцаріи.

(**) Такъ называется въ Швейцаріи кучи снѣга, напавшія съ горъ.

Между береговъ цвѣтущихъ,
Я нѣлъ Природы щедрость,
Пряшность, милосидность.
Теперь, люезныи отрокъ,
Телъ пою я пѣсню
Въ долинахъ мирныхъ, тихихъ,
За снѣжными горами,
Живетъ мудрецъ великой (*),
Которой научаетъ,
Какъ можно въ нашихъ лицахъ
Всю душу нашу видѣшь.
Не долго я учился,
Однако жъ знаю нѣчто,
Чему мудрецъ сей училъ.
Въ полъ день, какъ ты родился,
Природа улыбалась.
Твоя душа любезна,
Подобно сей улыбкѣ
Прекрасныя Природы.
Цвѣти, любезный отрокъ!
Любя добро всѣмъ сердцемъ,
Ты будешь щасливъ въ жизни;

Она

(*) Лафатеръ, известный въ ученое свѣтъ
по своимъ физиономическимъ сочиненіямъ.

Она подобна будетъ
Пряпнѣйшей улынкѣ
Прекрасныя Природы.

Лондонъ, Юня 11, 1790.

НАДПИСЬ КЪ СТАТУѢ ЮПИТЕРА.

(Переводъ изъ Антологіи)

Или Юпитеръ самъ съ превыспрен-
нихъ круговъ

Ко смертнымъ нисходилъ, чтобъ об-
разъ имъ оставитъ

Достойнѣйшій Царя боговъ;

Иль Фидій, чтобъ черты представитъ

Имущаго перунъ въ рукахъ,

Самъ былъ на небесахъ

И.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ- СТВЕННИКА.

(Продолженіе.)

Берлинъ.

Послѣ обѣда былъ я въ гарни-
зонной церкви, и видѣлъ монументы
и портреты славныхъ воиновъ. Тамъ
Клейстъ подлѣ Шверина и Виншерфель-
да, любезной Клейстъ, бессмертной

дѣ-

дѣвецъ Весны, герой и патриотъ. Знаете ли вы конецъ его? Въ 1759 году, въ жаркомъ сраженіи при Куммерсдорфѣ, командовалъ онъ баталіономъ, взялъ при башерей, получилъ двѣнадцать коншузій, и подъ сильнымъ пушечнымъ огнемъ повелъ свою команду прошивъ четвертой башерей. У правой руки опстрѣлили у него два пальца. онъ взялъ шпагу въ лѣвую Пулею прострѣлили ему лѣвое плечо: онъ взялъ шпагу оная въ правую руку. Въ самую ту минуту, какъ онъ уже готовъ былъ лѣзть на башерею, картеча раздробила ему правую ногу. Онъ упалъ и закричалъ своимъ солдатамъ *Друзья! не покиньте Короля!* Два раза хотѣлъ онъ встать, но безъ силъ упалъ на землю Его вынесли за фруншъ. Лекаръ, хотѣвшій перевязать его раны, былъ убитъ подлѣ него Нѣхали козаки, раздѣли Клейсша до нага, и бросили его въ болото. Кто не подивился тому, что онъ въ сію минуту смѣялся отъ всего сердца надъ стран-

странною физиономією и ухватками одного козака, кошорой снималъ съ него плашье? Наконецъ отъ слабости заснулъ онъ такъ покойно, какъ бы въ палаткѣ. Ночью нашли его наши гусары, вытащили на сухое мѣсто, положили подлѣ огня на солому, покрыли плащемъ, надѣли ему на голову шляпу, и дали ему хлѣба съ водою. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ всунуть ему въ руку нѣсколько серебряныхъ денегъ; но какъ онъ не принялъ сего подарка, то гусаръ съ досадою бросилъ ему деньги на плащъ, и ускакалъ отъ него съ своими товарищами. Поутру оная пріѣхали козаки, и отняли у него все, что дали ему добродушные гусары. Черезъ нѣсколько часовъ увидѣлъ онъ нашего Офицера, Барона Бульдберга, и сказалъ ему свое имя и чинъ. Баронъ тотчасъ отправилъ его во Франкфуртъ. Тамъ перевязали ему раны, и онъ съ веселымъ видомъ разговаривалъ съ Философомъ Баумгартеномъ, нѣкоторыми Учеными и на-

ши-

шими Офицерами, которые носѣдали
его. Черезъ нѣсколько дней умеръ
онъ съ твердостью Столческаго Фи-
лософа. Всѣ наши Офцеры присут-
ствовали при его погребеніи. Одинъ
изъ нихъ, увидѣвъ, что у него на
гробѣ не было шпаги, положилъ свою,
сказавъ. *У такого храбраго Офицера
должна быть шпага.* — Клейстъ есть
одинъ изъ любезныхъ моихъ Поэтовъ.
Весна не была бы для меня такъ
прекрасна, есѣли бы Томсонъ и
Клейстъ не описали мнѣ всѣхъ кра-
сотъ ея.

Юля 2.

Нынѣ поушру приѣхалъ сюда Ко-
роль съ своею гостыею, Штангалъ-
тершею. Не можете вообразить, ка-
кая пышная была ей встрѣча. Всѣ
граждане поставлены были въ ружье.
Никакая сорочья стая не можетъ такъ
пестриться, какъ пестрился сей
Фрунтъ. Офицеры отличались
отъ рядовыхъ только шѣмъ, что у
нихъ косы привиты были гораздо
круче. Въ ожиданіи Штангалътерши
пя-

ткнули они всѣмъ фруитомъ водку, и такъ неосторожно, что нѣкоторые спускались лбами. Капитаны ходили и увѣщавали своихъ согражданъ опьяхнуть на караулъ мастерски. „И конечно, конечно! кричали они. мы не ударимъ себѣ лицомъ въ грязь. „ Не лъзя было не свѣяться этому фарсу. — Купцы, всѣ въ красныхъ кафтаняхъ, подъ предводительствомъ одного бачкира, выѣзжали встрѣчать Шпалтгальшершу за городъ. — И за то, что я послѣдился надъ Берлинскими гражданами, и взглянулъ на Шпалтгальшершу и Прусскаго Короля, вымочилъ меня дождь. Теперь начнуся здѣсь пиры и празднества; а тамъ не будетъ ли и свадьбы. — Иду въ Театръ.

Въ 10 часовъ ночи. Давно уже не былъ я такъ прилично расстроганъ, какъ нынѣ въ Театрѣ Представляли Дрaму *Menschenhaß und Meise*, *тeлoвѣкo-нeнaвнoдѣннe и рaскaяннe*, сочиненную Господиномъ Коцебу, Ревельскимъ жителемъ. Баронъ Меинау, человекъ

лѣшѣ

лѣтъ въ придать, женился на пятнадцатилѣтней Эйлали. Нѣсколько лѣтъ живутъ они щасливо. Эйлали почитаетъ въ своемъ супругѣ опытнаго и благоразумнаго человѣка; а онъ старается всѣмъ утѣшать ее и доставлять ей всевозможныя удовольствія. Но вдругъ, по нѣкоторому несчастному случаю, лишается онъ половины своего имѣнія. Надлежало ограничить расходы; а сія новая экономія не могла быть приятна молодой Эйлали. Въ сіе время одинъ молодой человѣкъ, обязанной Барону всѣмъ своимъ щасіемъ, вкрадывается мало по малу къ ней въ сердце — и чѣмъ же? Не ошмѣнною красотою, не ошмѣннымъ разумомъ, не добродѣлюю; но угожая всѣмъ женскимъ прихотямъ, угадывая желанія ея при самомъ ихъ зарожденіи, льстя ей, забавляя ее. Нѣтъ умеренности въ склонностяхъ юнаго женскаго сердца. Любовь къ сему молодому человѣку уменьшаетъ въ Эйлали любовь къ супругу, и наконецъ шакъ ослѣпляетъ ее,
что

что она — забывъ добродѣтель,
а съ нею забывъ супруга и дѣшей
своихъ — уходилъ съ своимъ раз-
вращителемъ. Сей ударъ былъ со-
всѣмъ печальною для Мейнау. Изъ
отчаянія оставляетъ онъ свой домъ,
клянетъ людей, бѣжитъ отъ нихъ и
безъ всякаго намѣренія странствуетъ
изъ земли въ землю Между тѣмъ въш-
реной молодой человекъ, удовлетво-
ря страха своей, оставляетъ Эила-
лю Тупъ открываются глаза ея —
она чувствуетъ всю ужасность сво-
его состоянія, весь стыдъ и несчастіе
порочной женщины. Наконецъ, подъ
именемъ Гжи Миллеръ, идетъ она въ
управительницы въ домъ къ Графинѣ
Винлерзее, и живетъ у нее въ дерев-
нѣ, во всегдашнемъ уединеніи и го-
рести. Едва осмѣливается она искашь
нѣкотораго утѣшенія въ тайныхъ
благодѣяніяхъ. — Случай приводитъ
Барона Мейнау въ сію деревню. Онъ
остается шупъ на нѣкоторое время,
живетъ въ маленькомъ домикѣ въ концѣ
цѣ звѣринца, ходитъ по лѣсамъ, чи-
щаетъ

пашѣ Циммерманову книгу *Объединеніи*, и клянешѣ природу человеческую. Отсюда начинается Драма — Графѣ и Графиня Виншерзее прѣзжаютъ въ деревню Баронѣ фонѣ дерѣ Горстѣ, братѣ Графининѣ, прѣѣхавши съ ними же, влюбляется въ Гжу Миллерѣ, и открывается въ томѣ сестрѣ своей Графиня любитѣ свою управительницу, и будучи увѣрена, что она не подлаго рода, не прощавшия намѣренію брата своего женитѣ на ней, и сама еще беретѣ на себя говорить о томѣ съ нею. Тутѣ Эйлалиа рѣшилася, въ собственное свое наказаніе, разсказать Графинѣ свою исторію „Величайшая жертва, говоритѣ она, какую истинное раскаяніе принести можетѣ, состоитѣ въ томѣ, чтобы добровольно отказатѣся отѣ почтенія любезныхъ людей „ Но Графиня обвиняетѣ ее и увѣряетѣ въ своей дружбѣ — Между тѣмѣ Мейнау имѣетѣ случай оказатѣ услугу Графу Сей послѣдній
упахѣ

упасть съ мосту въ рѣку, и конечно бы утонулъ, естли бы Мейнау не бросился и не вытащилъ его Графъ посылаетъ своего шурина звать его къ себѣ въ гости. Баронъ фонъ деръ Горстъ находитъ въ пустыникѣ стариннаго друга своего, принуждаетъ его рассказать ему свою исторію со времени ихъ разлуки, и, не смотря на отговорки, беретъ съ него слово прийти къ Графу Мейнау приходить, видишь Эйлаля, и въ тотъ же мигъ бросается назадъ въ двери Эйлаля падаетъ въ обморокъ — и тѣмъ кончилось четвертое дѣйствие Баронъ фонъ деръ Горстъ, узнавъ, что Эйлаля жена друга его, почитаетъ за должность спараться о ихъ соединеніи Эйлаля поручаетъ ему просить супруга своего, чтобы онъ позволилъ ей прийти къ нему и видѣть дѣшей своихъ Мейнау не хочетъ сперва и слышать о томъ, чтобы опять жить съ нею вмѣстѣ „Женщина, говоришь онъ, которая одинъ разъ могла измѣнить своему мужу,

можешъ измѣнить и въ другой разъ
 И что скажутъ обо мнѣ въ свѣтѣ,
 когда покажусь я съ моею бѣглою же-
 ною? Не станутъ ли указывать на
 меня пальцами? „Наконецъ рѣшился
 онъ въ послѣдний разъ видѣть Эйла-
 лію, а по томъ хочетъ съ дѣтьми
 своими (которыя посылаетъ привез-
 ти изъ города) удалиться въ такое
 мѣсто, гдѣ бы никогда уже не могъ
 встрѣтиться съ своею невѣрною, но
 все еще любезною ему супругою Эй-
 лаліа приходитъ. Ничего не можешъ
 быть прекраснѣе и прогательнѣе сценъ
 Меинау размягчается „О! ка-
 кого Ангела развратилъ ты у меня!“,
 говоритъ онъ, представляя себѣ въ
 мысляхъ соблазнителя своей супруги
 Эйлалиа не проситъ у него прощенія,
 она почищаетъ себя недостойною та-
 кого супруга — и въ ту минушу,
 какъ они хотяшъ сказать другъ дру-
 гу *прости на вѣки!* воѣгаютъ дѣти,
 бросающъ я цѣловать своихъ родите-
 лей, и Меинау, пронущою до глуби-
 ны сердца, прощаетъ Эйлалию; съ
 ры-

рыданіемъ бросается она въ объятія своего супруга, и занавѣсь закрывается — Никакая шеса не оставяла во мнѣ такихъ сладкихъ впечатлѣній, какъ сія Не скажу, чтобы въ ней не лъзя было ничего покришкивать — на прич. всякому странно покажется, что Баронъ фонъ деоъ Горстъ, выслушавъ исторію своего друга, проситъ его ийти сватать за него Гжу Миллеръ. Однако жь въ ней такъ много шрогашельнаго и прекраснаго, что зритель забываетъ кришку. — Г Флекъ играетъ ролю Барона Мейнау съ такою натуральностію, съ такимъ чувствомъ, что каждое слово его до сердца доходитъ. По крайней мѣрѣ я еще не видывалъ такого Актера. Въ немъ видны и великія природныя дарованія и великое искусство. Коротко сказать, я не знаю, какъ можно лучше представить Мизантропа съ добрымъ сердцемъ и оскорбленнаго супруга, хопящаго ненавидѣть, но все еще любящаго свою виновную супругу. —

Гж Унцельманъ представляетъ Эйлълю
очень прѳогапельно Въ игрѣ ея обна-
руживается какая-то нѣжная пом-
нѳст которая дѣлаетъ ее шѣмъ ин-
тереснѣе для зрителя Не лъзя отъ
слезъ удержаться тамъ, гдѣ она,
открывъ Графинѣ свое сердце, бро-
сается къ ногамъ ея и говоритъ
*Verstossen Sie mich nicht! Verstossen Sie
mich nicht!* и гдѣ она приходитъ на-
всегда просишься съ супругомъ —
Я думаю, что у Нѣмцовъ не было бы
такихъ Актеровъ, еспъли бы не было
у нихъ Лессинга, Гете, Клингера,
Шиллера и другихъ Драмаическихъ
Авторовъ, которые съ такою живо-
спню представляютъ въ Драмахъ сво-
ихъ человека, каковъ онъ еспъ, из-
ображая, такъ сказать, всѣ оппѣнки
его напуры, но опвергая всѣ излиш-
ня украшения, или Французскія румя-
ны, которыя человеку съ чистымъ
естественнымъ вкусомъ не могутъ
быть прѳясны Чистая Шекспира,
чистая Нѣмецкя Драмы, я живо во-
ображаю себѣ, какъ надобно играть
Ак-

Актеру, и какъ что произнести; но при чтеніи Французскихъ Трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть Актеру хорошо, или натурально, или такъ, чтобы меня пронуть — Вышедши изъ Театра, оберъ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу Повѣрише ли, друзья мои, что нынѣшній вечеръ причисляю я къ щасливѣйшимъ вечерамъ моей жизни? И пусть теперь доказываютъ мнѣ, что Изящныя Науки не имѣютъ вліянія на щастіе наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствіе, пока сердце будетъ биться въ груди моей — пока будетъ оно чувствительно!

Юля 4

Вчера поутру въ шесть часовъ воѣхали мы съ Д* верхомъ въ Пошдакъ Прятель мой, выхватъ изъ города, потчасъ далъ шпоры своему коню и пустился рысью И я было за нияъ пришпорилъ, но на двадцати

шагахъ долженъ былъ остановить свою лошадь, почувствовавъ въ боку коликъ. Хотя товарищу моему крайне хотѣлось догнать двухъ верховыхъ, которые передъ нами ѣхали, однако жь для меня поѣхалъ онъ шагомъ. — Ничего нѣтъ скучнѣе дороги отъ Берлина въ Потсдамъ. Вездѣ глубокой песокъ, и никакихъ занимательныхъ предметовъ въ глаза не попадается. Но видъ Потсдама, а особливо *Санъ-Суси*, очень хорошъ. Мы остановились въ прахпирѣ, не дѣвжая до городскихъ воротъ. Отдохнувъ и заказавъ обѣдъ, пошли мы въ городъ. У воротъ записали наши имена; однако жь въ разсужденіи допросовъ нынѣ нѣтъ уже такой строгости, какъ прежде Покойной Король, живя въ Потсдамѣ, хотѣлъ знать обо всѣхъ приѣзжихъ. — На парадномъ мѣстѣ противъ дворца, которое украшено Римскими колоннадами, училась гвардія: прекрасные люди, прекрасные мундиры! Видъ дворца со стороны сада очень хорошъ. Городъ во-
обще

обще прекрасно выстроены, а особливо въ такъ называемой *Римской улицѣ* много великолѣпныхъ домовъ, копорые построены отчасти по образцу огромнѣйшихъ Римскихъ палащъ. Покоиной Король на собственные свои деньги строилъ дома, и по томъ дарилъ ихъ, кому хотѣлъ. Нынѣ сн огромныя зданія стоятъ пусты, или занимающася солдатами. Жителей очень мало. Причина сему та, что нынѣшній Король совсемъ оставилъ сей городъ, предпочитая ему Шарлошенбургъ. Не для того ли проливенъ ему Попсдамъ, что онъ, будучи Принцомъ, имѣлъ тамъ много недовольствъ и досадъ? Вообразише, что цѣлой домъ въ два этажа ходилъ тамъ въ наемъ по пятидесяти рублей въ годъ, да и то нанимать не кому. На дверяхъ большихъ домовъ висятъ солдатскія сумы, камзолы и проч. Корошко сказалъ, Попсдамъ похожъ на такой городъ, изъ котораго жители удалились, услышавъ о приближеннн непрятеля,

и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защищенія Не можете представить, какъ печаленъ ссидь видъ пустыи

Въ Потсдамѣ есть Руская церковь подъ названіемъ стараго Рускаго солдата, которой живетъ тамъ со временъ црствованія Императрицы Анны Мы насилу могли сыскать его Дряхлой старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и услышавъ, что мы Рускіе, прѣянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ *слава Богу! слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-Руски, но мы съ трудомъ могли разумѣть друга друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово, а что мы съ товарищемъ между собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили по-Руски ,Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ или я, можетъ быть, забываю его ,, И то и другое правда, ошвѣчали мы ,,Пойдемте въ церковь

ковъ Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, уходя нынѣ и нѣшѣ праздника, Старикъ насилу могъ передвигать ноги Сердце мое напомнилосъ благоговѣшемъ, когда отворилася дверь въ церковь, гдѣ сполько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва перерываемое слабыми вздохами и тихимъ голосомъ молящагося старца, кошорой по воскресеньямъ приходитъ шуда чиганъ святѣишю изъ книгъ, приготавливающую его къ блаженной вѣчности Въ церкви все чисто. Церковныя ушвари и книги хранящся въ сундукъ Отъ времени до времени старикъ перебираетъ ихъ съ молитвою. „Часто отъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моеи, кошорая отъ меня конечно уже не далеко, не кому будетъ смолрътъ за церковью, — Съ полчаса побыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ, по томъ простились съ почтеннымъ старикомъ, и пожелаали ему — покойной смерти

Послѣ

Послѣ обѣда поѣхали мы въ Сантъ-Суси Сей увеселител домъ замокъ лежитъ на горѣ, откуда можно видѣть городъ со всеми окрестностями, что составляетъ весьма пріятную картину. Здѣсь жилъ не Король, а Философъ Фридрихъ — не Стоической и не Циникъ — но Философъ любившій удовольствія и умѣвнѣе находить ихъ въ Изящныхъ Искусствахъ и Наукахъ. Онъ хотѣлъ соединить здѣсь простоту съ великолѣнїемъ. Домъ низокъ и малъ; но, взглянувъ на него, всякой назоветъ его прекраснымъ. Внутри комнаты убраны со вкусомъ и богато. Въ круглой мраморной залѣ надобно удивляться колоннамъ, живописи и прекрасно набранному полу. Комната, гдѣ Король бесѣдовалъ съ мерзвыми и живыми Философами, убрана вся кедровымъ деревомъ. Съ горы, срышюй уступами (которыя одна другую закрываютъ, такъ, что взглянувъ снизу вверхъ, видишь только одну зеленую гладкую гору) сошли

мы

мы въ пріятной саѣ, украшенной мраморными фигурами и группами. Здѣсь гулялъ Фридрихъ съ своими Вольперами и д'Аламбертами. Гдѣ ты теперь? думалъ я Сажень земли вмѣстила прахъ твой Любезныя твои мѣста, для украшения которыхъ призывалъ ты лучшихъ художниковъ, теперь осиротѣли и пусты. — Изъ саду прошли мы въ паркъ, гдѣ встрѣчашся глазамъ Японской домикъ на лѣвой сторонѣ главной алеи; а далѣе, перешедши черезъ каменной мостъ, видишь на обѣихъ сторонахъ прекрасныя храмики. Мы прошли къ *новому дворцу*, построенному покойнымъ Королемъ со всею царскою пышностью. Внутренность еще великолѣпнѣе внѣшности; и дивясь богатству, дивишься и вкусу, которой виденъ въ уборѣ комнатъ. Болѣе шести миллионовъ талеровъ стоилъ Королю сей дворецъ — Правда, я былъ шупъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ надобно разсматривать пышныя произведенія искусствъ. Кровь моя вол-

но-

новалась, голова болѣла, и я насилу могъ ходить. Остава дворецъ, поѣхали мы назадъ въ городъ, чтобы отдохнуть нѣсколько въ томъ трактирѣ, гдѣ мы обѣдали. Такимъ образомъ, къ великому своему сожалѣнію, не видалъ я и картинной галереи въ Санъ - Суси.

День склонялся къ вечеру, и надобно было думать о возвращеніи. Вода съ виномъ освѣжила меня, и мы попихоньку поѣхали назадъ въ Берлинъ по Шарлоттенбургской дорогѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть сей городокъ. Товарищъ мой шутъ не ѣзжалъ, но все увѣряли насъ, что намъ не лъзя сбиться съ дороги. Чѣмъ дальѣе ѣхалъ я, тѣмъ хуже мнѣ спяновилось. Разъ шесть сходилъ я съ лошади и отдыхалъ на правѣ. Ночь застала насъ въ большомъ лѣсу. Наконецъ я такъ ослабѣлъ, что не могъ ни ѣхать ни итти пѣшкомъ, и какъ полумертвый лежалъ подъ деревомъ съ закрытыми глазами. Въ лѣсу царствовала глубокая тишина. Товарищъ мой стоялъ
подъ

подлѣ меня, держа обѣихъ лошадей, и не зналъ, что со мною дѣлать. Наконецъ онъ вздумалъ было оставить меня, искать по близости какого нибудь селенія, начявъ шелѣгу и везши меня въ Берлинъ, но какъ же было мнѣ остаться одному, ночью, въ лѣсу и въ такой слабости? Если-ли бы въ сей положеніи наши меня какія нибудь люди, что бы могли они обо мнѣ подумать? Что бы могли сдѣлать со мною? Все мое имѣніе было со мною и такъ если бы меня ограбили? Однимъ словомъ, я просилъ его, чтобы онъ не оставялъ меня. Такимъ образомъ прошло около часа. По томъ я вспалъ, и пожавъ руку у моего любезнаго, печительнаго товарища, сказалъ ему, что мнѣ лучше съ полверсты прошли мы пѣшкомъ, а по томъ сѣли на лошадей. Смертельная жажда томила меня, и за стаканъ воды отдавалъ бы я половину своихъ червонцевъ. Шарлоттенбургъ былъ отъ насъ еще не близко. Нѣсколько разъ думали мы

ви-

видѣть его , подѣзжали и видѣли —
лѣсъ и мракъ . Наконецъ пріѣхали въ
городъ , и съ жадностію , какой еще
никогда въ жизни своей не чувство-
валъ , лилъ я въ себя холодную воду .
До Берлина оставалась одна миля .
Мнѣ хотѣлось какъ нибудь добрасть
ся до мѣста , и мы вѣхали въ алею
звѣринца . Луна вошла надъ нами ,
ясной свѣтъ ея разливался по зелени
листвьевъ , тихой и чистой воздухъ
упишанъ былъ благовонными испаре-
ніями листвъ . И я могъ жаловаться
въ сіи минуты — тогда , когда мать
Природа дышала ароматами вокругъ
меня ? Сія ночь , друзья мои , будетъ
для меня незабвенна — Городскія
ворота были уже зашворены , одна-
ко жь насъ впустили .

Нынѣ поутру всталъ я здоровъ
и бодръ , одѣлся и поѣхалъ къ Го-
сподину М** . Онъ повезъ меня къ
Формею , Секретарю Берлинской
Академіи , которой принялъ меня
очень учтиво . Сей старикъ все
еще бодръ и веселъ . Онъ читалъ намъ

ПИСЬМО

письмо, полученное нами изъ П* отъ
своего родственника, котораго вся-
кую недѣлю пишеть къ нему, и не
щадя оумаги Не повѣрите, съ ка-
кимъ удовольствіемъ я все это чи-
таю!», сказалъ онъ — Г Формей
былъ знакомъ съ Вольтеромъ, и раз-
сказывалъ намъ нѣкоторыя анекдоты
касательно до его пребыванія въ
Берлинъ — Въ слѣдующій четвер-
токъ будетъ собраніе въ Берлинской
Академіи, въ которое угодно было
Господину Формею пригласить меня
По томъ поѣхали мы къ зятю его,
Господину М*, Профессору, содер-
жателю большаго пенсіона и также
Члену Академіи. Онъ показывалъ намъ
минеральной кабинетъ и библиотеку
сестры покойнаго Короля, состоящую
изъ Французскихъ, Англійскихъ, Ита-
лянскихъ и Нѣмецкихъ книгъ —
Философическихъ, историческихъ и
политическихъ — Послѣ обѣда имѣлъ
я честь быть представленъ Графу
Н*, которому угодно было спросить
меня о планѣ моего путешествія

В у

У него былъ К Р^е, кошорой шакже удо-
стоилъ меня вопросовъ двухъ —
Возвращаясь домой, написалъ я нѣсколь-
ко строкъ къ вамъ, друзья мои, и
пошелъ въ Оперу Оперной домъ ве-
ликъ и очень хорѣшъ Тутъ видѣлъ
я всю Королевскую фамилію и Шшап-
гальпершу съ дочерью Играли Опе-
ру Медею, въ кошорой пѣла Тоди.
Я слышалъ сію славную пѣвицу еще
въ Москвѣ, и скажу — можетъ бышь
къ стыду своему — что ея пѣніе
мало трогаешъ мое сердце. Для ме-
ня не очень приятно видѣть наиря-
женіе, съ кошорымъ она поешъ Впро-
чемъ, будучи только любителемъ му-
зыки, не могу цѣнить искусства ея
Что принадлежитъ до декорацій, то
онѣ были великолѣпны — Въ пар-
терѣ было шакъ тѣсно и жарко, что
я насилу могъ дождашься конца Оперы

Юля 5

Нынѣ былъ я у старика Рамлера
Нѣмецкаго Горація. Самой почтенной
Нѣ

Нѣмецъ! Ваши сочиненія, сказалъ я ему, читаются у насъ классическими Ему, казалось, было пріятно, что и въ Россіи читаютъ его стихи и знаютъ ихъ цѣну Рамлеръ напитался духомъ древнихъ, а особливо Латинскихъ Поэтовъ Въ Одахъ его есть истинные восторги, высокое пареніе мыслей и языкъ вдохновенія. Только иногда присвоиваетъ онъ себѣ и чужіе восторги, и, такъ сказать, заимствуетъ огонь у Горация или какого нибудь другаго древняго Поэта — правда, всегда искуснымъ образомъ Теперь онъ уже прожилъ вѣкъ Поэзіи. Въ новыхъ его пѣсахъ надобно удивляться круглости, чистотѣ и гармоніи, не искусству его въ механизмѣ Поэзіи, или въ собственномъ стихотворствѣ; но въ нихъ нѣтъ уже пилическаго жара, коюрой всегда съ лѣтами проходитъ Кажется, что онъ самъ это чувствуетъ, и по тому нынѣ мало сочиняетъ Главное его упражненіе съ нѣкотораго времени состоитъ въ переводахъ

Римскихъ Поэтовъ, въ которыхъ почти всегда соблюдаетъ онъ мѣру оригинала. Сии піесы, печатаемыя въ Берлинскомъ Журналѣ, могутъ служить примѣромъ въ искусствѣ переводить. „Тецеръ, сказалъ онъ мнѣ, принялся я за Марціала. Только не многія изъ его піесъ были до сего времени переведены на Нѣмецкомъ. Самъ Лессингъ перевелъ нѣкоторыя, не упоминая Марціалова имени. — Еще при жизни Геснеровой началъ онъ перекладывать въ стихи его Идилли. „Я подражаю Сократу — писалъ онъ къ Авшору, своему другу — котораго въ старости своей переложилъ въ стихи Езоповы басни. „Искусные критики не довольны симъ трудомъ его. Легкость и простота Геснерова языка, говорятъ они, пронаждаетъ въ экзаменахъ къ премудре въ Идилліяхъ Швейцарскаго Теокрита есть какая-то гармонія, которая не успушаетъ гармоніи стиховъ. Но Рамлеръ думаетъ, и мнѣ сказалъ, что Геснеровы Идилли были только по тому не-

со-

совершенны , что Авторъ писалъ ихъ не экзастрами — Стихи свои еще въ рукописи читаетъ онъ одной госпожѣ , своей прятельницѣ , которая , не будучи ученою , имѣетъ природное нѣжное чувство изящнаго „Иногда , сказалъ онъ мнѣ , я прошиворѣчу ей , когда она находитъ что нибудь прошивное въ моихъ пьесахъ. *Говорите , что хотите* , отвѣчаетъ она *я не могу опровергать васъ , но остаюсь при своемъ чувствѣ* Накомецъ , подумавъ хорошенько , нахожу , что она права , и винюсь передъ нею., Мнѣ шутъ пришла на мысль Аспазія , кошорой Аѳинскіе пѣвцы отдавали за судъ свои сочиненія ; ушамъ ея вѣрили они болѣе , нежели своимъ — и я думаю , что женщины вообще могутъ чувствовать красоты Поэзіи живѣе , нежели мужчины — Рамлеръ возстаетъ прошивъ Греческихъ мифологическихъ именъ , кошорыя Графъ Штолбергъ , Фосъ и другіе удерживали въ своихъ переводахъ. Мы уже привыкли къ Лапиискимъ , говоритъ

онъ; на что переучивать насъ безъ всякой нужды? — Онъ очень любитъ Театръ, и все, что я слышалъ отъ него объ искусствѣ представленія, мнѣ очень полюбилось. Славной Экгофъ утверждалъ, что Актеру не надобно чувствоваться для того, чтобы хорошо играть, если не ошибаюсь, то и Энгель въ своей Мимикъ тоже говорилъ, но Рамлеръ думаетъ прошивное и, кажется, справедливѣе ихъ. Въ разговорѣ о Лейцигскихъ Ученыхъ упомянулъ я о Вейсе „Вейсе лучшей другъ мой, сказалъ онъ, и указалъ мнѣ на стѣнѣ портретъ его — Наконецъ я просился съ нимъ, и онъ на память подарилъ мнѣ Оду, сочиненную имъ нынѣшнему Королю, или, лучше сказать, кантатъ, выбранной изъ псалмовъ. — Рамлеръ высокъ, худощавъ, долгоносъ, говоритъ протяжно и отборно.

Отъ него прошелъ я въ Театръ. Представляли Донъ Карлоса, Шиллерову Трагедію Несчастная любовь Принца къ его мачихѣ Елисаветѣ,

которая прежде была его невестою, есть содержание сей Трагедии Характеръ Короля Филиппа 11, о которомъ Исторія говоритъ столько и худаго и добраго, которой, подъ предлогомъ испреобленія ереси, столько пролилъ крови человѣческой, которой, услышавъ о погибели флота своего, разсѣяннаго въпрямъ и разбишаго Англичанами, равнодушно сказалъ. *Я послалъ его противъ Англичанъ, а не противъ вѣтровъ буди воля Божія!* и се несчастіе перенесъ съ твердостью Героя — сей характеръ изображенъ весьма искусно. Благородной и пылкой въ страстяхъ своихъ Донъ Карлосъ трогаетъ зрителя до глубины сердца Благоразумной и великодушной Маркизъ Поза, другъ Принцовъ, пробуждающій въ немъ ревность къ добродѣтели и къ великимъ дѣламъ, которую усыпила было въ немъ несчастная страсть, представленъ Авторомъ въ примѣрѣ истинно великаго мужа. Есть пре-

прогашельныя и уласныя сцены. —
Короля игралъ Флекъ, и я еще бо-
лѣе увѣрился въ томъ, что онъ ве-
ликой Актеръ. Маттаушъ, молодой
Актеръ, представлявши Донъ Ка-
лоса, весьма хорошо выражалъ жи-
вость и пылкость Принцова характе-
ра. Къ тому же онъ очень не ду-
ренъ собою. Что принадлежитъ до
роли Маркиза Позы, то Унцельманъ
игралъ ее какъ-то очень деревянно.
Ему гораздо натуральнѣе представ-
лять въ *Menschenhaß und Neid* стар-
го Генерала, которой отъ скуки
мухъ бьетъ, нежели важнаго Марки-
за Позу. Ролю Королевы играла очень
слабо какая-то молодая Актриса.
Тж Унцельманъ весьма прогашельно
представляла молодую Принцессу,
влюбленную въ Принца. — Ся Тра-
гедія есть одна изъ лучшихъ Нѣмец-
кихъ драматическихъ пьесъ, и вооб-
ще прекрасна. Авторъ пишетъ въ
Шекспировомъ духѣ. Есть только
слишкомъ фигурныя выраженія (такъ
какъ

какъ и у самаго Шекспира), которыя
хотя и показывающъ остроуміе Авто-
ра, однако жь въ Драмѣ не у мѣста

Берлинъ, Іюля 6

Веди меня къ Морицу, сказалъ
я нынѣ поутру наемному своему ла-
кею „А кто этошъ Морицъ?“, —
Кто? Филиппъ Морицъ, Авторъ,
Философъ, Педагогъ, Психологъ —
— „Постойте, постойте! Вы мнѣ
много рассказали; надобно поискать
его въ календаръ подъ какимъ нибудь
однимъ именемъ. И такъ (*вынувъ изъ
кармана книгу*) и такъ онъ Фило-
софъ, говорите вы? Посмотримъ „
— Простодуше сего добраго чело-
вѣка, которой съ важностію перево-
рачивалъ листы въ своемъ всезаключ-
ающемъ календарѣ, и непременно хо-
тѣлъ найти въ немъ роспись Фило-
софовъ, заставило меня смѣяться.
Посмотри его лучше между Профес-
сорами — сказалъ я — пока еще
число любителей мудрости не извѣ-
стно

ешно въ Берлинѣ — Карлъ Филиппъ Морицъ, живетъ въ — — „Поидемъ же къ нему.“

Я имѣлъ великое почтение къ Морицу, прочитавъ его Anton Reiser, весьма интересную психологическую книгу, въ которой описываетъ онъ собственныя свои приключенія, мысли и чувства, и развитіе душевныхъ своихъ способностей Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser предпочитаю я всѣмъ систематическимъ Психологіямъ въ свѣтѣ.

Человѣку съ живымъ чувствомъ и съ любопытнымъ духомъ трудно ужишься на одномъ мѣстѣ; неограниченная дѣятельность души его требуетъ всегда новыхъ предметовъ, новой пищи. Такимъ образомъ Морицъ, накопивъ отъ Профессорскаго дохода своего нѣсколько луидоровъ, ѣздилъ въ Англію, а по томъ въ Италію, собирать новыя идеи и новыя чужества. Подробное и, можно сказать, оригинальное описание перваго путешествія его, которое издалъ онъ

подъ

родъ титуломъ *Reisen eines Deutschen in England*, читалъ я съ великимъ удовольствіемъ. О путешествіи его по Италиі, откуда онъ недавно возвратился, Нѣмецкая Публичка еще ничего не знаетъ.

Я представлялъ себѣ Морица — не знаю, по чему — человекомъ лѣтъ за сорокъ, но какъ же удивился, найдши въ немъ еще молодого человека лѣтъ въ тридцать, съ румянымъ и свѣжимъ лицомъ! „Вы еще такъ молоды, сказалъ я, а успѣли уже написать столько прекраснаго!“, Онъ только что улыбнулся — Я пробылъ у него часъ, въ которой мы перебрали довольно разныхъ матерій

„Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ путешествовать, говоритъ Морицъ. Всѣ идеи, которыя мы получаемъ изъ книгъ, можно назвать мертвыми въ сравненіи съ идеями очевидца — Кто хочетъ видѣть просвѣщенный народъ, которой посредствомъ своего трудолюбія дошелъ до высочайшей
сше.

степени утонченности въ жизни тому надобно ѣхать въ Англию; къ чему имѣть надлежащее понятие Древнихъ, пошль долженъ видѣть Италию. „ — Оубъ спрашивалъ меня о нашемъ языкѣ^{те}, о нашей Литтературѣ. Я долженъ былъ прочесть ему нѣсколько стиховъ разной мѣры, коихъ гармонія показалась ему довольно пріятною. „Можетъ быть придетъ такое время, сказалъ онъ, въ которое мы будемъ учиться и Русскому языку, но для этого надобно вамъ написать что нибудь превосходное. Тутъ невольной вздохъ вылетѣлъ у меня изъ сердца. Всѣмъ новымъ языкамъ предпочитаетъ онъ Нѣмецкой, говоря, что ни въ которомъ изъ оныхъ нѣтъ столько *значительныхъ* словъ, какъ въ семъ послѣднемъ. Надобно сказать, что Морицъ есть одинъ изъ первыхъ знашковыхъ Нѣмецкаго языка, и что можетъ быть никто еще не разбираетъ его такъ философически, какъ онъ. Весьма любовныя небольшія его пѣсы *Ueber die Sprache*

Sprache in psychologischer Rücksicht, которая сообщает онъ въ своемъ Психологическомъ Магазинѣ — „Намъ должно всегда соединенными силами искашь истины, говоритъ онъ она укрывается опѣ *уединеннаго* искашеля, и *утопленнои* Философъ часто принимаетъ призракъ истины за существо ея „ — Морицъ въ ссорѣ съ Кампе, славнымъ Нѣмецкимъ Педагогомъ, которой публично въ Вѣдомостяхъ разругалъ его за то, что онъ вышелъ изъ связи съ нимъ, и не хотѣлъ болѣе печатать своихъ сочиненій въ его типографіи „Я хотѣлъ опвѣчать ему въ такомъ же тонѣ, сказалъ Морицъ, и написалъ было уже листа два, однако жь одумался, бросилъ въ огонь написанное, и хладнокровно предложилъ Публикѣ свое оправданіе „ Сираинья вы люди! думалъ я вамъ не лзя ужиться въ мирѣ. Нѣтъ почти ни одного извѣснаго Автора въ Германіи, которой бы съ кѣмъ нибудь не имѣлъ публичной ссоры, и Публика читаетъ съ удоволь

воль

вольствиемъ бранныя ихъ сочиненія
— Adieu, Г Профессоръ! —

По томъ хотѣлъ было я видѣть Энгеля, сочинителя *Свѣтскаго Философа* и *Милки*, но къ сожалѣнiю не засталъ его дома. Послѣ обѣда былъ я на фарфоровой фабрикѣ, которая, по чистотѣ и твердости фарфора, есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Миѣ показывали множество прекрасныхъ вещей, въ которыхъ надобно удивляться искусству рукъ человеческихъ.

Въ Театрѣ представляли нынѣ Шредерову *Familiengemälde* — пьесу, которая не сдѣлала во миѣ никакого прiятнаго впечатлѣнiя, можетъ быть отъ того, что ее худо играли — и Оперу *Два охотника*. Въ послѣдней пьесѣ ролю дѣвки молодшицы играла та Актриса, которая въ *Донъ Карлосъ* представляла Королеву какое превращенiе! Однако жь дѣвку молодшицу играетъ она натуральнѣе, нежели Королеву.

Берлинъ, Юля 7.

Нравственность здѣшнихъ жителей прославлена отчасти съ худой стороны. Г. Ц*** называетъ Берлинъ Лодомомъ и Гоморомъ; однако жь Берлинъ еще не провалился, и Небесной нѣвъ не превращаетъ его въ пепелъ. Въ самомъ дѣлѣ Г Ц***, писавъ себѣ, абылъ, что во всѣхъ семьяхъ бываютъ уроды, и что по симъ уродамъ нельзя заключать о всей семьѣ. Мурено и людамъ считается между собою въ добродѣтеляхъ или порокахъ, городамъ еще мудренѣе. — Однимъ ловомъ, ешьли бы Г. Леибъ-Мейкъ и Кавалеръ былъ непристраденъ; ешьли бы *нѣкоторыя* люди въ Берлинѣ не зацѣпили его за живое, г бы онъ конечно не заговорилъ и дамъ не философскимъ, мизантропическимъ и для Космополита и Филантропа оскорбительнымъ языкомъ. Говорятъ, что въ Берлинѣ много распутныхъ женщинъ; но ешьли бы Правительство не терпѣло ихъ, то было бы, можетъ быть, болѣе рас-

рас-

распутства въ семействахъ — или надлежало бы выслать изъ Берлина тысячи солдатъ, это множество холостыхъ, праздныхъ людей, которые конечно не по Руссовой системѣ воспитаны, и которые по своему состоянию не могутъ жениться.

Мнѣ сказывали, что однажды ввечеру въ звѣринцѣ возвращенныя Берлинскія Вакханшны какъ фурии бросились на одного несчастнаго Орфея, который уединенно гулялъ въ темной алеи; отняли у него деньги, часы, и сорвали бы съ него самое платье, если бы подошедшія люди не принудили сихъ презрѣнныхъ шварей разбѣжаться. Но если бы рассказали мнѣ и тысячу такихъ анекдотовъ, то я все не предалъ бы анаемѣ такого прекраснаго города, какъ Берлинъ.

Въ похвалу Берлинскихъ гражданъ говорятъ, что они трудолюбивы, и что самыя богатые и знатныя люди не расточаютъ денегъ на суешную роскошь, и соблюдаютъ строго законъ

что мы очень сердиты на богиню Киприду.

Здѣсь стоятъ на улицахъ наемныя кареты, такъ какъ у насъ извозицы дрожки или сани. За восемь грошей — что по нынѣшнему курсу составитъ 40 копѣекъ — можно ѣхать въ городъ куда угодно, только въ одно мѣсто. Карета и лошади очень изрядны.

Справедливо говорятъ, что путешественнику надобно всегда останавливаться въ первыхъ трактирахъ, не только для лучшей услуги, но и для самой экономии. Тамъ есть всему определенная цѣна, и лишняго уже ни съ кого не потребуютъ; а въ худыхъ трактирахъ стараются взять съ васъ какъ можно болѣе, если примѣшатъ, что въ кошелькѣ вашемъ есть золото. У Г. Блумъ плачу я за обѣдъ, которой состоитъ изъ четырехъ блюдъ, 80 коп., за порцію кофе 15 коп., а за комнату въ день 50 коп. Наемной лакей всегда благодарилъ меня,

ня,

ня, когда я давалъ ему въ день по полтинѣ.

Нынѣ счелъ я, что дорога отъ Кенигсберга до Берлина стоить мнѣ не болѣе пятнадцати червонныхъ. На обыкновенной почтѣ плащяшъ за милю 6 грошей или 30 копѣекъ; сверхъ того надобно давать пошлліонамъ на вино.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.)

МАРІЯ (*).

Переводъ съ Англіискаго.

Какая прекрасная мелодія! сказалъ я, и тотчасъ опустилъ переднее стекло,

Г 2

кло,

(*) Отрывокъ изъ Тристрама Шанди, сочиненія Англичанина Стерна, оригинальнаго, неподражаемаго, чувствительнаго, добраго, остроумнаго, любезнаго Стерна. — Въ путешествіи своемъ по Франціи онъ подлинно видѣлъ сію несчастную Марію, жертву чувствительности и любви. Издатель въ слѣдующемъ мѣсяцѣ сообщитъ и то, что Авторъ говоритъ объ ней въ другомъ своемъ сочиненіи, *Sentimental Journey*. — К.

кло, чтобы лучше слушать ее. — Это Марія, сказалъ поспиллюнъ, примѣняя, что я слушаю Бѣдная Марія, продолжалъ онъ (наклонясь на сторону, чтобы я могъ видѣть ее, ибо она была въ прямой линіи противъ насъ) сидитъ на правѣ съ маленькою своею козочкою, и играетъ на свирѣли вечернія молитвы.

Молодой поспиллюнъ произнесъ си слова такимъ прогательнымъ голосомъ и съ такимъ жалкимъ видомъ, что я въ ту же минуту обѣщался дать ему двадцать чешыре су по приѣздѣ въ Муленъ.

А кто эта бѣдная Марія? спросилъ я. — Предметъ любви и сожалѣнія всѣхъ окружныхъ деревень, отвѣчалъ поспиллюнъ. Какою прекрасною, умною и милою дѣвушкою была она за три года передъ этимъ! Ей ли бы, казалось, не быть щастливою! Но приходской Священникъ происками своими не далъ совершиться ея свадьбѣ — вышло запрещеніе, и бѣдная наконецъ помѣшалась

Между тѣмъ мы ѣхали, а Марія, немного отдохнувъ, опять приложила свирѣль къ губамъ своимъ, и заиграла шуле мелодію, но только въ десять разъ прогашельнѣе. Это вечерняя пѣснь Богоматери, сказалъ молодой поспилмонъ, а кто ее выучилъ играть, и какъ ей доошалась эта свирѣль, Господь знаетъ. Мы право думаемъ, что самъ Богъ послалъ ей это утѣшеніе. Съ того времени, какъ она помѣшалась въ умѣ, нѣтъ у нее другой отрады, она изъ рукъ не выпускаетъ своей свирѣли, и безпрестанно играетъ на ней эту священную пѣснь.

Поспилмонъ говорилъ се съ такимъ скромнымъ видомъ и съ такимъ натуральнымъ краснорѣчiemъ, что я примѣтилъ въ лицѣ его нѣчто превышающее его состояніе, и попросилъ бы его рассказать мнѣ собственную свою исторію, еслили бы бѣдная Марія не совершенно овладѣла моею душою.

Мы подъѣхали къ самому тому мѣсту, гдѣ сидѣла Марія. На ней былъ тонкой бѣлой корсетъ. Головнымъ уборомъ служила ей шелковая сѣточка, въ которую были подобраны ея волосы (кромѣ двухъ выпущенныхъ локоновъ) и вплетены съ одной стороны оливковые ленточки. Она была прекрасна, и если бы я въ эту минуту не чувствовалъ живо сострадательной любви, то въ сердцѣ моемъ конечно никогда не бывало сего чувства.

Исцѣли ее, Боже! сказалъ постигло ея болѣе ста молебновъ служили объ ней въ разныхъ приходскихъ церквахъ и монастыряхъ, только все понапрасну. Временемъ приходитъ она въ себя, и по тому мы все еще надѣемся, что пресвятая Богоматерь наконецъ и совершенно приведетъ ее въ разумъ, только родственники ея, которые конечно знаютъ ее лучше нашего, совсѣмъ въ этомъ отчаялись, и думаютъ, что она на вѣкъ останется безъ ума.

Въ то время, какъ постиллионъ говорилъ се, Марія заиграла такъ печально, такъ прогашельно и жалко, что я выскочилъ изъ коляски и очутился сидящимъ между ею и козой ея, прежде нежели могъ прийти въ себя отъ своего восторга

Марія точно посмотрѣла на меня, но потомъ на свою козу, по томъ опять на меня и опять на свою козу.

Какое же сходство находишь ты, Марія, между нами? сказалъ я тихимъ голосомъ

Здѣсь прошу добродушнаго чипашеля повѣрить мнѣ, что вопросъ сей сдѣлалъ я отъ смиренчаго увѣренія въ сходствѣ человека съ безсловеснымъ животнымъ; и что я не хотѣлъ бы употребить непристойной шутки въ почтенномъ присутствіи бѣдности, вслыши бы черезъ нее могъ прослыть

первымъ острякомъ въ свѣтѣ. Однакожь собственное мое сердце билось, и одна мысль о семъ была для меня такъ мучительна, что я клялся освятить себя мудрости, до самой

смерти не говоришь ничего, кроме важную, и никогда, никогда уже не шепнуть съ ближними своими, какъ бы еще ни дологъ былъ день моей жизни

Прости, Марія! прости, несчастная Марія! Когда нибудь — только не теперь — могу я слышать изъ собственныхъ устъ твоихъ горестную исторію твоей жизни. Однако жъ я обманулся; ибо она въ ту же минуту взяла свою свирѣль, и разсѣяла мнѣ на ней такую печальную повѣсть, что я вскочилъ, и неровными и безпорядочными шагами тихо пошелъ къ своей коляскѣ.

С М Ъ С Ъ (*).

1. Извѣстия, опубликованныя о любопытномъ опытѣ Доктора Гарвуда, Профессора Анапоміи въ Кембричѣ, были не весьма достоверны Мы имѣли случаи узнать все обстоятельство

спва

(*) Подъ симъ титуломъ Издастель будетъ сообщать разные анекдоты изъ иностранныхъ Журналовъ. — К.

ства сего опыта опѣ одного очевидца, и почищемъ за удовольствіе сообщить оныя нашимъ читателямъ — въ прошедшемъ Мартѣ мѣсяцѣ Г. Гарвудъ, преподавая лекціи о *сравнительной Анатомии*, и сравнивая человеческую кровь съ кровію другихъ животныхъ, имѣлъ случаи замѣтить, сколь мало различія находится въ крови звѣрей разныхъ *родовъ* и *видовъ*, хошя одни питаются животною, а другія растительною пищею. Изъ сего естественно заключалъ онѣ, что одно животное можетъ жить кровію другаго, совсѣмъ отличнаго рода, еспли бы сію кровь можно было безъ опасности впустить въ его систему. Онѣ предложилъ исторію разныхъ несовершенныхъ опытовъ въ *перелити крови*, которые были дѣланы около середины послѣдняго вѣка Оксфордскимъ Докторомъ Лоэрочъ и другими, и которыхъ дальнѣйшему успѣху воспрепятствовали суевѣрныя предразсужденія простолюдиновъ. Лекцію свою заключилъ онѣ сообщеніемъ соб-

ствечныхъ своихъ любопытныхъ опытовъ въ *перелити*, которые съ усилѣхомъ дѣлалъ онъ надъ разными животными, наиболее различными въ разсужденіи пищи и образа жизни. Изъ всего предложеннаго выводилъ онъ, что въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ смерть должна быть неизбежнымъ слѣдствіемъ великаго изліянія крови человѣческой, надобно на конецъ прибѣгнуть къ *перелитию*, и что кровь теленка, овцы, оленя или другаго изъ совершеннѣйшихъ животныхъ, можетъ опять наполнить истощенную систему человека, и предупредить конечное разрушеніе. Чтобы подтвердить вѣроятность своего ученія, велѣлъ онъ принести овцу и подручную собаку; и выпустивъ изъ послѣдней столько крови, что она протянулась безъ всякаго движенія, крохотной конвульсій, которыя обыкновенно бывающъ непосредственно передъ смертію, взялъ онъ приготовленную для себя трубочку, и пустилъ черезъ нее кровь изъ шейной жилы овцы въ шейную жилу

жилу

жилу собаки. Черезъ нѣсколько секундъ собака стала видимо оживатьъ. Операция продолжалась нѣсколько минутъ, до того, какъ овца отъ потери крови лишилась чувства. Послѣ сего жилу у собаки залечили, и она за слугою пошла домой, ѣла въ тотъ же день, и по сіе время жива, не перемѣнясь ни въ чемъ — Многие Анатомисты представляли противъ сего опыта трудность не впустить въ кровь сколько нибудь атмосферическаго воздуха, которой можетъ быть пагубенъ для животнаго, но прежде нежели конецъ трубочки будетъ впущенъ въ жилу оживляемаго звѣря, надобно, чтобы кровь изъ другаго животнаго текла уже въ ней ручьемъ — по чему воздухъ пройти туда и не можетъ — Изъ *Wright's Mercury* No 1. Jan. 1. 1791.

2 Давно уже говорящъ, что несчастіе и бѣдность почти всегда неразлучны съ великими дарованіями, и безпокойная обстоятельство, въ которыхъ многие Писатели сочиняли лучшія свои
пї.

шесы, служащѣ доказательствомъ той
 власши, которую душа человѣческая
 имѣетъ надъ внѣшностію. Намъ
 не нужно ходить за примѣрами
 къ Дрейденамъ и Опвеямъ послѣд-
 няго вѣка, найдемъ ихъ довольно
 и поближе къ нашимъ временамъ Кто
 не знаетъ бѣдности, въ которой боль-
 шею частію жилъ Докторъ Джонсонъ
 (*) во время своего авторства, бу-
 дучи работъ книгопродавцевъ, и по-
 лучая за всѣ свои труды такую пла-
 ту, которой ему едва на пищу ста-
 новилось? Многія изъ раннихъ его
 сочиненій были писаны на чердакѣ
 Въ письмахъ къ книгопродавцамъ
 часто подписывался онъ *необъдав-*
шимъ. Какой крайности надлежало
 принудить гордаго Джонсона при-
 знаться въ своей нуждѣ, и при томъ
 такимъ оскорбительнымъ образомъ?
 Говоряшъ даже, что иногда не имѣлъ
 онъ и пристанища, и принужденъ
 былъ по ночамъ бродить изъ улицы
 въ

(*) Философъ и Литтературъ Англійской.

въ уиду съ презрительнѣйшими изъ людей — Докторъ Голдсмитъ (*), которой въ своемъ *Гражданинѣ мира* рассказываетъ разные анекдоты о бѣдности великихъ Писателей, былъ самъ причѣтаня достойнымъ примѣромъ сей бѣдности. По случаю поручительства за одного своего пріятеля, ему должно было поспѣшно оставишь Единбургъ, гдѣ онъ учился Физикѣ. Онъ прошелъ пѣшкомъ большую часть Европы, питаясь единственно своею флейтою. Въ Векфилдскомъ Священникѣ, романѣ своемъ, описываетъ онъ свое странствованіе подъ именемъ Священникова сына. Тогда-то сочинилъ онъ планъ и начало прекрасной Поэмы своей, *Путешественника* (Traveler). Возвратясь въ Лондонъ, ходилъ онъ опѣ одного Аптекаря къ другому, требуя мѣста, но никто не хотѣлъ принять его. Наконецъ одинъ честной человекъ, котораго удивилъ онъ страннымъ своимъ пред-
ложе-

(*) Славной Англійской Поэтѣ.

ложеніемъ, принялъ его къ себѣ въ лавку, изъ сожалѣнія къ *простотѣ* его. По томъ былъ онъ школьнымъ подмасхерьемъ, наконецъ *вступилъ въ службу* книгопродавцевъ — и хотя, прославясь, получилъ онъ за свои сочиненія въ одинъ годъ болѣе двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, однако жъ жизнь свою кончилъ въ такой же бѣдности, въ какой началъ ее. Столь трудно научить бережливости того, кто привыкъ надѣяться на случай!

3. Нѣкоторыя молодая Госпожи, бывшія въ госпяхъ у одного дворянина въ Ворсестерширѣ, котораго дочь подозрѣвали онъ въ любви къ извѣстному у имъ молодому человѣку, захошѣли узнать, справедливо ли ихъ подозрѣніе, и согласилась съ своими пріятельницами, чтобы двѣ изъ нихъ, какъ будто бы по случаю, пришли въ седомъ въ праурномъ платьѣ, и на вѣпросъ, на чьихъ похоронахъ онъ былъ, отвѣчали, что такой-то молодой человѣкъ — т. е. подозрѣваемо любовникъ, которой на то время былъ

былъ въ оплучкѣ — скоропостижно умеръ, и что онъ провожали гробъ его. Точно такъ онъ и сдѣлали, и примени молодого человека все обратили глаза на дочь своего хозяина, но не приметя въ лицѣ ея никакой перемены, почли подозрѣніе свое ложнымъ. Заужиномъ хвастались онъ дѣвушки, и думая, что она въ своей горницѣ, пошли къ ней; но комната ея была заперта, и, сколько ни спучались, не могли добиться освѣта. Наконецъ выломали дверь, и — нашли дѣвушку мертвую; она удавилась подвязкой. Та изъ господъ, которая выдумала сей несчастной опытъ, сошла съ ума; а любовникъ, узнавъ о печальной кончинѣ своей нѣжной любовницы, прострѣлилъ себѣ сердце, и въ ту же минуту умеръ. — Изъ British Mercury Jan. 1791.

Въ продолженіи повѣсти

НЕ-

НЕВИННОСТЬ.

Веселе сияешъ въ очахъ ея Она улыбаешся подобно утру весеннему. На высокомъ челѣ ея изображается душевный миръ и спокойствіе. Неувядаемыя розы и лиліи цвѣтутъ на ея ланитахъ. Станъ ея подобенъ прямому стеблю нѣжнаго нарцисса. Рѣзвые зефиры, вѣясь вокругъ ея, развѣваютъ на ней легкую, бѣлую одежду, и распущенными власами ея играютъ, но едва дерзаютъ они прикасаться къ дѣвственнымъ грудямъ ея, подобнымъ чистѣйшему снѣгу двухохмистой горы въ Гельвеціи (*), къ которому ничто смертное не прикасалось. Увѣнчанная цвѣтами Грацій, шествуетъ она бодро по землѣ благословенной; бури и мраки ошъ нее удаляются; ядовитыя змѣи не смѣютъ ужалишь ноги ея; колючія травы смягчаются по ея стопамъ; Небесная благость изливается предъ нею въ лучахъ солнечныхъ.

Когда

(*) Сія гора называется юнгферъ, т. е. дѣвица.

Когда смертные повиновались
 гласу благодѣтельной Природы, и
 жили въ любви, тишинѣ и мирѣ. то-
 гда Невинность на землѣ обитала,
 гуляла по лугамъ съ паслушками,
 играла и пѣла съ ними въ хороводахъ
 Но когда человекъ, въ гибельный
 часъ заблужденія, восхопѣлъ бысть
 мудрѣе Природы, тогда Невинность
 возвратилась на небеса, въ свое опе-
 чество. Съ того времени она уже
 рѣдко посѣщаетъ землю, и рѣдко бы-
 ваетъ видима оку смертнаго; но я
 видѣлъ ее — въ образѣ любезной
 Аглаи. К.

ПАРИЖСКІЕ СПЕКТАКЛИ.

Отъ Августа до конца 1790 года.

Королевская Академия Музыки.

Публика никогда не могла пребо-
 вать отъ сего Театра много новыхъ
 пьесъ, зная, какъ оныя, по своей
 сложности, трудны и дороги. Къ симъ

обыкновеннымъ причинамъ надобно прибавить худыя нынѣшнія обстоятельство. Спектакль роскоши не можетъ быть въ цвѣтущемъ состоянїи тогда, когда роскошь во всемъ исчезаетъ, уступая мѣсто строгой экономїи; когда удалились многие изъ богатѣйшихъ жителей нашей столицы, и когда иностранцы, до восстановления общаго спокойствїя, боятся еще къ намъ показаться. Безпорядочное управленіе, подѣ которымъ находится нынѣ Опера, и недоспашокъ въ хорошихъ Актерахъ для нѣсколькихъ ролей, производятъ еще другое препятствїе, которое, вмѣстѣ съ прочими, причиною того, что мы нѣсколько времени не видали ни съ Театрѣ ни одной новой пїесы, достойной вниманїя Публики. Съ 15 Юня по сіе время сыграли только одну новую лирическую Комедїю, *la Divinité du Sauvage ou le Portrait*, которая принята была весьма посредственно, и которая въ самомъ дѣлѣ не заслуживаетъ большаго вниманїя.

Между тѣмъ справедливость налагаетъ на насъ пріятную обязанность похвалить великодушнаго Актера Оперы, которые — не смотря на то, что они сами терпятъ отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ — нашли средство сдѣлать разныя добрыя дѣла, изъ которыхъ сообщимъ мы знаменитѣйшее.

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ Французской Дворъ призвалъ въ Парижъ Господина Пикчини, обѣщавъ ему 6000 ливровъ жалованья, кромѣ особенной платы за каждое изъ его сочиненій Онъ оставилъ для сего свое отечество, свои дѣла и надежды, и самое семейство свое. Черезъ нѣкоторое время дали ему еще другое жалованье отъ Театра, 3000 ливровъ въ годъ, послѣ чего, будучи увѣренъ въ вѣрности сего дохода, призвалъ онъ къ себѣ многочисленное свое семейство Что же вышло? Вдругъ перестаютъ ему платить жалованье, или, что почти все одно, даютъ ему только 600 ливровъ; и первоклассной

Д а Ар.

Артистъ, которой въ отечествѣ своемъ могъ бы жить въ изобиліи, видитъ себя доведеннаго до ужасной крайности, для того, что онъ прославилъ себя своими дарованіями, и согласился посвятить ихъ удовольствію такой націи, которую почиталъ онъ справедливою и благодарною. Актеры Оперы, сожалѣя о его несчастіи, хотѣли по возможности своей помочь ему, давъ на счетъ его одно изъ его сочиненій

Естьли мы съ удовольствіемъ воздаемъ хвалу сему великодушному дѣлу, то съ какимъ же прискорбіемъ должны замѣтить постыдное равнодушіе Публики къ такому человѣку, какъ Г Пакчини, несчастному среди Французской націи, обязанной ему многими прекрасными сочиненіями и опчасти своею музыкальною революціею — И новой балетъ Г Лорана не могъ привлечь зрителей Сооръ за входъ почти ничего не составилъ, и все вмѣстѣ не принесло сему знаменитому иностранцу ни осьмой

происшедшемъ въ Нанси, и о которомъ Франція еще слезы проливаетъ. Онъ умѣлъ ввести въ планъ свои раскаяніе полку *Шатовъ* и особенное дѣйствіе, весьма краткое, но занимательное, связывающее всѣ части картины. Мы не можемъ сообщить изъ нее извлеченія; ее надолго видѣшь.

ТЕАТРЪ ИТАЛІЯНСКОЙ.

Съ пятагонадесять Іюня по сію время дали на севѣ Театрѣ пять новыхъ пьесъ. Первая, подъ титуломъ *les Rigueurs du Coitre, Монастырскія жестокости*, представляетъ молодую дѣвушку, пиратскою властью осужденную посвятить Пеллу по сердце которое она для міра и любви назначала. Открывается тайная переписка, которую она имѣла съ своимъ любовникомъ, и страшная подземная темница опвогается принять ее живую въ вѣчной мракъ свой, но въ самую сію минулу избавляетъ ее любовникъ, пришедшій съ отрядомъ Национальнѣо Гвар-

Гварди, которой начальникъ прино-
ситъ опредѣленіе Народнаго Собра-
нія, уничтожающее монастырскіе обѣ-
щанья —

Слогъ сей интересной пьесы на-
тураленъ и пріятенъ, а музыка пре-
красна. Видно, что Авторъ, Г. Бре-
шонъ, оразовалъ свои вкусъ по хо-
рошимъ образцамъ, при чемъ однако жъ
увѣетъ онъ быть оригинальнымъ. Все-
го болѣе одобрила Публика хоръ мо-
нахинь, и въ ужасъ приводящую му-
зыку той сцены, гдѣ преступница
должна быть заключена въ темницу.
Сей молодой Авторъ знаетъ, кажется,
совершенно, что такое есть драма-
тическая музыка, и не расточаетъ
дѣйствіей гармоніи для того только,
чтобы показывать музыкальную
свою ученость. Онъ бережетъ ихъ
для тѣхъ сценъ, гдѣ зритель наибо-
лѣе долженъ быть тронутъ — Г.
Фьеве есть сочинитель Пьесы

Впоруя пьеса, подъ титуломъ
Euphrosine ou le Tyran corrigé, *Эвфро-
зина или исправленная Тиранъ*, пре-
буетъ

буесть подробнѣйшаго разсмотрѣннѣ. Содержание взято изъ Библиотеки Романовѣ, и многіе Авторы почли оное удобнымъ для Драмы Вотъ оно Конрадинъ, побочной сынъ Графа Прованскаго, есть жестокосердой и гордой Тиранъ. Эльзеаръ, Графъ Сабранской, отпрапляясь въ крестовой походъ, устукаетъ ему свою область, съ уговоромъ, чтобы онъ взялъ на себя попечение о дочеряхъ его. Эвфрозина, старшая дочь, думаетъ выйти за мужъ за Конрадина, и употребляетъ всѣ хитрости кокетства, чтобы привлечь къ себѣ сей дикой характеръ Она успѣваетъ въ своемъ предпріятіи, и гордой Конрадинъ падаетъ къ ногамъ ея По томъ онъ ѣдетъ на войну. Въ сіе время одна Графиня, завидуя щастію Эвфрозины, рѣшится погубить ее Пользуясь легкостію характера ея и снисхожденіемъ, съ какимъ обходилась она съ однимъ молодымъ Конрадиновымъ плѣнникомъ, сія Мегера увѣряетъ Тирана, что супруга его невѣрна ему. Въ бѣшенствѣ

велитъ онъ своему лекарю дать Эвфрозинѣ медленной ядъ, которой бы прекратилъ ея жизнь не прежде его возвращения. Но добродушной лекарь даетъ ей простое, совсѣмъ не ядовитое питье, пребуя отъ нее только того, чтобы она пришворялась страдающею. Конрадинъ возвращается еще съ сильнѣйшею любовью къ своей супругѣ, увѣряется въ своемъ заблужденіи и терзается совѣстію. Чтобы спасти жизнь Эвфрозины, прибѣгаетъ онъ къ одному благочестивому пустыннику, не давно поселившемуся въ окрестностяхъ. Сей пустынникъ есть самъ Эльзеаръ, отецъ Эвфрозины. Пусть представятъ себѣ его положеніе, когда Конрадинъ признается ему, что онъ отправилъ ядомъ дочь его! Однако жь скоро узнаетъ онъ невинной обманъ, и посредствомъ чуда, которое легко было выдумать, возвращается Конрадину супруга его.

Г. Гофманъ, Авторъ пьесы, хотѣлъ представить намъ и хитрости, которыми употребляла Эвфрозина для

покоренія гордаго Конрадина, и ревность, усиливающуюся въ сердцѣ его, и прогашельное положеніе владѣтельнаго Князя, которой идетъ въ пустыни, и которой возвращается въ свою область только за тѣмъ, чтобы видѣть дочь свою погибающую отъ бѣшенства того, кому онъ поручилъ ее. Въ семъ состояніи, можетъ быть, единственная его ошибка, ибо такое содержаніе слишкомъ пространно и разнообразно для одной пьесы. Веселое начало не могло приготовить зрителя къ ужасной развязкѣ, и по тому не производитъ она почти никакого дѣйствія. Наконецъ Авторъ и принужденъ былъ перенравить пьесу, и изъ пяти большихъ актовъ сдѣлать только три. Надобно прочесть въ библиотекѣ романъ Конрадина, рассказанной съ довольноопріятностію, но связанной безъ всякаго искусства, чтобы судить, съ какимъ учѣньемъ Г. Гофманъ онымъ воспользовался. Характеры Конрадина и Графини изображены весьма живо.

Сдѣл

Сцены, въ которыхъ Эвфрозина пор-
дешвуеетъ надъ Тираномъ, наполнены
остроумиемъ и тонкостью, только мы
примѣчаемъ въ оныхъ нѣкоторое сход-
ство со сценами Рокселаны въ *Трехъ
Султаншахъ*. Слогъ пьесы вообще весьма
хорошъ, и если бы планъ ея сдѣланъ
былъ вдругъ, то она была бы одною
изъ самыхъ лучшихъ пьесъ въ семъ
родѣ.

Музыка есть еще первое сочине-
не Господина Мегюля, и доказываетъ,
что Сочинитель имѣетъ великия спо-
собности. Онъ совершенно вошелъ въ
разныя положенія пьесы, и умѣлъ въ
музыкѣ выразить характеръ оныхъ.
Только въ ней вообще слишкомъ мно-
го *тщательности*, которая бываетъ
утомительна для вниманія, и кото-
рая обыкновенно показываетъ молодого
сочинителя, хотящаго обнаружить
всѣ свои знанія въ гармоніи. Публикѣ
наиболѣе понравилось дуо, весьма живо
выражающее чувства ревности. Впро-
чемъ во всей музыкѣ много жару и

Третья новая пьеса, подъ титуломъ *Verguet*, не стоить вниманія Четвертая, *le Nouveau d'Alfas*, есть ничто иное, какъ картина безсмертнаго дѣла храбраго Десила. Инпересность содержания и зрѣлище, которое въ оной представляется, были причиною того, что Публика приняла сию пьесу съ рукоплесканіемъ Автору, Господину В. . . обязанъ сей театръ многими весьма хорошими пьесами. Музыку сочинялъ Г. Бретонъ. — Последняя пьеса есть *Adèle & Didier* въ ней представляется великодушное дѣйствіе нѣкоторыхъ поселянъ, которые раздѣляютъ богатое наследство съ однимъ бѣднымъ человекомъ, не могшимъ требовать онаго по законамъ. Сіе дѣйствіе, соединенное съ легкою интригою, понравилось Публикѣ, но есть въ Драмѣ такія подробности, которыя ни по чему не могутъ быть интересны для зрителей.

Не смотря на то, что нынѣшнія времена весьма неблагопріятны для
Те

Театровъ, Актеры Италіанской Комедіи всячески стараются привести въ совершенство всѣ части спектакля Публика, кажется, чувствуетъ ихъ ревность, и всегдашнее множество зрителей, собирающееся въ семъ Театрѣ, служитъ имъ справедливою наградою за ихъ старанія.

(Окончаніе сей статьи сообщено будетъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ)

МОСКОВСКОЙ ТЕАТРЪ.

Аптекарь и Докторъ, Комическая Опера въ трехъ дѣйствіяхъ; переведена съ Нѣмецкаго. — Извлеченіе изъ сей Оперы не можетъ быть интересно для Читателя Довольно, что Публика приняла ее хорошо, и съ собливымъ вниманіемъ слушала музыку, очиненную Господиномъ Дитперсомъ фанъ Дитперсдорфомъ, и достойную похвалы знающихъ людей. Въ пьесѣ довольно смѣшнаго; но есть и
шакія

такія шушки, которыя одинъ разъ смѣялись заспавляли — Что касается до перевода, то онъ, кажется, довольно хорошъ. Я говорю о прозѣ, а какъ Г. Переводчикъ долженъ былъ для музыки удерживать въ переводѣ пѣсенъ мѣру оригинала, то, зная трудность такихъ переложеній, можемъ простить ему нѣкоторыя негладкости и нечистоты въ стихахъ.

О К Н И Г А Х Ъ

І.

*Театръ трезвытайныхъ происше-
ствій истекающаго вѣка, открытѣ и
представленѣ ота нѣ свѣта въ сѣдую-
щихъ созерцаніяхъ Проказы Иезуитовѣ
и Францискаискихъ мочахинъ, стран-
ное приключеніе одного Маркиза при
цѣлованіи Папскаго тифля, ужасная
кончина одного Англичанина и гибельная
участъ дочери Французскаго купца,
злость Священника, невинно повѣшен-
ный, бродящее мнимое привидѣніе по
ногамъ, посрамленое легковѣріе те-
ныхъ, уничиженная гордыня Гишпанца
на Руси, развратѣ учителя Француза,
плоды коварства, храбрость Росса,
посрамленіе невѣжды, и прот. — Въ
градѣ С Петра 1790 года.*

Правда, одинѣ уже титулѣ мо-
жетѣ сообщить достаточное понятіе
о достоинствѣ книги; но для забавы
нашихъ Читателей выпишемѣ изѣ нее
нѣкоторыя мѣста

Вопѣ

Вотъ разсужденіе о бѣдности чело-
вѣческой, или Богъ знаетъ что:

„Тѣнь знанія зыблется въ умѣ
„его (человѣка) аки сонъ. Преклон-
„ность на многая при созерцаніи окру-
„жающихъ предметовъ со свѣшльни-
„комъ ума блудитъ аки слѣпецъ. Об-
„ращаясь въ Театръ свѣта, пока жиз-
„ненность въ себѣ ощущаетъ, пре-
„шъкается аки во мракъ Извлекаетъ
„умозаключенія, недоумѣваетъ аки
„разспроенной чрезвычайною печаль-
„ностію. Поборяя многія встрѣчи
„теряетъ силы воображенія, аки по-
„враный львомъ. Не рѣдко самая ма-
„лость, встрѣчающаяся глазамъ его
„разстроиваетъ пружины ума и по-
„ражаетъ аки молниеносныи ударъ
„Даже мановеніе иногда обуреваютъ
„мердающее умодѣйствіе, аки ревущій
„вихрь слабую былинку. Что жь при
„сихъ преткновеніяхъ является „

Пусть Читатель самъ себѣ оп-
вѣчаетъ, что является при слаб-
преткновеніяхъ; а мы сообщимъ ему
не-

между шѣмъ нѣкое любовное письмо.
Вотъ оно :

„Къ жизни жизни моей! Немилосер-
„дое несчастие, терзающее ваше серд-
„це, поразило до глубины мое Бывъ
„объятъ состраданіемъ, приходилъ
„я неоднократно въ безуміе. Но лю-
„бовь, сей божественный огонь, ко-
„имъ всѣ и все пламенѣетъ, возгла
„во мнѣ свѣпильникъ свѣта Для чего
„же? Чтобы извлечь тебя одражающая
„моя! изъ нѣдръ гибели Внемли: я
„хочу вмѣстѣ съ тобою даже до гро-
„ба пребывать. Имѣя волю, избирай лю-
„бое: или погребни себя въ ономъ гробѣ
„жизненности и скройся во мрачность
„терзать съпущающее сердце, или спѣ-
„ши непременно завтрашняго же дня
„ночью во объятія обожающаго тебя.
„Я буду ожидать у спѣны сада близъ
„обветшавшей башни. Любовь научитъ
„содраться на высоту и опуститься
„внизъ по спущенной мною лѣсницѣ.
„Прости дерзости вѣрнѣйшаго твоего
„женца Рафина. —

Теперь Чишапель знаетъ, какъ Авторъ разсуждаетъ и пишетъ любовныя письма, но не знаетъ еще, какъ онъ рассказываетъ; и такъ просимъ его прочесть слѣдующія стро-

„Начало самаго дѣйствія со-
„даемо было въ Пруссіи въ Мекл-
„бургскомъ округѣ. При пиршест-
„средн сладоспираспій, среди утѣ-
„средн блесковъ пышностей, среди
„окураженной многими напипками ком-
„паніи, се внезапно предсталъ предъ
„начальника Мекленбургскаго гарнизо-
„на совсѣмъ никому неизвѣстной блон-
„образнѣйшій юноша „

Сего довольно. Самъ Рецензентъ не прочелъ и пяти страницъ сей книги, которая — не смотря на множество каррикатурныхъ книгъ, выходящихъ на языкѣ нашемъ — есть рѣдкое явленіе. Она должна быть вмѣстѣ и сочиненіе и переводъ Титулъ и *Храбрость Росса* стеклан конечно съ скаго пера.

Сей *Театръ* нанечатанъ на бѣлой бумагѣ, чешкими листерами, и при-

Иные въ Москву экземпляры почти
всѣ въ одинъ день были проѣзны. Вѣ-
роятно, что всякой хотѣлъ имѣть
его какъ рѣдкость и спекающаго вѣка,
— не ошнся. Что касается до
ширографической исправности, то о
ней можно судить по словамъ лабе-
ринѣзъ, поѣраніе, подѣбно. Учись
теперь уму и ореографіи изъ печат-
ныхъ книгъ!

✱ За смѣль вздохнемъ и положимъ
перо.

II.

*Краткая Исторія Королевской
Шведской фамилии, именуемой Гу-
ставовъ, начинающаяся отъ Коро-
ля Густава перваго (и продолжа-
ющаяся) до нынѣ царствующаго Ко-
ротя Густава III — Переведена
съ Шведскаго, съ присовокупленіемъ
нѣкоторыя примѣчаній. Въ Москвѣ
у Ф. Гиппиуса 1799 года.*

Ся краткая Исторія слишкомъ
кратка. Кто желаетъ знать, когда
на примъ родилась Королева Христи-

на, когда она была коронована, когда поѣхала и приѣхала въ Римъ, и прочее тому подобное, топъ, заглянувъ въ сию книжку, состоящую изъ 60 страницъ въ дѣнадцатую долю листа, приобрѣтитъ се важное познание; но не узнаетъ онъ путь, ни какова была Христина, ни что она дѣлала въ жизни своей. Кто хочетъ знать, узнаетъ изъ сей книжки, гдѣ и котораго числа было какое сражение Г Переводчикъ замѣчаетъ, гдѣ Шведъ проигранное называетъ выиграннымъ, и означаетъ число убитыхъ — Что касается до перевода то для иностранца былъ бы онъ довольно хорошъ, а Русскому казалось бы, не лзя было написать: „У Пестерсберга *раззорены* были Банеромъ 12 Саксонскихъ полковъ, или „Крѣпость, которая стоила Императору *столько* тысячи людей,“ или „На Нѣмецкой колокольнѣ *утреждены* были куранты „

ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ

*Lebensgeschichte und natürliche Abenteuer
eines armen Mannes von Tockenburg.
Herausgegeben von Füßli. Zürich 1789.
То есть Жизнь и похождения бѣд-
наго теловѣка изъ Токкенбурга (*)*

Ся книга конечно интереснѣе
хъ вновь вышедшихъ романовъ По-
крайней мѣрѣ Рецензентъ не могъ
разспитъся съ нею, не дочитавъ ее до
конца. Столь привлекательны были
для него сцены изъ неукрашенной
Натуры и хозяйственной жизни, изо-
браженныя съ прелестною просто-
шою, истиннымъ остроуміемъ, съ
съ оригинальною замысловатостію, съ
разительною истиною, и равно зани-
мательныя для разума и сердца! Есть
примѣчанія, есть взоры во внутрен-
ность сердца человеческого, которыхъ
бы не постыдился никакой Монтань,
никакой сердца наблюдатель по про-
фессіи, и за всѣмъ тѣмъ Герой сей
исторіи есть простой поселянинъ,
школьникъ, будучи удаленъ отъ всѣхъ
Е 3 средствъ

(*) Въ а. в. Bibliothek 2 тома второй части.

средствъ просвѣщенія, единственно самъ собою дошелъ до нѣкоторой (Рецензентъ могъ бы сказать до *высокой*) степени онаго. Въ день занимается онъ дѣлами своего званія, а часть ночи, часто и большую половину ея, проводитъ въ чтеніи книгъ, какія попадаются ему по случаю, или какія можетъ достать онъ своихъ пріятелей, иногда же, простымъ языкомъ сердца, записываетъ свои примѣчанія на самого себя и на другихъ. И такимъ образомъ составилась его исторія вмѣстѣ съ другими пѣснями, которыя обѣщаетъ намъ въпредъ сообщить Г. Фіесли, извѣстной Цюрихской Ученой, издатель сей книги. Она разделена на 87 главъ, а какъ не можемъ мы пройти всего, то возьмемъ только что нибудь для примѣра Описаніе нашего Б* (скромной Токкеноургенце не хочется сказывать намъ всего имени своего) былъ бѣдной человѣкомъ, которой всю жизнь свою провелъ заботахъ о пропитаніи. Сынъ его, нашъ Б*, родился въ 1735

ду Мнѣ сказывали, что я не много раненько на сей свѣтъ явился. За это надобно было отвѣчать моимъ родителемъ. Впрочемъ могло быть, что я еще и въ брюхѣ матери моей стремился къ дневному свѣту — и сіе стремленіе ко свѣту по нынѣ никогда меня не покинуло. Живымъ описаніемъ приключеній въ пѣснѣ своего заставляетъ онъ читателя вспомнить, что съ нимъ такимъ бывало въ сихъ лѣтахъ. Сколько бы надлежало Рецензенту списывать естество закошлявъ онъ сочинить все тѣ вѣста, которыя его вняли, и онъ которыхъ онъ насилу ихъ описавъ, читая ихъ по три и по четыре раза! Вышедши изъ ребячьихъ в* долженъ былъ настѣ спасто. Въ описаніяхъ удовольствій и трудовъ паспущеской жизни найдетъ читатель претрөгательныя и между прочимъ живописныя черты, показывающія способность къ дескриптивной или описательной Поэзіи. Тутъ изображаетъ онъ первое пробужденіе

страстей и смятение души своей. Вѣроятно, что въ жизни всякаго, сколько нибудь разсуждающаго чело- вѣка, бываетъ такое время, время, въ которое самыя невинныя склонно- сти наши кажутся намъ ужаснымъ грѣхомъ, въ которое занимаемся мы строгими планами для будущей луч- шей жизни, и теряемъ между тѣмъ всю сердечную веселость. „Я молчалъ, „говорилъ Б*, ломалъ руки, смотрѣлъ „на небо, и слезы капались по лицу „моему. Иногда я опять становился „веселъ, и бѣгалъ и прыгалъ по горамъ „какъ рѣзвая, безпечная серна. Тогда „думалъ я. Не уже ли мнѣ должно все „оставить, все бросить, даже до самыхъ „деревянныхъ коровъ, мною самимъ вы- „рѣзанныхъ? Не уже ли въ самомъ дѣлѣ „требуется того Господь Богъ? Не уже „ли это надобно для спасенія душ „моей? „ Но зѣсь - то наступаетъ обыкновенно и то время, въ которое пробуждается разумъ, въ которое возстаютъ сомнѣнiя, и юношеско- стремительной духъ заходитъ слиш- комъ

комъ далеко, и какъ щепную пядь бросаетъ потъ жезлъ, копорой бы въ послѣдствіи жизни могъ предохранить его отъ многихъ претыханій, естли бы прежде надлежащимъ образомъ изъяснили ему всю пользу его. Но обратимся къ нашему Б* Изъ свободно пасуха спалъ онъ рабомъ отца своего, а по томъ поденьщикомъ. Первая любовь — многие ли изъ нашихъ Нѣмецкихъ сочинителей романовъ могли бы описать ее такими истинными и живыми красками? Б* попадаетъ въ руки одного плута, которой, обольстивъ его пышными обѣщаніями, выдаетъ его Прусскому наборщику въ Шафгаузенъ. Сначала ему хорошо. Офицеръ беретъ его себѣ въ слуги, и они ведутъ самую веселую жизнь. Но година опзываютъ назадъ, и какъ оро слуга приѣзжаетъ въ Берлинъ, о, прошивъ всякаго чаянія и къ великой досадѣ его, дѣлтъ ему въ руки уже. Весьма забавно описание Берлина, жителей и обычаевъ его, на

все смотрѣлъ онъ съ особливою строгостию. Солдатская жизнь, ученье и служба ему крайне не понравились. Между штырь открылась семилетняя война, войска пошли въ поле, и Бутурлинъ даже, только съ твердымъ намерениемъ уйти при первомъ случаѣ. Сей случай и нашелся. Онъ Ловозницъ (всѣмъ по своему описываетъ онъ сраженіе, и описаніе его столь же примѣчательна достойно для человека и философа, сколь описаніе великаго Фридриха достойно примѣчательна для Офицера и Историка). Тутъ изъ всей силы испугался онъ домой, боясь оглянуться назадъ. Дома нашелъ онъ все по прежнему, правда, любовница изменила ему, однако жъ онъ скоро забылъ сію горе. Онъ вошелъ въ небольшой торгъ, и женился. Не можемъ мы изъ недостаткомъ мѣста говорить теперь о слѣдующихъ, добрыхъ и худыхъ приключеніяхъ его жизни, о характерѣ желы и дѣшей его, о чувстввахъ его и мысляхъ, о первомъ поводѣ къ авторству, и проч. Теперь

жн

живетъ онъ съ женою и съ четверыми дѣтьми въ щастливой посредственности, имѣетъ немного и немножко доволенъ, здоровъ и веселъ, будучи окруженъ красотами Nature, и проводитъ свое время въ трудахъ, въ тишинѣ, среди семейства или друзей своихъ Семьдесятъ девятое опусъ не есть самое интереснѣйшее, но признанія писаны совѣмъ не такъ какъ шонъ; какъ признанія славнаго Женевца (*) Но чей шонъ истиннѣе, поучительнѣе, пристойнѣе? Мы не хотимъ рѣшить, а приведемъ только одно мѣсто, которое содержитъ самую оригинальную похвалу женѣ его.

„Точно такая половина, говоривъ
„нашъ Б*, а не такая какая могла отъ
„удачь склонность мою къ излишес-
„ствамъ всякаго рода Точно такой
„женщинѣ надежало въ натурѣ по-
„казатъ мнѣ, какъ смѣшно и дурно
„давать волю движеньямъ досады и
„сердца, подобно какъ Лакедемонскіе
„рабы примѣромъ показывали дѣтямъ

„ГО-

(*) Ж. Ж. Руссо.

„ господѣ своихъ гнусность пьянства,
„ и такимъ образомъ надлежало у ме-
„ ня одному нечистому дулу выгнать
„ друга Точно такой воплощенно
„ скуности должно было сойтись съ
„ моею щедростію и небережливостію,
„ мнѣ на пользу, а ей въ наказаніе
„ Точно такому строгому морально-
„ му критику надлежало примѣчать
„ всѣ шаги мои, и ежедневно бранить
„ ст со мною, чтобы заставишь ме-
„ ня быть осторожнымъ, и точно
„ такими черными красками надлежало
„ описывать мнѣ мои слабости, то
„ торыт безъ того почишалъ бы я,
„ естели не бѣлыми, то по крайней
„ мѣрѣ только сѣроватыми Мнѣ ну-
„ жень былъ точно такой лекарь,
„ которой бы не только открывалъ
„ всѣ болѣзни мои, но еще и увели-
„ чивалъ ихъ, и давалъ мнѣ самыя
„ горькія пилюли Это научило меня
„ прибѣгать къ тому врачу, которой
„ помогаетъ надолго. — Наконецъ же-
„ нѣ моей надлежало быть точно та-
„ кой богомолкѣ, которая среди самой
„ мо-

швы могла бы бранишься ужа-
„ сшимъ образомъ, чинобы научить
„ меня молишься, и опиять у меня
„ склонность къ суесвященству —
бъ сказано, въ ней очень много
ихъ добрыхъ свойствъ, какихъ я
не имью Она такъ тверда въ сво-
„ ихъ правилахъ — или предразсуде-
„ нияхъ, естли угодно — что ника-
„ кой D. J. никакой Лафашеръ, никакой
„ Циммерманъ не можетъ заславить ее
„ думать иначе Напротивъ того я такъ
„ слабъ, что мысли мой всегда колеб-
„ лются какъ осиновою листъ. Ея по-
„ няшя — естли только можно ихъ
„ такъ названъ — о Богъ, о миръ и
о всѣхъ вещахъ въ миръ, кажутся
и всегда лучшими и неопроверга-
ными. Ни добромъ, ни зломъ, ни-
кимъ мученіемъ не принудишь ее
речѣнить ихъ. Напротивъ того
всегда сомнѣваюсь, справедливы ли
ои поняшя Въ любви и вѣрности
ей ко мнѣ она также гораздо ме-
лучше. Временнымъ и вѣчнымъ
„ бла-

„ благомъ моимъ занимается она такъ
„ же, какъ своимъ, она за воло
„ прищипала бы меня на небо, гдѣ
„ пригнала бы шудя нашкою, о часту
„ и вопервыхъ для собственнаго мо
„ его блага, а по шэмъ и для того,
„ чтобы имѣть удовольствіе быть мо
„ ею благодѣтельницею, и чтобы —
„ вѣчно бранить меня Но оставимъ
„ шушки Искренняя молитва ея къ
„ Богу конечно шалова Господи! дай
„ намъ съ мужемъ соншисъ на небеси,
„ чтобы вѣчно быть другъ съ дру
„ гомъ вмѣстѣ! Напротивъ того я въ
„ иной дурной часъ можешъ быть такъ
„ молился Милосердой Ошедъ! въ до
„ му швоемъ многи обителн сущь
„ такъ у Тебя ешь вѣчно и для ме
„ ня шилокой уголокъ Дай и женѣ
„ моеи хорошенькой, только подд
„ аѣе опъ меня — Повторю еще,
„ что жена моя гораздо лучше меня,
„ и хочешъ всегда дѣлать добро, хо
„ шя добро ея иной и худомъ назо
„ вешъ. Такъ на прим не лзя было
„ разувѣришь ее, чтобы си не должно
было

„было по совѣсти своей кричать мнѣ
по ночамъ въ уши, что она — мо-
„лился, и что я могъ бы вмѣстѣ съ нею
„молиться. И долъ сто разъ говори
ей, что въ крикѣ нѣтъ никакого
„добра, она все кричитъ И въ этомъ,
„кажется, виновата излишняя нѣж-
„ность слуха моего Однимъ словомъ,
„всегда и вездѣ долженъ я говорить
„и признаваться, что *жена моя го-
„раздо меня лучше* „ Теперь суди
читатель Женевна съ Токкеноургомъ;
и кто Homo sum, humani nihil а
проч не только что языкомъ гово-
раю, а чувствуетъ и въ сердцѣ,
потъ возьми книгу, и прочи ее изъ
конца въ конецъ !

С Т И Х И

*Его Святельству Графу Александру
Всильевичу Суворову-Рымникскому,
и прот и прот на взятіе Измаила (*)*

Влезанной въспію мой разумъ восхва-
щен'
Узнавъ, что Измаиль Тобою покорен
Героя, украшенныи лавровыми вѣнцями,
Гремящій въ мірѣ съмь предприниман-
дѣланіи
Отечества краса, Россіи слава, честь
Суворовъ! я Тебѣ дерзая даръ при-
несъ
Прими его въ немъ нѣтъ пришло-
спва, ни искусства,
Но узришь въ сихъ словахъ мои сердеч-
ны чувства
Я Россѣ, и почиать привыкъ Тебя
душой
То какъ могу теперь воспоргѣ сокрытъ
я мо
Клп

(*) Издашечь полчитъ сии стихи тогда, когда
уже послѣдній листъ Апрѣля мѣсяца былъ
въ корректурѣ. — Онъ благодаритъ Особу,
благоволяющую ему сообщитъ оныя — К.

Кто сынъ отечества, его кто прямо
любитъ,
Кто можетъ, тотъ вездѣ дѣла Твои
вострубитъ.
И Христіянинъ Ты, и воинъ, и му-
дрецъ;
Любимъ отъ воинства, любимъ отъ
всѣхъ сердецъ;
Ты страшенъ на войнѣ, прошивниковъ
караешь,
А въ мирѣ Ты сердца добротой по-
бѣждаешь;
Въ войнѣ оружіемъ блистаешь и мечемъ,
А въ мирѣ кротостью своей любезенъ
всѣмъ.
И подвигами Ты вовѣкъ себя прославилъ,
И добродѣтелями олтарь въ сердцахъ
поставилъ.
Когда Россія вся днесъ въ радости Тобой,
Могу ль Тебя хвалить я лирою молодой?
Все, что Тебѣ скажу, Твоей по славы
мало;
Но то писалъ къ Тебѣ, что сердце
мнѣ вѣщало.
Къ Тебѣ любовью, почтеніемъ дышу;
Чего не чувствую, того не напишу
Ж Же-

Но щедрошою Ты будешь огражденъ,
и будешь ошъ Него во вѣкъ благо-
словенъ!

Павелъ Г. Кутузовъ.

С Т И Х И

пѣздъ бго Сятельство Графа
Александра Васильевича Суворова-
Рымникскаго изъ Москвы въ Санкт-
Петербургъ 1791 года, февраля
26 дня

Герой Герою въ слѣдъ спѣши къ бре-
гамъ Невы,
Цвѣшы песпрѣютъ тамъ, закрыли че-
люсть львы.
Предстаныше съ лаврами Герон къ Ге-
роицъ,
къ Законодавицъ и кроткой сей Богинѣ,
Котора доблестъ въ Васъ щедрошой
оживишъ,
И духъ неутомимъ ко брани сошворишъ
Суворовъ! дѣлъ Твоихъ восцѣшъ я не
намѣренъ;
славныхъ качествахъ и Россѣ и Туркѣ
увѣренъ,
Ж а Тошъ

Топъ раной, лавромъ топъ громчай,
какъ чрезъ языкъ,
Гласяшъ въ концы земли, колико Ты
великъ
Напрасно возносишь Суворова на лирѣ
Героизмомъ, мужествомъ, Ты честию
славенъ въ мѣрѣ,
Отечество, законъ съ лѣпъ юныхъ
возлюбя,
Имъ жизнью жертвовалъ, и превознесъ
себя
Се божества Твои! Они пути казали,
И благородныи духъ они въ Тебѣ воспа
ляли
Ты къ чести прилѣпясь, грядеши не
скользя.
Коль градъ Ты не возмешь, его ужь
взять не лѣзя.
Но что еще рещи? На что Пѣишъ
искусство,
Гдѣ ясно говоритъ сердецъ всѣхъ гра
жданъ чувство,
Которые къ Тебѣ усердиемъ горяшъ
И въ искреннихъ душахъ желанія пи
рашъ

Ахъ

„Ахъ! естли бѣ мы Его на стогнѣ
гдѣ встрѣпали
И передъ Нимъ цвѣты усердія метали:
Довольны были оѣ мы, щастливѣ нашѣ
былѣ бы вѣкѣ.
Герой Онѣ, вѣ вѣрѣ твердѣ, Онѣ че-
стный человекѣ,
Врагамѣ ужасенѣ Онѣ — они лѣющѣ
токѣ слезенѣ —
Но громы низложа, вѣ отечествѣ лю-
безечѣ,
Какѣ сонмы шумныхѣ водѣ текушѣ си
слова,
И оными шеперь наполниена Москва
Всякѣ жаждетѣ видѣши лице того Ге-
роя,
Кѣмѣ Измаилѣ упалѣ и шьмы Ту-
рецка спроя.
Но что узрятѣ они? Миролюбивый
взглядѣ,
Уста гласящи честь и шьму сердцама
опрадѣ.
Гряди со торжествомѣ, Герой, кѣ спѣ-
намѣ Петровымѣ!
аговолениемѣ украсясь шамо новымѣ,

Суворовъ, нанеси глубокихъ Туркамъ
Пошемкинъ гдѣ и Ты, трясись Стам-
буль, Султаны
Д. Ахостовъ

Имена Особъ, благоволившихъ
подписаться на Московской
Журналъ въ Февралѣ и
въ Мартѣ мѣсяцахъ.

ВЪ Москвѣ

Ея Сіятельство Княгиня Наталья Пе-
тровна Куракина.,

Его Благородіе Степанъ Ивановичъ
Чурсаевъ.

— Высокоблагородіе Федоръ Ильичъ
Козляшевъ

— Высокородіе Иванъ Петровичъ Тур-
геневъ.

— Высокоблагородіе Иванъ Яковле-
вичъ Евреиновъ

— Благородіе Василій Степановичъ
Кряжевъ.

Его

Его Высокоблагородіе Алексѣй Алексѣевичъ Рѣпьевъ

Ея Сіятельство Княгиня Мавра Алексѣевна Голицына.

Василіи Ивановичъ Сняпиновскій.

Его Высококоролѣе Михаило Николаевичъ Соковнинъ

— Высокоблагородіе Иванъ Захаровичъ Голиковъ

— Благородіе Андрей Андреевичъ Терешевъ

Михайло Егоровичъ Медоксъ

Николай Даниловичъ Сахаровъ

Его Сіятельство Князь Пётръ Николаевичъ Трубецкой

— Благородіе Алексѣи Ивановичъ Куницкой

— Сіятельство Князь Николай Сергѣевичъ Волконской

— Высокоблагородіе Фортунатъ Александровичъ Беклемишевъ

— — Иванъ Александровичъ Голубцовъ

— — Александръ Семеновичъ Бахмешевъ

Его Высокоблагородіе Адамъ Ивановичъ
Челищевъ

— — Дмитрій Платоновичъ Чеку-
новъ

— — Григорій Максимовичъ Похо-
дяшинъ

Неизвѣстная Особа

Его Высокоблагородіе Федоръ Осипо-
вичъ Туманской

— — Благородіе Дмитрій Павловичъ
Руничъ

Яковъ Леонтьевичъ Туринъ

Его Высокоблагородіе Леонасій Федо-
ровичъ Соймоновъ

Московской купецъ Иванъ Тимофеевичъ
Бирманъ

Его Высокоблагородіе Алексѣй Ивано-
вичъ Масловъ

Въ другихъ городахъ.

Въ С. Петербургѣ Его Сіяшельство
Графъ Александръ Роминовичъ Во-
ронцовъ

Его Сіяшельство Князь Петръ Ники-
шичъ Трубецкой

Его Высочородіе Дмитрій Прокофье-
вичъ Трощинской.

- ВЪ С. Петербургѣ** Его Высокоблагородіе Александръ Ивановичъ Дмитріевъ
- Его** Благородіе Иванъ Петровичъ Есекшовъ
- ВЪ Царицынѣ** Его Благородіе Аполлонъ Николаевичъ Бекешовъ
- ВЪ Могилевѣ** Его Высокоблагородіе Самсонъ . . . Цвѣтковской
- ВЪ Корчееѣ** Его Высочайшій Дмитрій Матвѣевичъ Олсуфьевъ.
- ВЪ Балашееѣ** Его Сіятельство Князь Василіи Васильевичъ Енгальчевъ
- ВЪ Каширѣ** Его Высокоблагородіе Иванъ Максимовичъ Грековъ
- ВЪ Кіевѣ** Его Благородіе Тимоѣей . . . Трофимовичъ.
- ВЪ Саратовѣ** Его Высокоблагородіе Александръ Матвѣевичъ Кожевниковъ
- ВЪ Богородскѣ** Его Высокоблагородіе Андрей Тимоѣевичъ Волошовъ.
- ВЪ Карачееѣ** Его Высокоблагородіе Алексѣи Захарьевичъ Анушинъ

- ВЪ Черниговѣ* Его Превосходитель-
ство Андрей Яковлевичъ Левани-
довъ
- ВЪ Симбирскѣ* Его Высокородіе Иванъ
Андреевичъ Порошинъ
- ВЪ Казани* Его Благородіе Александръ
Логиновичъ Лихачевъ
- ВЪ Кизилъѣ* Его Высокоблагородіе
Андрей Карловичъ Сизингъ
- ВЪ Уфѣ* Его Благородіе Николай Ва-
сильевичъ Демидовъ
- ВЪ Ялutorовскѣ* Его Благородіе Ан-
дрей - - - влохинъ
- ВЪ Острогжскѣ* Его Высокоблагородіе
Александръ Пешпровичъ Дебрини
- ВЪ Воронежѣ* Его Высокоблагородіе
Александръ Пешпровичъ Титовъ
- ВЪ Суджѣ* Его Высокоблагородіе
Степанъ Аенасьевичъ Домашневъ
- ВЪ Борисоглѣбскѣ* Его Высокородіе
Авдѣи Григорьевичъ Пановъ
- ВЪ Вологдѣ* Его Благородіе Андре-
яно - - - Ливировскіи.
-

СОДЕРЖАНІЕ.

Ода къ Эвтерпѣ	-	-	3
Надежда и Спразъ	-	-	6
Мкшенъкѣ	-	-	8
Надпись къ статуѣ Юпитера	-	-	11
Письма Руск. Путешественника	-	-	—
Марія	-	-	51
Смѣсь	-	-	56
Парижскіе спектакли	-	-	65
Московской Театръ	-	-	77
О книгахъ	-	-	79
О иностранныхъ книгахъ	-	-	85
Стихи на взятіе Измаила	-	-	96
Стихи Его Сіятельству Графу Алек- сандру Васильевичу Суворову-Рым- никскому на отѣздъ изъ Москвы	-	-	99

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЬ.

Часть вторая. Книжка вторая.

Мѣсяцъ Май.

ВЕСНА.

Юность лѣтъ, весна прекрасна,
Времени первѣиша дщерь!
Въ пѣнахъ бѣлыхъ океана
Ты чудесно рождена,
И едва на мѣрѣ возрѣла,
Улыбнулась земля,
И зеленою одѣлась
Ризой новою она
Волны крошко воздымались
Зрѣшь тебя и лобызать,
Воздухъ ясный и прозрачный
Свой покровъ тебѣ принесъ,
И лучи пріявь ээира,
Иии окружилъ тебя
Всюду радость распростерлась,
Спокойность, миръ и тишина.
Ты небесъ изображенье,

И

Кра-

Красота самихъ боговъ.
Куда взоры обращаешь,
Вздохи ихъ встрѣчаясь лешамъ,
Вздохи, кои воздвужаютъ
Скрытую жизнь внутри сердецъ;
Хочешь все распространиться
И пролиться вгущь себя
Дщерь Зевеса, Афродита!
Ты душа Напуры всей

Р.

ПЛАЧЬ СУПРУГИ

*Мужной страсти плодъ побезной!
Маутишь со мною страдать,
Рокъ судилъ намъ въ жизни с твоею
Дней щастливыхъ не видать*

* * *
Въ матерней еще утробѣ,
Сынъ мой, спалъ ты сиротой;
Твои родителъ, ахъ! во гробѣ
Первый плачь не слышалъ твой!

* * *
*Мужной страсти плодъ любезной, и пр.
Лишь взглянулъ ты на вселенну,
Лютый рокъ тебѣ изрекъ*

Зрн

Зри печалью мать сраженну,
Но отца не узришь ввѣкъ!

* * *

Мѣжкою страсти и годѣ любезной, и пр.

Не увидишь его болѣ;
Онъ окончилъ бышїе
На широкомъ чести полѣ
За опечество свое.

* * *

Мѣжкою страсти плодѣ любезной, и пр.

Сыи мой! ты не ощущаешь,
Сколько важенъ твой уронъ!
О невинность! ты играешь,
Слыша мой печальный стонъ.

* * *

Мѣжкою страсти плодѣ любезной, и пр.

Ахъ! играй, пока есть время;
Скоро, скоро будешь самъ
Чувствовать печалей бремя,
Стонъ пускаши къ небесамъ.

* * *

Мѣжкою страсти плодѣ любезной, и пр.

Какъ войны пошухнетъ пламень,
Мы искашь съ тобою пойдѣмъ

И а

Крою.

Кроющей супруга камень;
Сердце будетъ намъ вождемъ.

* * *

Мужной страсти плодъ любезной, и пр
Тяжкой вздохъ его мнѣ скажетъ,
Гдѣ супругъ мой погребенъ;
Мать швоя шею покажетъ
Прахъ того, къ мѣ ты рожденъ

* * *

Мужной страсти плодъ любезной, и пр
Ахъ! ошцу, супругу мерзвѣ
Долгъ послѣдній воздадимъ;
Проліемъ слезъ токи въ жертву
И проснимся вѣчно съ нимъ.

* * *

Мужной страсти плодъ любезной!
Млутись со мною страдать;
Рокъ судилъ намъ въ жизни слезной
Дней счастливыхъ не видать.

ГОСПОДИНУ ***.

*Въ отвѣтъ на полученную отъ него
Поэму.*

„Многие Барды, лиру наспроя,
„Смѣло играютъ, поютъ;
„Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней,
„Мчашся по рощамъ, шумятъ.

* * *

„Многие Барды, тоны возвыся,
„Сшрашныя битвы поютъ;
„Въ звукахъ ихъ пѣсней слышны удары,
„Сстонъ пораженныхъ и смерть.

* * *

„Многие Барды, тоны унизя,
„Сельскую радость поютъ —
„Нравы невинныхъ, крошкихъ пасту-
шекъ,
„Вздохи, упѣхи любви.

* * *

„Многие Барды въ пьяномъ восторгѣ
„Намъ воспѣваютъ вино,

„Всѣхъ призывая имѣ ушоланн
„Скуку, заботы, печаль

* * *

„Всѣ ли ихъ пѣсни прогаютъ сердце,
„Душу приводятъ въ восторгъ?
„Всѣ ли Омиры, Геснеры, Клейсты?
„Гдѣ Анакреонъ другои?

* * *

„Мало оспалось Бардовъ великихъ!
Такъ воспѣвая, вздохнулъ;
Слезы изъ сердца тихо катящя;
Лира валился изъ рукъ

* * *

Быстро зефиры съ Невскаго берега,
Быстро несущя ко мнѣ —
Вѣющъ — вливающъ сладкия пѣсни
Нѣжныя пѣсни въ мой слухъ. . .

* * *

Я восхищаюсь! — Въ радости сер,
Громко зываю, пою
„Древніе Барды духъ свой вліяли
„Въ новаго Барда Невы! „

—

С Т И Х И

В Святельству Княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Голицыной, въ день Ея именинѣ.

Попшенѣ сей день, почшенѣ; онѣ до-
рогѣ мнѣ и милѣ.
Давъ сердцѣ торжество и радость ощу-
пилѣ.
Коль сердцабѣ моего желанье исполня-
лось,
къ тебѣ бы щастіе со всѣхѣ сторонѣ
стекалось.
Сей день, равно какѣ всѣ предбуду-
щіе дни,
Вкушала бѣ ты покой и радости одни.
Но цѣну и Судьба твою конечно знаетѣ:
Твои достоинства наградою увѣнчаетѣ
(Сообщены отѣ неизвѣстной Особы)

К А Р Т О Н Ъ,

Поэма Барда Оссиана.

Переводѣ съ Англійскаго.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Оссианѣ былѣ сынѣ Каледоніанскаго Царя Фингала, и жилѣ, по всеи вѣроятности, въ концѣ третіяго и въ началѣ четвертаго вѣка. Каледо-

наше, обитатели сѣверной Шотланди, или почти безпрестанную войну или съ своими сосѣдями, или съ Римлянами; и по тому храбрость была у нихъ первою добродѣтелю Брды, Прэты тѣхъ временъ, прославляли Фингала за сію добродѣтель преимущественно передъ всѣми иными Героями; и сколь славенъ былъ Фингалъ между храбрыми, столь же славенъ былъ сынъ его Оссианъ между Пѣвцами Каледонскими. Нѣкоторыя изъ его пѣсней дошли до самыхъ нашихъ временъ; но онѣ были бы и теперь намъ неизвѣстны, если бы Г. Макферсонъ, Шотланецъ, не обратилъ своего вниманія на сіи драгоценныя остатки древней Поэзии своего отечества. Собралъ нѣкоторые изъ оныхъ, публиковалъ онъ ихъ Англійскою языкомъ въ 1760 году. Любители Поэзии потужествовали красотъ Оссиановыхъ пѣсней Макферсонъ, ободренной всеобщего похвалы собралъ въ сѣверной Шотланди частію изъ устныхъ сказокъ, частію

изъ рукописей — протія творенія
сего Барда Многие утѣные мужи ста-
рались раздроблять красоты оныхъ
— изданіе сѣдовало за изданіемъ —
глава Оссіанова скоро распростра-
нилась и въ другія земли Его пере-
на Нѣмецкоѣ, на Италянскои и
Французскои языкѣ

Но въ темѣ состоитъ достоин-
ство Оссіановыхъ нѣсней? — Въ не-
изяе но и прекрасной простотѣ,
въ живости картинѣ изъ дикои При-
роды, въ краткости, въ силѣ опи-
саній, и въ оригинальности выраже-
ній, которая, такъ сказать, сама
Матура е ну представляла Почти всѣ
его нѣсны трагическаго содержанія.
Глубокая меланхолія — иногда нѣж-
кая, но всегда трогательная — раз-
ликая во всѣхъ его твореніяхъ, при-
водитъ читателя въ нѣкоторое уны-
ніе, но душа наша любитъ предавать-
ся унынію сего рода, любитъ пи-
таться оное, и въ мрачныхъ своихъ
представленіяхъ сама себѣ нравится.

Ма сей разъ дозволю объ Оссианѣ Предлагаю почитаемымъ моимъ Читателямъ одну изъ Поэмъ его. Я старался, сколько можно, удержать въ переводѣ оригинальность Оссианова языка. — Вотъ содержаніе Поэмы.

Во время Комгала, сына Трата-лова, и отца славнаго Фингала, Клееса-саморъ, сынъ Таддовъ и братъ Морны, матери Фингаловой, занесенъ былъ бурей въ рѣку Кляйду, на берегахъ которой лежала Балклута, городъ, принадлежавши Британцамъ. Рютамиръ, натагъникъ онаго, принялъ его дружелюбно, и выдалъ за него дочь свою Моину. Рюда, сынъ Корноу, Британецъ, любившій Моину, пришелъ въ домъ къ Рютамиру и гордостю своею оскорбилъ Клееса-мора. Они вышли на поединокъ, Рюда былъ убитъ. Британцы, с нимъ пришедшіе, напали на Клееса-мору; онъ оборонялся, но наконецъ при-чужденъ былъ броситься въ рѣку Кляйду, и плыть къ своему кораблю Благополучно вѣтръ вынесъ корабль
его

его въ море. Мѣсколько разъ хотѣлъ онъ возвратиться и увезти съ собою дочью любезную свою Моину, но противной вѣтрѣ не допустилъ его до Камлуты. — Моина, которая осталась беременною, родила сына, и потомъ скоро умерла. Рьютамиръ называлъ сына Картономъ, т. е. шумъ вѣтра; для того, что онъ почиталъ отца его въ волнахъ погибшимъ. Когда Картонъ былъ еще трехлѣтнимъ младенцемъ, Комгалъ, отецъ Фингаловъ, имѣвшій войну съ Британцами, взялъ и сжегъ Батклуту. Рьютамиръ былъ убитъ въ сраженіи, а Картонъ спасенъ своею кормилицею, которая ушла съ нимъ далѣе въ землю Британцевъ. Возмужавшій Картонъ предпріялъ отмстить разрушеніе Батклуты на потомкахъ Комгаловыхъ. Онъ поплылъ къ Морвену, вышелъ на берегъ и побѣдилъ двухъ Фингаловыхъ Героевъ, которые высланы были сражаться съ нимъ; но потомъ былъ самъ убитъ отцомъ своимъ. — Ся исторія есть основаніе Пѣсмы,

которая начинается ввѣтру наканунѣ
смерти Картонова, предшедшая
приключенія составляютъ эпизодъ и ин-
тродукцію повѣсти. К.

Повѣсть временъ старыхъ! Дѣла
минувшихъ лѣтъ!

Журчаніе струи своихъ, о Ло-
ра (*)! приводишь на память про-
шедшее. Шумъ лѣсовъ своихъ, Гар-
малларъ, любезенъ моему слуху.

Не видишь ли, Мальвина (**),
скалы покрытой куспарникомъ с Три-
старья сосны склоняются съ ея вер-
шины, узкая долина у подошвы ея
зеленеетъ Тамъ расшептъ горныя
двѣптъ, и бѣлою своею головкою въ
дыханіи въперка потрясаетъ. Одины
шамъ терновыи кустъ; сыплются съ
не-

(*) Имя одного ручья.

(**) Любовница Осейанова сына, Оскара, котораго
смерть оплакиваетъ онъ въ одной изъ Песнь
своихъ. Кажется, что Мальвина была подру-
гою нашего Поэта въ его печальной старости.
Почти во всѣхъ своихъ пѣсняхъ онъ къ ней
обращается.

него листья старые. Два камня, до
половины въ землю вросшіе, пока-
зываютъ шамъ мшистыя главы свои.
Горный очень убѣгаетъ сего мѣста,
идя мрачнаго духа, шамъ стояща-
ю (*). Сильные (**), о Мальвина! ле-
жатъ въ узкой долинѣ скалы.

*Повѣсть временъ старыхъ! Дѣла
минувшихъ лѣтъ!*

Кто идетъ изъ чужей земли,
окруженный своими тысячами? Сол-
нечныи лучь изливаетъ предъ нимъ
свѣтлость свою, въпрѣ его холмовъ
развѣваетъ власы его. Лице его по-
слѣ битвѣ усноковлось. Онъ шихъ,
подобно лучу вечернему, который
свозь облако запада проглядываетъ
на безмолвную долину Коны (***)
Кто

(*) Въ тогдашнія времена думали, что очень
мгѣ видѣть шѣни умершихъ. И нынѣ, когда
лошади или другія животныя безъ всякой
видимой причины вдругъ осшановятся, просто-
людины думаютъ, что имъ предшавидея
мертвецъ

(**) Т е Герон.

(***) Любимая Оссіанова долина близъ Сельмы,
Дворъ: Фингалова.

Кшо, кромѣ сына Комгалова (*), Царя дѣлѣ великихъ! Сѣ радостію взираетъ онѣ на холмы свои; велишѣ, и громые гласы раздѣются (**).

„Ушли вы чрезѣ поля свои, вы сыны земли дальнійя! Царь міра (***) сишишѣ вѣ чертогѣ своемѣ, и слышитѣ о бѣгствѣ своего народа Онѣ подымаетѣ красное свое око гордо. сши, и беретѣ мечь отцевѣ своихъ. илѣ Ушли вы чрезѣ поля свои, вы сыны земли дальнійя! „

Таковы были слова Бардовѣ, когда они пришли вѣ чертоги Сельмы. Тысячи свѣпильниковѣ изѣ чужей земли (†) засвѣпились среди народа. Пирѣ

ца-

(*) Т. е. Фингала, которой жемлѣ воевать прошишѣ Римлянѣ.

(**) Фингала, возвращаясь изѣ походовѣ, обыкновенно посылалѣ передѣ собою Бардовѣ своихѣ сѣ пѣсиями.

(***) Танѣ называли Каледоніане Римскаго Императора

(†) Здѣсь говорится конечно о восновныхѣ сѣчехѣ, и торыя вѣ Римской Провинціи доставались побѣдителямѣ вѣ добычу.

начинается ; ночь проводятъ въ радости

Гдѣ благородный Клессаморъ (*)² сказалъ красновласый Фингалъ Гдѣ бращѣ Морны въ часѣ моей радости ?
Печально и мрачно проводитъ онъ дни свои въ долину звучной Лоры. Но я вижу его идущаго отъ холма, подобно бодрому коню, кошорый въ полѣ видитъ своихъ товарищей, бѣжишь и распускаетъ по вѣтру свою гриву. Благословенна будь душа Клессаморова ! Почто не былъ такъ давно на Сельмѣ ?

И такъ Царь возвращается среди славы своей² сказалъ Клессаморъ. Такова была слава Комгалова въ битвахъ его юности. Часомъ переходили мы чрезъ Карунѣ въ землю иноплеменныхъ ; мечи наши кровью обогрѣлись ; не львовали Цари мѣра. Почто воспоминаю времена войны нашей ! Уже сѣдѣють власы мои. Отвыкаетъ рука моя лукъ натягивать , не могу под-
НЯТЬ

*) Клессаморъ былъ дядя Фингаловъ.

нѣшь копья тяжелаго. О естѣли бы
возвратилась въ душу мою та радость,
которую чувствовалъ я видя въ пер-
вой разѣ дѣву, бѣлогрудую дочь инопле-
менныхъ, Моину, съ темноголубыми
глазами!

Разскажи намъ, сказалъ могуще-
свенный Фингалъ, разскажи
вѣсть юношескихъ дней твоихъ. Скорѣе
подобно облаку на солнцѣ, осѣняетъ
душу Клессаморову. Печальны мысли
твои въ уединеніи на брегахъ шума-
щей Лоры. Повѣдай намъ горестъ
твоего юношества и мрачность дней
твоихъ!

Во дни мира, сказалъ великій
Клессаморъ, приплылъ я въ легкойъ
кораблѣ своемъ къ Баллушскимъ баш-
нямъ. Вѣтры шумѣли за парусами мо-
ими, и Клушскія струи пріями мрачно-
грудыи корабль мой. Три дни про-
былъ я въ Рьютамировыхъ чертогахъ
и видѣлъ дочь его, оныи лучъ свѣта
Чаша радости вокругъ ходила (*),
при

(*) Т. е. чаша съ виномъ.

одинъ ; но шрепещетъ мечъ на бедръ
моей , и хочетъ сверкать въ мои ру-
кѣ Не говори болѣе о Комгалѣ , сынъ
извивающейся Клушы !

Воспрянула сила его гордости.
Мы бились — онъ палъ подъ мечемъ
моимъ Брега Клушы услышала его
падение и тысячи коней вокругъ засвер-
кали. Мы сражались — иноплемешные
одолѣли — я бросился въ струи Клу-
шы Бѣлые мои парусы надъ волна-
ми поднялись, и я выплылъ на мрачно-
синее море Моина пришла на бе-
регъ , и въ слезахъ обращала красное
око свое, распущенные власы ея раз-
вѣвались въпрямъ , и я слышалъ вда-
лекъ печальный вопль ея Часто оор-
щаль я корабль свой , но въпрямь вос-
точные удалили меня Съ сего вре-
мени не видалъ я Клушы , не видалъ
черновласой Моины Она скончалась въ
Балклушѣ , ибо я зрѣлъ духъ ея. Я
узналъ его , когда онъ въ мрачную
ночь носился вдоль журчащей Лоры (*
Он

(* По повѣданъ ему мръдъ му мнѣнью , ду-
ум.ршихъ и сились по ночамъ на облакахъ
являлись друзьямъ своимъ.

Онъ былъ подобенъ юной лунѣ, когда показывается она сквозь густой туманъ, когда облака сыплютъ на землю снѣгъ мягкій, и миръ пребываетъ въ тишинѣ и мракѣ —

Воспойте о Барды! сказалъ могущественный Фингалъ, воспойте хвалу несчастной Мойнѣ, и пѣснями своими призовише духъ ея на холмы наши, да покоится онъ съ красошами Морвейскими, свѣпилами дней минувшихъ, ушѣхою Героевъ древности! Я видѣлъ сѣны Балклуцскія, видѣлъ сѣны опустѣвшія Огнь пылалъ въ чертогахъ, и не слышно уже тамъ гласа народнаго Сѣны пали въ Клушу и премѣнили ея печеніе Терновый кустъ качалъ тамъ уединенною главою своею, и мохъ шептался съ вѣтромъ Лисица выглядывала изъ оконъ; дикая шрава сѣнѣ вокругъ головы ея колебалась. Опустило жилище Мойнино, царствуетъ молчаніе въ дому опцевъ ея Воспойте, о Барды! воспойте печальную пѣснь о странѣ иноплеменныхъ Они гряди предъ нами, и мы должны спасти

нѣкогда. Почто строишь ты чертоги, о сынѣ крылатыхъ дней? Нынѣ смотришь ты съ башенъ своихъ, но скоро вѣтрѣ пустыни придетъ, будешь вышь въ пустомъ дворѣ твоёмъ и свисшать вокругъ полусогнившаго щита своего. Но пусть придетъ вѣтрѣ пустыни! Мы будемъ прославлены во время свое. Рука моя будетъ незабвенною въ битвахъ, имя мое въ пѣсняхъ Бардовъ. Начиная пѣснь, пошлишь кругомъ чашу, и да услышатъ радость въ чертогѣ моемъ! Когда погибнешь ты, солнце небесное — естли должно погибнуть тебѣ, свѣшило могущее, естли сияне свое временно, подобно Фингалу — то слава наша преживетъ лучи свои!

Такова была пѣснь Фингалова въ день его радости. Тысячи Бардовъ его наклонились впередъ отъ сѣдлицъ своихъ внимать гласу Цареву. Онъ былъ подобенъ звуку арфы, несомому вѣтеркомъ весеннимъ. Любезны были мысли свои, о Фингалъ! Почто

Оссі-

Оссіанъ ие имѣеши силы души твоей? Но ты стоишь одинъ, родишель мой! Кто равенъ Царю Сельмы?

Ночь прошла въ пѣнии, возвратилось утро въ радости Сѣдыя главы горъ показались; улыбалось голубое лице океана. Вдали бѣлыя волны вокругъ скалы играли. Туманъ медленно поднялся ошъ озера, и въ образѣ старца шелъ вдоль по тихой равнинѣ; гигантскіе члены его не двигались въ шестви, ибо духъ несъ его по воздуху. Онъ приблизился къ чертогу Сельмы, и пролился въ дождѣ кровавомъ

Одинъ Царь видѣлъ се видѣние, и предузналъ смерть народа. Въ молчаніи вошелъ онъ въ чертогъ Сельмы, и взялъ коше опца своего. Зазвучали лапы на груди его. Возстали вокругъ Герои, и въ молчаніи взирали другъ на друга, примѣчая око Фингалово. Они зрѣли бисву въ его лицѣ, смерть воинства на копіи его; вдругъ берутъ тысячи швердыхъ щитовъ, и тысячи мечей обнажаютъ. Блищаетъ въ чертогъ Сельмы, шумъ ору-

оружія раздаешся. Сѣрые псы на дво-
рѣ воютъ. Вожди безмолвствуютъ
Каждый взираетъ на Царя, и подѣ-
млетъ до половины копье свое

Сыны Морвенские! вѣщаетъ Царь
сыны Морвенские! не время теперь
наполнять чашу. Битва близъ насъ
темнѣетъ, смерть носится надъ землею
нашею Нѣкій духъ, другъ Фингаловъ,
остерегъ насъ отъ врага Сыны чу-
жей земли идутъ отъ мрачновогни-
спаго моря, ибо отъ воды явился
знакъ страшной нашей опасности Да
каждый возъ васъ подыметъ тяжелое
копье свое и препояшетъ мечъ от-
цевъ своихъ! Да покроетъ мрачный
шлемъ главу cadaго! Да блистаютъ
на васъ лапы свѣпья! Подобно бу-
ри собирается битва, и скоро услы-
шите вы шумъ смерти.

Пошелъ Герой предъ своимъ воин-
ствомъ, подобно облаку предъ огня-
ми воздушными, копорые разливаюш-
ся по ночному небу, и бурю море-
плавателямъ предвѣщаютъ Они ста-
ли на возвышеніи Коны. Бѣлогрудыя

дѣвы зрѣли ихъ стоящихъ шамъ по-
доно лѣсу ; онѣ предвидѣли смерть
юноши, и въ страхѣ взирали на мо-
ре Бѣлыя волны казались имъ вдали
парусами, и слезы шрепешали въ
очахъ ихъ.

Солнце возсіяло надъ океаномъ,
и мы увидѣли корабли. Они шли по-
доно шуму морскому, и на брегъ
нашъ излили юное свое воинство Вождь
стоялъ посреди ихъ, подобно оленю
среди стада Щитъ его обитъ былъ
златомъ, величаво шелъ Царь копій.
Шелъ онъ къ Сельмѣ ; за нимъ его
тысячи

Поди съ пѣснью мира, сказалъ
Фингалъ, поди, Уллинъ (*), къ Ца-
рю мечей. Повѣдай ему, что мы въ
битвахъ крѣпки, и что духи враговъ
нашихъ носятся тысячами (**). Но
славны пировавше въ моихъ черто-
гахъ Они показываютъ въ чужей

І 4

зем-

(*) Одинъ изъ первыхъ Фингаловыхъ Бардовъ.

(**) Т е духи враговъ, погибшихъ отъ руки
нашей.

земля оружие опцевъ моихъ (*), сыны иноплеменныхъ удивляющся и прославляютъ друзей племени Морвенскаго ибо имена наши слышны въ странахъ отдаленныхъ, и приводятъ въ трепетъ Царей мира среди ихъ воинства.

Улинъ пошелъ съ пѣснью. Фиггалъ оперся на копье свое; взираетъ на врага сильнаго и на его оружие, и восхваляетъ сына иноплеменнаго Какъ благообразенъ ты, сынъ океана! сказалъ Царь лѣсистой Морвена Мечъ на бедрѣ твоей подобенъ лучу огненному, копье твое подобно величественной соснѣ, бури презирающей. Премѣнное лице луны не ширѣ щипа твоего, прекрасно юное лице твое, прелестны нѣжныя твои кудри Но егѣ древо можетъ пасть, и память его истребится. Печальна будетъ
дочь

(*) У древнихъ Шотландцевъ было обыкновенно: являться оружьемъ съ гостями своими, и сіи памятники дружества сохранялись въ семействахъ.

ючь иноплемменная, взирая на волну-
ющееся море. Дѣши скажутъ „Ко-
рабль идетъ, можетъ быть плыветъ
въ нечѣ Царь Бальлупскій, Слезе
покашися изъ очей матери ихъ Она
будетъ думать о томъ, кто почнетъ
въ Морвенѣ.

Таковы были слова Царевы, ко-
гда Уллинъ пошелъ къ могуществен-
ному Каршону. Онъ опустилъ предъ
нимъ копье свое, и воспѣлъ пѣснь
мира „Будь гостемъ Фингаловымъ,
Каршонъ, сынъ бурнаго океана! Иди
на виръ къ Царю нашему, или устрем-
ля копье на бивву! Духи враговъ
нашихъ носятся тысячами; но славны
друзья Морвеновы. Возри на оное
поле, о Каршонъ! Тамъ многіе зеле-
ные бугры возвышаются, со мшисты-
ми камнями и шумящею правою ты
видишь гробы враговъ Фингаловыхъ,
сыновъ бурнаго океана! „

Развѣ говоришь ты со сла-
бымъ въ оружїи — сказалъ Кар-
шонъ — Бардъ лѣснаго Морвена?

Блѣднѣетъ ли отъ страха лице мое,
сынъ мирныя пѣсни? Почто же хо-
чешь ты помрачить душу мою по-
вѣстію о падшихъ? Билась въ бит-
вахъ рука моя, и слава моя распро-
странилась далеко. Поди ко слабымъ
въ оружіи, и вели имъ покориться
Фингалу. Развѣ не зрѣлъ я падшей
Балклушы? И мнѣ пировать съ сы-
номъ Конгаловымъ — съ сыномъ то-
го, кто ве ргнулъ пламя въ чертогъ
отца моего? Младъ былъ я, и не
зналъ, для чего дѣвы плакали. Стол-
пы дыма, подымаясь надъ стѣнами мо-
ими, увеселяли мое око. Часто я съ
раіостію обращаю назадъ взоръ свой,
когда друзья мои вдоль холма бѣжа-
ли. Но когда пришли лѣта моего юно-
шества, я увидѣлъ мохъ падшихъ
стѣнъ моихъ. Со вздохомъ встрѣчалъ
я утро, и слезы мои во мракѣ но-
чи капились. Не должно ли — гово-
рилъ я душѣ моей — не должно ли
мнѣ сразиться съ чадами враговъ мо-
ихъ? И я сражуся, о Бардъ! Чув-
ствую силу души моей, и сражуся.

Воины

Воины окружили Героя, и вдругъ извлекли мечи свои. Онъ стоялъ по-среди ихъ подобно столпу огненному. Слеза горшова была выкапшпсь-ся изъ ока его; ибо онъ думалъ о падшей Балклуштѣ — и вся гордость души его воспрянула. Онъ воззрѣлъ на холмъ, гдѣ блиспали Герои наши въ своемъ оружи; коние трепетало въ рукѣ его; наклонивъ впередъ главу и грудь свою, казалось, грозилъ онъ Царю нашему.

Должно ли мнѣ — сказалъ Фингалъ въ душѣ своей — должно ли мнѣ вдругъ успремиться на юношу, и сразишь воина иссреди его печеня, прежде возсіяня славы его? Но Бардъ будущихъ временъ, узрѣвъъ гробъ Каршоновъ, скажетъ: „палъ благородны Каршонъ отъ руки Фингаловой, но Фингалъ окруженъ былъ своими тысячами, Нѣштъ, Бардъ временъ будущихъ! ты не долженъ умалять славы Фингаловой. Герои мои будутъ бишсья съ юношею, а Фингалъ взирашь на битву. Когда побѣдитъ онъ,

по

тогда успрямлюсь я въ силѣ моей,
подобно шумящей Конѣ Кто изъ во-
лдеи моихъ хочетъ биться съ сы-
номъ бурнаго моря? Воиновъ его мно-
го на орей, и сильно ясенное копье
его

Возсталъ Кашулъ въ силѣ своей,
сынъ могущественнаго Лормара, при-
ста юношей, отъ племени отече-
ственныхъ рѣкъ его (*), провождали
Героя Слаба была рука его прошивъ
Картона — онъ палъ, и въ бѣгъ об-
рапились его воины. Конналъ (**)
возобновилъ битву, но тяжелое ко-
пье его преломилось. Заключенный въ
узы, лежалъ онъ на полѣ, и Картонъ
гналъ его воиновъ

Клессаморъ! сказалъ Царь Мор-
венскій гдѣ коние силы твоея?
Можешь ли зрѣть Коннала, друга
своего, на Лорѣ въ узы заключеннаго
Воз

(*) Т. е. единоземцевъ его. У Османа свой языкъ

(**) Мудрость и храбрость Коннала прослав-
ляется въ древнихъ пѣсняхъ. Въ сѣверной
Шланди есть еще и теперь одинъ родъ,
которой производить себя отъ сего Коннала.

Возстань въ сіяніи швоего оружія,
шоварищъ храбраго Комгала! Да воє-
чувствуетъ юноша Балклушскій силу
народа Морвенскаго! — Возсталъ онъ
въ силѣ швоего оружія, потрясая съ-
дыми кудрями швоими; возложилъ на
себя щитъ, и устремился въ гордо-
сти швоего мужества.

Каршонъ стоялъ на каменномъ
холмѣ, и видѣлъ Героя текущаго.
Онъ возлюбилъ страшное веселіе лица
его (*) и силу въ кудряхъ старости.
Поднятъ ли мнѣ копье швое, сказалъ
онъ, кошорое только единожды врага
ударяетъ? Или рѣчами мира соблю-
сти жизнь сего война? Красиво ше-
стые старца; любезенъ вечеръ его
жизни. Можетъ быть вижу я супруга
Моинина, отца Каршонова. Часто
слы-

(*) Герой съ веселіемъ устремляется на непріа-
теля, пламенно желая новыхъ лавровъ; но сіе
веселіе, кошорое у него и на лицѣ должно
изображаться, ужасно для враговъ его. —
Сіе замѣчаніе для того, што при страшномъ
веселіи въ шекстѣ ещашошся.

слыхалъ я, что онъ живетъ на шумящей Лоръ

Таковы были слова его, когда Клессаморъ приблизился и поднялъ высоко копье свое. Юноша подставилъ щитъ свой, и вѣщалъ рѣчи мирныя „Воинъ сѣдыхъ курен! развѣ не спало юношей для битвы? Развѣ нѣтъ у тебя сына, котораго бы могъ нести щитъ предъ тобою и сражаться съ юными? Развѣ супруга любви твоей скончала жизнь свою? Или плачешь она надъ гробами сыновъ твоихъ? Едины ли ты опъ Царей могущихъ? Какова будетъ слава меча моего, когда падешь ты предо мною“,

Слава твоя, сынъ гордости, будетъ велика, отвѣщивовалъ Клессаморъ Славенъ былъ я въ битвахъ, но никогда имени своего врагу не сказывалъ (*) Покорись мнѣ, сынъ
ярыхъ

(*) Сказывать врагу свое имя значило, въ оныя времена герризма, уклоняться отъ боя, ибо, когда открывалось, что между предками Герревъ была нѣкогда прязнь и дружба, то они мирно. По сему - то называли тогда шруса *к'ловкомъ*, которой сказываетъ врагу имя свое.

дрыхъ волнъ, и тогда узнаешь, коль
ужасенъ былъ въ полъ мечь мой —
я никогда не покорялся, Царь мечей!
сказалъ олагородный Каршонъ рука
моя такъ же сражала воиновъ, и я ви-
жу будущую славу мою. Не презирай
меня, вождь мужей! Крѣпка рука моя;
копье мое сильно. Возвратись къ друзь-
ямъ своимъ. Да сражаются Герои
юнѣише! — Почто уязвляешь ты
душу мою? возразилъ Клессаморъ,
слезу проливая. Рука моя не прече-
дешъ отъ старости, и можетъ еще
мечемъ владѣть. Мнѣ ли бѣжать въ
глазахъ Фингаловыхъ — въ глазахъ
того, кого любитъ душа моя? Ни-
когда еще не удалялся я отъ битвы,
сынъ океана! Подыми острое копье
швое!

Они бились, подобно двумъ бо-
рющимся въпрамъ, вдругъ стремящим-
ся волновать море. Каршонъ укло-
нялъ копье свое, помышляя о супру-
гѣ Моининомъ. Онъ преломилъ бле-
стѣе копье Клессаморова, и схва-
тилъ его свѣтлый мечь. Но когда
воз-

возлагалъ Каршонъ на вожія узы, вождь извлекъ кинжалъ опцевъ своихъ Онъ увидѣлъ непокровенный бокъ врага своего, и вонзилъ въ него кинжалъ острый

Фингалъ узрѣлъ Клессамора лежащаго, и двинулся въ громъ своего оружія Воины, въ его присутствіи, хранили молчаніе; на Царя обратили они взоры свои Онъ шелъ подобно страшному шуму наступающей бури; ловецъ слышитъ сей шумъ, и скрывается въ пещеру каменной Каршонъ стоялъ на мѣстѣ своемъ; кровь лилася изъ раны его. Онъ видѣлъ Царя сходящаго, и надежда славы воспрянула въ душѣ его Но блѣдно было его лице, власы его развѣвались, и шлемъ качался на главѣ Героя Ослабѣли силы Каршонови, но тверда была душа его.

Фингалъ увидѣлъ кровь Каршонову и удержалъ подъятое копье свое „Покорись, Царь мечей! сказалъ Котгаловъ сынъ я вижу кровь твою лень былъ ты въ битвѣ, и слава и

никогда не увянетъ „ Ты ли Царь
шолоко славный? спросилъ Каршонъ.
Ты ли оное пламя смерти, которое
Царей мѣра устрашаетъ? Но почто
вопрошаю о семъ? Ибо подобенъ онъ
ручью холмовъ своихъ, стремителе-
ненъ подобно рѣкѣ въ ея печенѣи,
быстръ подобно орлу небесному. О!
если бы я съ Царемъ бился, слава
моя была бы велика въ пѣсняхъ, и
ловецъ, видя гробъ мой, сказалъ бы:
онъ бился съ могущественнымъ Фин-
галомъ! Но Каршонъ умираетъ без-
вѣстенъ, на слабомъ измилъ онъ си-
лу свою

Не умрешь ты безвѣстенъ, оп-
тѣшествовалъ Царь лѣсистаго Морвена.
Много Бардовъ моихъ, о Каршонъ!
Пѣсни ихъ будутъ пѣть во времена
будущія Чада опдаленныхъ лѣтъ
услышатъ славу Каршонову, сидя
вокругъ пылающаго дуба (*), и проводя
К
ночь

*Въ старой Шотландіи весьма еще не давно
аѣ обыкновеніи сжигали на п рахъ дубо-
вой

ночь въ пѣни древнихъ пѣсней. Ловецъ въ полѣ услышитъ шумный порывъ вѣтра, и поднявъ глаза свои, увидитъ камень, гдѣ палъ Герои Онъ возвратится къ сыну своему, и покажетъ мѣсто, гдѣ бился могущественный Картонъ. „Тутъ бился Царь Балклушскій съ силою тысячи рѣкъ „

Возсіяла радость на лицѣ Картоновомъ. Онъ поднялъ опягченныя свои очи, и опдалъ Фингалу мечь свой, да хранился оный въ чертогѣ его, и да пребудетъ въ Морвенѣ память Царя Балклушскаго. Преспала битва въ полѣ. Бардъ воспѣлъ пѣснь мира Собралися вожди вокругъ Картона увядающаго Опершись на копья свои, внимали они словамъ его, и воздымали въ молчаніи. Вѣтръ развѣвалъ власы его, и гласъ его былъ тихъ и печаленъ.

Царь

вой пень, которой называли *праздничнымъ пнемъ*. Простолюдныи похитали сей обрядъ *печаленнымъ*.

Царь Морвенскій¹ сказалъ Каршонъ я долженъ пасть среди своего печенія Чуждый гробъ прїиметъ юношу, послѣдняго опъ колѣча Рьюташирова Мрачность обитаетъ въ Балкунѣ, шѣни горести въ Крапмѣ. Сооруди мнѣ памятникъ на берегахъ Лоры, гдѣ обитали опцы мои. Можетъ быть супругъ Мойнинъ восплачетъ надъ падшимъ своимъ Каршонъ,, — Достигли слова его до сердца Клессаморова Паль онъ въ безмолвіи на сына своего. Воинство стояло неподвижно, скорбь и молчаніе въ полѣ Настала ночь, и луна съ востока освѣтила мѣсто горести; но они стояли подобно тихому лѣсу на Гормалѣ, когда бурные вѣтры умолкаютъ и унылая осень всю страну помрачаетъ.

Три дни печалились они о Каршонѣ, въ четвертый умеръ отецъ его Они лежатъ въ узкой долине у подошвы скалы, мрачный духъ спрехетъ гробъ ихъ Тамъ часто видима любезная Моина, когда солнечный

К 2 лучь

лучь на вершину скалы падаетъ, и
 мрачность вокругъ распространяется
 Тамъ являешся она, о Малвина! но
 оплочно ошъ дѣвѣ нашихъ Од
 ея чужеземная, и ходитъ она вс да
 едина

Фингалъ сожалѣлъ о Картонѣ
 Онъ вельѣ Бардамъ свѣмъ помнишь
 день сей, когда сѣниспая осень на
 поля возвращалась Они помнили его,
 и часно пѣли хвалу Герою

*Кто идетъ такъ страшно с
 шумнаго моря? Подобенъ онъ об
 осени мрачной. Трепетъ с перть
 въ его рукѣ, какъ огонь, какъ пламя
 взоръ его! — Кто лѣтится со ро
 момъ вдоль быстрыя Лоры? Кто
 кромъ Картона, Героя Какъ гуты
 Какъ мрачный дучъ стремится о
 надетъ, надетъ предъ нимъ наро
 — Но вихрь на прекрасное др
 стремится, и съ корня прекра
 древо срываетъ! Когда жъ возста
 ты, Картонъ, утѣха К гуте
 береговъ? — Кто идетъ такъ ст
 но отъ шумнаго моря? Подо*

онъ облаку осени мрачной. Трени-
щетъ смерть въ его рукъ; какъ огнь,
какъ пламя взоръ его!

Таковы были слова Бардовъ въ
день ихъ печали. Часто Оссианъ со-
единялъ гласъ свой со гласомъ ихъ и
пѣснь свою съ ихъ пѣснью. Душа моя
сожалѣла о Картоновъ онъ палъ во
дняхъ своей юности. Гдѣ, о Клес-
самоу? обитаешь ты въ вѣтрѣ вѣю-
емъ? Забылъ ли юноша рану свою?
Лосишься ли очь на облакахъ съ по-
бою? — — Я чувствую солнце, о
Мальвина! Время успокоилось старцу.
Можетъ быть они явятся мнѣ во сно-
видѣннн. Я слышу, кажется, слабый
голосъ. Небесный лучъ любитъ сіять
на гробъ Картоновомъ, я чувствую
о кругъ себя теплоту его.

О ты, текущее надъ нами свѣ-
, круглое подобно щиту оп-
моихъ! откуда лучи твои, о
! откуда вѣчный свѣтъ твой?
Лвляешься въ священной красотѣ
своеи, и звѣзды на небесахъ помер-

каютъ, и луна, хладная и блѣдная, скрывается въ волнахъ запада. Но ты шествуешь едино кто можетъ бытъ твоимъ сопутникомъ? Падаютъ горные дубы, самыя горы съ лѣтами исчезають, океанъ убоываетъ и прибываетъ, самая луна на небесахъ теряется но ты не премѣняешься, ликуя во блескѣ своего печенія. Когда бури мѣръ помрачаютъ, когда гремятъ громаы и молнии сверкаютъ, ты въ красотѣ своей изъ облаковъ показываешься и смѣешься бурямъ. Но щепно являешься ты для Осейана; ибо онъ не зреть уже лучей твоихъ, когда златые власы твои на восточныхъ облакахъ сияютъ, или когда прещешь ты при вратахъ запада. Но можетъ бытъ и ты, подобно мнѣ, временно, и лѣта твои скончаются. Ты заснешь въ облакахъ своихъ, не заботясь о гласѣ утра. Веселись же, о солнце! въ силѣ юности своея! Старость мрачна и неприятна, она подобна мерцающему свѣту луны, когда оный сквозъ облака пронизываетъ, и шуманъ на холмахъ

вахъ носится; вѣетъ вѣтръ сѣвер-
ный, и странникъ на половинѣ пуши
своего цѣпенѣетъ.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ- СТВЕННИКА

(Продолжение)

За двѣ мили отъ Дрездена,
10 Юля 1789.

И такъ я уже въ Саксоніи! —
Осьмаго числа отправилъ я къ вамъ
свой пакетъ изъ Берлина, и думалъ
еще побыть тамъ по крайней мѣрѣ
недѣлю, но l'homme prophète, Dieu dis-
prophète Въ тотъ же вечеръ спало мнѣ
такъ грустно, что я не зналъ, ку-
да дѣваться Бродилъ по городу, на-
лучивъ себѣ на глаза шляпу, и про-
сью своею считалъ на мостовой ка-
мни, но грусть въ сердцѣ моемъ не
утихала Прошелъ въ звѣринецъ, пере-
ходилъ изъ алеи въ алею, но мнѣ все
было грустно Что же дѣлать? спро-
силъ я самъ у себя, остановясь въ
концѣ длинной липовой алеи, при-
поднявъ шляпу и взглянувъ на солнце,

которое въ тихомъ великолѣпнѣи сіяло на западѣ. Двѣ минушы искалъ я о... въша на лазуревомъ небѣ и въ душѣ своей, въ шрешью нашею его — *поѣдемъ далѣе!* Поѣдемъ далѣе! повторилъ я у себя въ мысляхъ, и шрешью своею провелъ на песокъ длинную змѣйку, подобную шой, которую въ *Тристрамъ Шанди* начертилъ Капралъ Тримъ (vol vi сарххiv) говоря о прѣятности свободы. Чувства наши были конечно сходны. Такъ, добродушной Тримъ. *nothing can be so sweet as liberty* (*) думалъ я, возвращаясь скорыми шагами въ городъ, и кто еще не запертъ въ кѣшку — кто можетъ, подобно пшичкамъ поднесеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здѣсь — тотъ можетъ еще наслаждаться быштемъ своимъ, и можетъ быть щасливъ, и долженъ быть щасливъ.

(*) Т. е. ничего не можетъ быть прѣятнѣе свободы.

II такъ, не дожидаясь торже-
ственного собрания Берлинской Ака-
демии, рѣшился я на другой день
ѣхать. Мнѣ съ надлежало еще побы-
вать у Гр К*, которая звала меня
къ себѣ черезъ Господина М*; одна-
ко жь и это не могло меня остано-
вить — Последній вечеръ провелъ я
очень приятно съ любезнымъ Д*, а
на другой день поутру, укладъ свой
чемоданъ и расплащась съ Господи-
номъ Блумомъ, отправился въ Сак-
сонию — на обыкновенной почтѣ, въ
открытой коляскѣ, съ двумя Сту-
денцами и однимъ молодымъ Лейп-
цигскимъ кучеромъ

Съ другой перемены поѣхалъ я
на такъ называемой экспрессной по-
чтѣ. Въ проклятой почтовой фуръ-
шакѣ отбило мнѣ бока, что у меня
я теперь болятъ ребра. Сверхъ по-
го остался у меня на щекѣ рубецъ,

И долженъ еще благодарить Судьбу,

а мои щѣлы. Надо было знать,
дорога къ Саксонскимъ грани-
идеть по большей части лѣ-

сомъ; а какъ почтовая коляска не покрыта и очень высока, то сидящіе въ ней почти безпреснанно должны нагибаться, чтобы не зацѣпиться головою за дерева. Ввечеру я задремалъ, и получилъ отъ какого-то вѣшвисстаго дерева такую пощечину, что у меня искры изъ глазъ посыпались. Все это вмѣстѣ заставило меня проспиться съ веселыми Спудеками.

Экспрессная почта стоитъ почти вчетверо дороже ординарной. Мнѣ даютъ пару лошадей съ комысочью и съ постиллономъ, и берутъ съ меня за милю по шамеру (120 коп).

Саксонскіе постиллоны отличны отъ Прусскихъ только цвѣтомъ своихъ кафтановъ (на послѣднихъ сѣне съ краснымъ ворошникомъ, а на первыхъ желтые съ голубымъ), впрочемъ они такъ же жалуютъ своихъ лошадей, такъ же любятъ пищу въ корычкахъ, и такъ же грубы.

Дороги въ Саксоніи такъ же дурны, какъ въ Пруссіи, и отъ Берлина до сего мѣста не встрѣчалось глазамъ моимъ почти ни одного приличнаго вида, только земля здѣсь, кажется, лучше обработана, нежели въ Мденбургѣ. По крайней мѣрѣ извѣстно то, что Саксонскіе поселяне вообще гораздо богачѣ Прусскихъ.

Я долженъ описать вамъ одну встрѣчу, которая произошла во мнѣ пріятныя впечатлѣнія

Въ мѣстечкѣ или въ маленькомъ городкѣ, гдѣ я нынѣ въ полдень перемѣнялъ лошадей, Почтмейстеръ не отправлялъ меня очень долго. Я прохаживался по двору, и думалъ — не знаю, о чемъ. Знаю только, что шумъ коляски, подѣхавшей къ крыльцу почтоваго дома, перервалъ лишь мои мысли. Я взошелъ на крыльцо, и увидѣлъ молодую, прекрасную, высокую, блондинку женщину, — въ маленькой черной шляпкѣ, въ амазонскомъ зеленомъ платьѣ, съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, — вышедшую изъ

изъ

изъ коляски съ пожилымъ, горбатымъ, долготылымъ мужчиною, котораго изображеніе было бы не послѣднею пещерою между Гогардскими каррикатами. Онъ подавъ ей руку, и когда они проходили мимо меня, я снявъ шляпу и поклонился красавицѣ, — правда, не очень низко, для того чтобы ни на секунду не потерять изъ глазъ прелестней лица ея. Естественно, что за поклонъ заплашаннымъ поклономъ Почтмейстеръ встрѣшилъ гостей въ сѣняхъ, наговоривъ имъ множество комплиментовъ, проводилъ ихъ въ конюшню, и самъ побѣжалъ за ключевою водою, въ которой имѣла нужду красавица для освѣженія своихъ прелестей. Дверь затворилась, и я остался одинъ въ сѣняхъ. Но развѣ эта дверь не открывается! подумалъ я, и потихоньку отворилъ ее. Красавица стояла передъ зеркаломъ, и бѣлымъ платкомъ отирала пыль съ бѣлаго лица своего, а спутникъ ея сидѣлъ на креслѣ и зѣвалъ. Извините, сказалъ я: в

меня здѣсь оспалась книга Горбальной
кавалеръ кивнулъ головою, и указалъ
на книгу мою, которая лежала на
столѣ. Красавица отворопилась отъ
зеркала, и взглянула на меня такими
быстрыми, пронзительными глазами,
что я бы вѣрно покраснѣлъ, если бы
у меня что нибудь дурное было
на мысли, но я съ спокойствіемъ не-
винности смотрѣлъ на ея прекрасные
голубые глаза, на ея правильной Гре-
ческой носъ, на ея розовыя губы,
на ея розолилейныя щеки, и проч.
и проч, и любовался прелестями ся-
какъ, какъ молодой ваятель любитъ

Микель Анжеловою статуею,
или живописецъ Рафаелевою карти-
ною — Красавица сѣла, а я стоялъ
прошивъ нее, и все еще не бралъ
своей книги „День очень жарокъ, —

она прятнымъ голосомъ,
взглянувъ на своего соуптника и на
меня Соуптникъ ея зѣвнулъ, а я
повторилъ ея слова „день очень жа-
рокъ,“ Тупъ послѣдовамо молчаніе,

Новое перервалъ я вопросомъ „Не
въ

въ Дрезденъ ли вы ѣдете, сударыня?
„Нѣтъ, отвѣчала она мы ѣдемъ въ
деревню къ своему пріятелю. А вы
конечно сами въ Дрезденъ ѣдете?“ —
Такъ, сударыня я надѣюсь быть тамъ
завтра очень рано. — „Вы конечно
иностранецъ, естли смѣю спросить
— Такъ, сударыня. — „Конечно Англи-
чанинъ? потому что Англичане хорошо
говорятъ по-Нѣмецки, — Извините,
сударыня я Московитянинъ — „Мо-
сковитянинъ? Ахъ, Боже мой! я еще
отъ роду не видывала Московитянъ, —
А я видалъ, сказалъ горбатой ка-
валеръ, и началъ снова зѣвать. —
„Да скажите пожалуйста, какъ вы къ
намъ заѣхали?“ — Изъ любопытства,
сударыня — „Надобно, чптобы вы
были очень любопытны. Вѣдь вы ко-
нечно оставили въ отечествѣ своемъ
много любезнаго?“ — Много, суда-
рыня, много я оставилъ отечество
и друзей — Не знаю, до чего бы
мы съ нею договорились, естли бы
не пришелъ Почтмейстеръ съ водою,
и не сказалъ мнѣ, что коляска моя

гошова Я низко поклонился красавицѣ, а она пожелала мнѣ щаспливаго пути

Прекрасной лужекѣ, прекрасная рожица, прекрасная женщина — однимъ словомъ, все прекрасное меня радуешъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ ни находилъ его Образъ милои Саксонки оспался въ моемъ воображеніи, въ украшенію картинной галлерей она-ю. — На сей послѣдней перемѣнѣ рѣшился я ночевать Теперь бѣешъ го часовъ Въ четыре я велѣлъ разбудить себя Иду спать Простите!

Дрезденъ, 12 Іюля.

Утро было прекрасное, птички вѣли, и молодые олени играли на дорогахъ Тутъ вдругъ открылся мнѣ Дрезденъ, лежащій на большой долине, по которой течетъ крошкая Эльба Зеленые холмы, непрерывно простирающіеся по одной сторонѣ рѣки, и величественной городъ, и обширная плодородная долина, составляющіе

юшѣ великолѣпной видѣ — Съ прѣяшними чувствами вѣѣхалъ я въ Дрезденъ, и при первомъ взглядѣ показался онѣ мнѣ огромнѣе самаго Берлина

Я остановился въ прагширѣ на почтовомѣ дворѣ, и, одѣвшись, пошелъ къ Господину П*, къ которому было у меня рекомендательное письмо. Онѣ принялъ меня очень ласково, и вызвался — было доставить мнѣ интересныя знакомства въ Дрезденѣ; но какѣ я пробуду здѣсь не болѣе трехъ дней, и слѣдственно не буду имѣть времени пользоваться знакомствами, по мнѣ оставалось только благодарить его за добрую волю. Мы пошли съ нимѣ ходить по городу

Дрезденѣ едва ли уступаетѣ Берлину въ огромности домовъ, но сколько улицы здѣсь гораздо шире. Дрезденъ считается въ Дрезденѣ ок. 35000 — очень не много по пространству города и по великости домовъ. Правда, что на улицахъ и нема

людей встрѣчается; и на рѣдкомъ домѣ не прибито объявленія объ отдачѣ въ наемъ комнатъ. За двѣ или за три порядочно прибранныя горницы плащяпъ здѣсь въ мѣсяцъ не болѣе семи или осьми талеровъ — Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города видны еще слѣды опустошенія, произведеннаго въ Дрезденѣ Прусскими ядрами въ 1760 году — Съ часъ стоялъ я на мосту, соединяющемъ такъ называемой *новой городъ* (Nei-stadt) съ Дрезденомъ, и не могъ насытиться разсматриваніемъ пріятной картины, которую представляютъ глазамъ обѣ части города и прекрасные берега Эльбы — Сей мостъ, длиною въ 670 шаговъ, почитается лучшимъ въ Германіи; на обѣихъ сторонахъ сдѣланы ходы для пѣшихъ и мѣста для отдохновенія

Господинъ П* хотѣлъ, чтобы я, него объдалъ. Вы увидите мое семейство, сказалъ онъ. Насъ встрѣшила женщина лѣтъ въ сорокъ, почтеннаго виду, и молодая дѣвушка

Л

лѣтъ

лѣтъ въ двадцать, не прекрасная, но милостивая и нѣжная. Вотъ все мое семейство, сказалъ мнѣ Господинъ П* — и я поцѣловалъ руку у той и у другой. Обѣдъ былъ самой уверенной, однако жь и не голодной. Хозяинъ и хозяйка спрашивали меня о Россіи, и вопросы ихъ были такъ умны, что отвѣты не приводили меня въ затрудненіе. Господинъ П* хотя и не есть Ученой по профессіи, однако жь много читалъ, и за бутылкою стараго Рейнскаго вина, которую принесла намъ сама хозяйка, говорилъ съ великимъ жаромъ о швореніяхъ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ Поэтовъ. Милостивая Шарлопа по большей части молчала, но взоры и улыбки ея были очень краснорѣчивы. После обѣда, по приказанію своего отца, играла она на клавесинѣ, и я радъ бы былъ слушать ее до вечера — Отъ нихъ пошелъ я въ славную картинную галерею, которая считается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Я былъ тамъ три часа, но на

многія

Могя картины не успѣлъ и глазъ
борознить, не при часа, а нѣсколь-
о мѣсяцевъ надобно на то, чтобы
орошенько .осмотрѣть сию галлерею
съ наибольшимъ вниманіемъ разсма-
тривалъ я Рафаелеву (*) Марію (ко-

Л 2

шо-

*) Рафаель, глава Римской школы, признавъ
единогласно первымъ въ всемъ искусствѣ Ни-
кто изъ живписцевъ не вникалъ сполько въ
красоты антиковъ, никто не учился Аиапо-
мин съ жаксю прилѣжностію, какъ Рафаель —
и потому никто не могъ превзойти его въ
рисовкѣ. Но зн ния, которыя симъ средствомъ
приобрѣлъ онъ въ формѣ человеческой, не одѣ-
лали бы его такимъ великимъ живописцемъ,
если бы Апшуря не одарила его творческимъ
духомъ, безъ котораго живописецъ есть ни-
что иное, какъ бѣдной копистъ. Небесный
огнь оживляетъ черты кистки его, когда онъ
изображаетъ Божество; въ чертахъ Героевъ его
видно непобѣдимое мужество; въ образѣ Ве-
неры или Роксаны умѣлъ онъ соединять все
женска прелести, а въ образѣ Маріи красоту,
невинность и святость. Лица Тирановъ, имъ
изображенныя, приводятъ въ ужасъ, въ ли-
цахъ мучениковъ его издобко удивляются жи-
вымъ чертамъ небснаго шеріенія. — Правда,
что

порая держитъ на рукахъ Младенца, и передъ которою стоятъ на коленяхъ Св Сикстусъ и Варвара), Корреджю (*), о которой столько пи-

что картины его неравной цѣны; послѣдняя несравненно превосходитъ первыхъ. Образъ Преображенія Христова почитается лучшимъ его произведеніемъ. — Сей великой художникъ скончалъ жизнь свою преждевременно, отъ чрезмѣрной склонности къ женскому поуслабленію, которая вовлекла его въ распутство и причинила неизлечимую болѣзнь. Онъ родился въ Урбино въ 1483, а умеръ въ Римѣ въ 1520 году.

(*) Корреджю, первой Ломбардской живписецъ, почти безъ всякаго руководства достигъ до высочайшей степени совершенства въ своемъ искусствѣ, не выѣзжавъ никогда изъ своего отечества, и не видавъ почти никакихъ хорошихъ картинъ ни антиковъ. Кисть его поставляется въ примѣръ ибжности и пріащности. Рисовка его не совсемъ правильна, однако жъ искусства, головы его прекрасны, а краски несравненны. Натое тѣло писалъ онъ весьма живо, а лица его опмѣлно пріащны. Однимъ словомъ, не льзя безъ удивленія разсматривать его картины, и еспьди бы Корреджю видѣлъ всѣ прекрасныя произведенія искусства

писано и говорено было, и въ копто-
рой наиболѣе удивляюща смѣси свѣ-
та со тьмою, Микель Анджелову (*)
Л 3 кар-

искусства въ Римѣ и въ Венеціи, то онъ былъ
бы конечно правдѣнѣе въ рисовкѣ, и превзо-
шелъ бы, можетъ быть, самаго Рафзеля. —
Всю жизнь свою провелъ онъ въ бѣдности,
былъ скромнѣе, доверенъ малымъ и человеко-
любивъ. Причина его смерти достойна примѣ-
ченія. Продавъ въ Пармѣ одну картину свою,
получилъ онъ за нее мѣшокъ мѣдныхъ денегъ
и пошелъ съ нимъ иѣшкомъ въ Корреджо.
Девъ былъ жаронъ, и ему каждаго перейти
четыре миди. Радясь тому, что получен-
ными деньгами можетъ на иѣкоторое время
вывести изъ нужды семейство свое, не чув-
ствовалъ онъ усталости; но придши домой,
принужденъ былъ лечь на постелю, и занемогъ
горячкою, которая черезъ иѣсколько дней сконча-
ла жизнь его. Онъ родился въ 1532, и
умеръ въ 1588 году.

(*) Микель Анджело былъ великой Архитекторъ,
живописецъ и рѣшникъ. Построенной имъ ку-
воль церкви Св. Петра служитъ доказатель-
ствомъ искусства его въ Архитектурѣ. Что
принадлежитъ до картинъ его, то онѣ не
столько пріятны, сколько удивительны; для
того что онъ всегда жель представлять
шруд.

картину, представляющую на сожже-
 ніе осужденнаго человѣка, и вѣдиг

Родъ,

трудоное и чрезвычайное. Зная хорошо Анато-
 мию, спѣрался онъ слишкомъ сильно означать
 мускулы въ своихъ фигурахъ, а шѣло пи-
 саль всегда кирпичнаго цвѣта. Но если онъ
 не первой живописецъ по своей кисти, то едва
 ли кто нибудь превзошелъ его въ рисовкѣ. —
 Въ скульптурѣ былъ онъ, кажется, еще
 искуснѣе. Его Купидонъ, Вахусъ и молодой
 Саширъ, почитаются лучшими произведеніями
 сего художества. — Микель Анджело былъ
 весьма остроуменъ. Когда Папа Юлій спросилъ
 у него съ неудовольствіемъ, для чего онъ въ
 писанныхъ имъ картинахъ изъ Ветхаго Зава-
 та не употребилъ золота, по примѣру ста-
 ринныхъ живописцевъ, то онъ съ покорнымъ
 видомъ отвѣчалъ, что святыя мужи, имъ
 изображенныя, почтены блескъ одежды за
 ложное украшеніе человѣка. Желая дать знать
 Рафаелю, что онъ вкдѣлъ въ Фарнезскихъ па-
 латахъ картину его, Галашю, начертилъ онъ
 углемъ на шѣнѣ Фаунову голову, которую
 и по сіе время тамъ показываютъ. Рафаель,
 увидѣвъ ее, сказалъ, что никто, кромѣ Ми-
 келя Анджело, не могъ начертить такой го-
 ловы. — Показывая Микель Анджелову карти-
 ну распятаго Христова, рассказываютъ всегда,

будъ

родъ, картины Юлія Романа (*) Па-
на, которой учитъ на флейтѣ мо-
лодаго паспуха, играющую Цецилію,
окруженную Святыми, и проч — Ве-
ронезовы (**) воскресеніе, похище-
Л 4 не

будто бы онъ, желая натуральнѣе представить
умирающаго Спасителя, умертвилъ человека,
которой служилъ ему моделью, но анекдотъ
сей совсѣмъ невѣроушенъ. — Онъ родился въ
1474, а умеръ въ 1564 году.

(*) Юлій Романъ, лучший Р.флорентинскій ученикъ,
имѣлъ плодотворное воображеніе, и былъ весь-
ма искусенъ въ рисовкѣ. Всѣ фигуры его во-
обще очень хороши. Только жаль, что онъ
сдѣловалъ анпикамъ болѣе, нежели Натурѣ.
Можно сказать, что рисунки его слишкомъ
правильны, и отъ того всѣ его лица слиш-
комъ единообразны. Тѣло писалъ онъ кирпич-
наго цвѣта, такъ какъ Микель Анджело, и
краски его вообще темны. Онъ родился въ
1492, а умеръ въ 1546 году.

(**) Картины Павла Веронеза превосходны по жи-
востн и прнятности фигуръ, и по свѣжести
красокъ. Натура была образцемъ его, одна-
ко жь, какъ великой художникъ, умѣлъ онъ
исправлять ея недоспашки. — Между прочимъ
разсказываютъ объ немъ слѣдующій анекдотъ.
Одна-

ніе Европы, и проч. — Каракчіе-
ви (*). Генія славы, летящаго по
воздуху; Марію со Младенцемъ, Мат-
ееемъ и Іоанномъ, и проч — Тин-
то-

Однажды, въ окрестностяхъ Венеціи, застала его
на дорогѣ буря съ дождемъ, и онъ прину-
женъ былъ просить убѣжища въ загородномъ
домѣ Прокуратора Пизани Сей принялъ его шакъ
ласово и дружелюбно, что онъ не могъ вы-
ѣхать отъ него нѣсколькихъ дней. Въ сіе время
каписалъ онъ тихонько Даріеву фамилію
(картину, на которой изображены двадцать
фигуръ во весь ростъ) и спрашалъ ее подъ
кроватью; а прощаясь съ хозяиномъ, сказалъ
ему, что онъ оставилъ тамъ нѣчто въ знакъ
своей благодарности за его угощеніе — Онъ
родился въ 1532, а умеръ въ 1511 году

(*) Немногіе изъ живописцевъ имѣли такое
плодотворное воображеніе, какъ Анкибаль Кар-
ракчи, и немногіе превзошли его въ рисовкѣ;
а въ послѣднихъ его картинахъ, писанныхъ
въ Римѣ, и самыя красны очень хороши. Луч-
шее произведеніе его кисти есть Фарнезская
галлерей въ Римѣ, надъ которою онъ восемь
лѣтъ трудился, и за которую заплащали ему
весьма худо, для того что у него было мно-
го завистниковъ и непріятелей. Онъ родился
въ 1563, а умеръ въ 1609 году. Его погребли
подъ

шорешовы (*) Аполлона съ Музами,
явление Ангеловъ, и проч — Басса-
новы (**). Израильской народъ въ пу-
стынѣ, Ноево семейство, и проч. —
Джіордановы (†) похищение Сабинокъ,

Л 5

уми.

нодѣ Рафаеля, несорото онъ любилъ болѣе
всѣхъ живописцевъ.

(*) Тишорешъ, Венеціанской живописецъ, ста-
ршея въ своихъ картинкахъ соединилъ вкусъ
Микеля Анжело съ Тиціановымъ; т е. пер-
вому подражалъ онъ въ рисункахъ, а второ-
му въ краскахъ Тиціанъ кочится первымъ
колористомъ въ свѣтѣ. Картины его веьма
веравной цѣны, и потому говорили объ немъ,
что онъ пишетъ иногда золотою, иногда се-
ребреною, а иногда желѣзною кистію. Онъ
родился въ 1513, а умеръ въ 1594 году

(**) Въ Бассановыхъ картинахъ мадобно уди-
вляться живости красокъ, а въ рисовкѣ былъ
онъ не весьма искусенъ, мадобно всѣмъ Вене-
ціанскимъ живописцамъ Тѣло писалъ онъ
очень живо, а платье очень не хорошо. Ланд-
шафты его прекрасны. — Онъ родился въ
1570, а умеръ въ 1592 году.

(†) Во всѣхъ Джіордановыхъ картинахъ видна
опыбная легкость и сти; ко нѣкъ онъ пи-
салъ слишкомъ много, шо почти всѣ картины
его не долѣамы, и вообще рисовка его не
очень

умирающаго Сократа, Сусанну въ купальнѣ, и проч — Розовы (*): собственной его портретъ и ландшафтъ съ деревьями, гдѣ сидящій старикъ говоритъ съ двумя стоящими — Пуссенева (**): Ноево жертво-
при-

очень правильна. Главною его моделью былъ Павелъ Веронезъ; но онъ умѣлъ подражать всѣмъ лучшимъ живописцамъ, такъ что самыя знаменитыя иногда обманывались и принимали его подражаніе за оригиналъ. — Онъ родился въ Неаполѣ въ 1632, а умеръ въ 1705 году.

(*) Саяваторъ Роза, Неаполитанской живописецъ, писалъ лучше ландшафты, нежели историческія картины. Фигуры его по большей части несправедливы въ рисовкѣ; однако жъ въ нихъ видна смѣлая кисть и откровенная живость. Деревя, горы и вообще всякіе виды писалъ онъ прекрасно. Онъ родился въ 1615, а умеръ въ 1673 году.

(**) Въ картинахъ Николая Пуссена, славнаго Французскаго живописца, видны высокія мысли и живое выраженіе страстей; рисовка его правильна, но краски не очень хороши. Бѣсемъ подобенъ онъ Римскимъ живописцамъ, которые вообще не уважаютъ колорита. Ландшафты его прекрасны. Онъ родился въ 1594, а умеръ въ 1663 году.

приношеніе, ландшафтъ съ двумя сидящими Нимфами и съ Нарциссомъ, которой смотрится въ воду; и еще другой, идѣ спишь нагая Нимфа, которую разсматривающъ изъ за дерева двое мужчинъ — Рубенсовы (*). сидящую Марію съ Младенцемъ, которому Ангелы подающъ плоды, страшный Судъ, Христа снятаго на корабль во время бури, похищеніе Прозерпины,

НЬЯ-

(*) Рубенсъ по справедливости называется Фландрскимъ Рафаелемъ. Какой пылчій духъ виденъ въ его картинахъ! какія богатыя мысли! какое согласіе въ дѣломъ! какія живыя краски, лица, платья! Онъ никакъ не хотѣлъ подражать англичанамъ, и писалъ все съ натуры. Къ совершенству его картинъ не достаетъ только той правильности въ рисовкѣ, которою славится Римская школа. — Рубенсъ способенъ былъ не только къ живописи, но и къ важнымъ государственнымъ дѣламъ, и будучи Посланникомъ въ Англію, умѣлъ согласить Карла I на миръ съ Гиспаніею. Возвратясь во Фландрію, женился онъ на Еленѣ Форманъ, славной красавицѣ, которая часто служила ему моделью. Онъ родился въ 1577, а умеръ 1640 году.

нѣжнаго Силена съ Нимфами, Венеру съ Адонисомъ, наказываемаго Кунидна, котораго одна женщина держитъ на рукахъ, а другая свѣтитъ лозою, Нептуна, укрощающаго море, и проч — Фанъ Диковы (*) изображенія Королеи Карла II и Якова II, Иеронима, у ногъ котораго лежитъ левъ, и проч — и наконецъ Менгсовы, которыхъ очень много Между прочими картинами есть прекрасныя перспективы и такія живыя изображенія винограда и другихъ плодовъ, что хочется ихъ взять и ѣсть — Самыя лучшя картины перешли въ Дрезден.

(*) Фанъ Дикъ, Рубенсовъ ученикъ, есть конечно первой портретной живописецъ въ свѣтѣ Колоритъ его не уступаетъ Рубенсову, головы и руки писалъ онъ прекрасно Для исторической живописи былъ онъ уже не такъ способенъ, для того что не имѣя Рубенсова пиитическаго духа. Король Карлъ I призвалъ его въ Англію, гдѣ бы онъ могъ обогатиться отъ своей работы, естли бы жилъ умѣреннѣе и не прилепился къ алхимии. Онъ родился въ 1599, и умеръ въ 1641 году.

денскую галерею изъ Моденской ,
на прим. Корреджева *ногъ*, и проч.
Августъ III, Польской Король, былъ
великой любитель живописи, и не жа-
лѣлъ денегъ на покупку хорошихъ
картинъ

Надзирашель сказывалъ, что за
нѣсколько недѣль передъ тѣмъ украли
изъ галереи картинъ десять, и при
томъ самыхъ лучшихъ, но что, къ
дѣйствию, воровъ скоро опыскали, и
картины возвратились въ прежнее свое
мѣсто. — Выходя, вручилъ я Госпо-
дину Надзирашелю Голландской чер-
воонецъ.

Надобно было еще видѣть такъ
называемую *зеленую кладосу* (das
Grüne Gewölbe), или собрание драгоцен-
ныхъ камней, которому въ цѣломъ
свѣтѣ едва ли есть подобное; и что-
бы взглянуть на эшопъ блестящій
минеральной кабинетъ Саксонскаго
Курфирста и послѣ сказать *я ви-
дѣлъ рѣдкость!* надобно заплашить
Голландской червоонецъ Мнѣ сказыва-
вали, что одинъ знашной Французъ,
цо-

посмотря на камни, сказалъ Курфирсту *Хорошо, очень хорошо, а что это стоитъ Вашей Свѣтлости?*

Послѣ картинной галлерей и зеленой кладовой прешя примѣчанія достойная вещь въ Дрезденѣ есть библіотека, и всякой путешественникъ, имѣющей нѣкоторое пребываніе на ученость, починаятъ за должность видѣть се, т. е. взглянуть на ряды перечисленныхъ книгъ и сказать *какая о́рлягия библіотека!* — Между Греческими манускриптами показывають весьма древній списокъ одной Эврипидовой трагедіи, проданной въ библіотеку бывшимъ Московскимъ Профессоромъ Машшеемъ, за сей манускриптъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, взялъ онъ съ Курфирста около 1500 талеровъ. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ Г. Машшей досталъ си рукописи!

Ввечеру прошелъ я нѣсколько разъ по саду, которои называется *Zwinger Garten*, и которой хотя и великъ, однако жь пріятенъ. Возвращаясь

пясь домой, написалъ я, что вы ше-
дерь читали

Посланника нашего нѣшъ въ Дрез-
денѣ Онъ поѣхалъ въ Карлсбадъ.

Іюля 12.

Нынѣ поушру вошелъ я въ при-
дориую Кашолицкую церковь во вре-
ня обѣдни Огромность храма, гром-
кое и приятное пѣніе, сопровождае-
ное согласными звуками органа, благо-
говѣніе молящихся, къ небу воздѣвныя
руки Священниковъ — все сіе вмѣ-
стѣ произвело во мнѣ нѣкоторой вос-
хищительной прелесть Мнѣ казалось,
что я вступилъ въ міръ Ангельской,
и слышу гласы блаженныхъ Духовъ,
славословящихъ Неизреченнаго. Ноги
мои подогнулись, я спалъ на колѣни
и молился отъ всего сердца

Іюля 12, въ 10 часовъ
вечера.

Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ
у нашего молодого Священника, гдѣ
но-

познакомился еще съ Секретаремъ нашего Посольства — Опшуда пошелъ я одинъ прогуливаться за городъ, въ такъ называемой *большой садъ* Длинная аллея вывела меня на обширной зеленой лугъ. Тутъ на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Альба и цѣпь высокихъ холмовъ, простирающихся съ одной стороны вдоль по ея берегу, и покрытыхъ лѣскомъ, изъ за котораго выслаиваются кровли разсѣянныхъ домиковъ и шпицы башенъ. На правой сторонѣ видѣлъ я поля, обогатенныя плодами; вездѣ вокругъ меня расплалась пучная земля, цвѣтами испещренная. Вечернее солнце крошечными лучами своими освѣщало сю прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и — проливалъ слезы.

Любезная Природа, нѣжная мать наша! какими несказанными радостями питаешь ты сердца чадъ своихъ, когда онѣ къ тебѣ прибѣгаютъ, и въ объятіяхъ твоихъ ищутъ отрады!

Едва

Едва ли когда нибудь чувствовалъ я такъ живо, что мы созданы наслаждаться и бытьъ щасливыми; и едва ли когда нибудь былъ я такъ добръ въ сердцѣ своемъ, и такъ благодаренъ прошивъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Естли ничто не погибаетъ въ громадѣ творенія, то не погибли и слезы, которыя выкашились изъ глазъ моихъ на сѣчѣ луку — и нѣкогда въ книгѣ жизни моей вмоютъ онѣ нѣкоторыя черныя пятна.

А вы, цвѣщущіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвращаясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду воспоминашь прошедшее.

(Продолженіе будетъ впереди)

С М Ъ С Ъ

1. Между множествомъ анекдотовъ, рассказываемыхъ о Баспильи, слышалъ я и нижеслѣдующій, которон показался мнѣ примѣчанія достойнымъ, и котораго достовѣрность не

М

нед-

подвержена никакому сомнѣнiю Господинъ Н* и слуга его, заключенные въ сiю мрачную крѣпость и провождавшие медленные часы въ печальныхъ размышленiяхъ, часто слышали шумъ снизу въ каменной полѣ своей пещеры. Черезъ нѣкоторое время они примѣтили, что ударовъ было всегда двадцать четыре. Долго думали они что бы значила сiя регулярность. Наконецъ Господину Н* пришло на мысль, что во Французскомъ языкѣ двадцать четыре буквы, и что неизвѣстной хочешь, можетъ быть, имѣть съ нимъ сообщенiе, давая ему знать, чтобы онъ числомъ ударовъ означалъ всякую букву, какую ему надобно, напр. двумя ударами букву в (которая есть вторая въ алфавитѣ), тремя с, семью g, и такъ далѣе. Пользуясь сею мыслию, онъ потчасъ спросилъ *qui êtes vous?* (кто вы?), и получилъ въ отвѣтъ *vous m'avez deviné* (вы отгадали мою мысль). С того времени они всегда сообщали другъ другу свои горести, сколь ни

слу

скупченъ былъ сей способъ разгово-
ра. Наконецъ заключенной внизу далъ
знать заключенному вверху, что
жизнь стала ему несносна, и что онъ
рѣшился удавиться. Легко предска-
зать себѣ, съ какимъ мучительнымъ
нетерпѣниемъ дожидался Н* тюрем-
щика. Когда сей пришелъ, то онъ
просилъ его немедленно идти къ за-
ключенному внизу и спасти его, если
можно, отъ самоубійства. Тюрем-
щикъ тотчасъ пошелъ, но вмѣсто
того, чтобы возвратиться назадъ и
сказать Господину Н*, что сдѣлалось
съ его товарищемъ, прислалъ онъ
солдатъ перевести его съ слугою въ
другую темницу. Напрасно присту-
пали они оба къ симъ мрачнымъ спра-
шамъ, прося ихъ сказать только,
живъ ли несчастной ихъ сотоварищъ —
молчаніе было закономъ Бастили —

2 Не извѣстно, съ чего прошелъ
слухъ о женѣ покойнаго Руссо (ко-
торой Французское Национальное Со-
браніе не давно опредѣлило давать
пенсію, 1200 ливровъ въ годъ), будто

она скоро по смерти своего супруга вышла за мужъ за одного садовника. Мы почишаемъ за должность сказать, что сей слухъ совсѣмъ неосновательнъ. Прежде нежели опредѣлили ей пенсію, справлялись о ея поведеніи, и слышали отъ всѣхъ, что она ведетъ себя очень хорошо, и не только не думала никогда о новомъ замужествѣ, но всегда говорила и говоритъ, что имя *вдовы Руссовой* ей всего драгоценнѣе.

3. Въ прошедшемъ Январѣ въ Лондонѣ нашелся въ конюхахъ такой человекъ, котораго двѣнадцать лѣтъ искали душеприказчики одного Голландскаго Адмирала, и которой поѣхалъ теперь въ Амстердамъ взять въ свое владѣніе около 250000 руб.

4. Одинъ Англійской Журналистъ спрашиваетъ, для чего жены, которыя нынѣ такъ часто продаются и покупаются, не входятъ въ опись вмѣстѣ съ прочимъ имѣніемъ, когда мужа банкротами сказывающа? Другой Журналистъ отвѣчаетъ: „Для того, что
мно

многие бы захотѣли бышь банкрута-
ми, еспѣли бы можно было и опѣ
лены и опѣ кредиторовѣ вдругѣ из-
бавишься „ — Чипашель подивишься
остропѣ Англійскихѣ Журналистовѣ

5 Одинѣ Дворянинѣ въ Англии
не жалѣлѣ никакихѣ денегѣ, чтобы
собрать всѣ книги, сожженныя пала-
чами въ осьмомѣ-надесять вѣкѣ, и увѣ-
ряешѣ нынѣ, что онѣ имѣешѣ уже
полное собрание сихѣ книгѣ

6 Жители деревни Оксона, во
Франц - Коншѣ, озлобась на бывшаго
своего помѣщика, захотѣли опмспишь
ему, окружили его замокъ (въ копо-
ромѣ жила одна осьмидесятилѣтняя
Гж де Режкурѣ съ своею двѣнадцати-
лѣтнею племянницею, дѣвицею де Мон-
лезюнѣ) и готовились его зажечь Услы-
шавѣ о томѣ дѣвица де Пюзи, сестра
Депутата сего имени, живущая въ пол-
кичѣ опѣ Оксона, вооружаешся, са-
днтся на лошадь съ своимѣ садовни-
комѣ, и скачешѣ на помощь къ Гжѣ
де Режкурѣ Между шѣмѣ поселяне
огнали шесть человекѣ драгуиѣ,

высланныхъ прошивъ ихъ изъ горѣдка Везуля Дѣвица де Пюзи входятъ въ замокъ черезъ садъ, вооружаетъ пя перыхъ слугъ, всходитъ на стѣну террасы и старается уговорить бунтовщиковъ, которые между тѣмъ опѣивали ворота, однако жъ всѣ ея представления остаются безуспѣшны. Одинъ изъ поселянъ, выхватя изъ кармана пистолетъ, прикладывается по дѣвицѣ де Пюзи, но она успѣваетъ прежде прострѣлить его насвозь. Всѣ поселяне берутся за ружья. Неустрашимая де Пюзи велитъ своимъ людямъ сдѣлать выстрѣлъ на ерыхъ убиваютъ, и двухъ женщинъ ранятъ. Бунтовщики разбѣгаются, услышавъ оиъ Героини, что она сама выжжетъ ихъ селеніе, ешьли они зажгутъ замокъ бывшего ихъ господина, которой всегда оспалъ ихъ благодареніями. Въ то же время послала она вѣрнаго своего садовника въ Везуль требовать помощи. Когда пришла команда егерей и пишина совершенно возстановилась

внѣца де Пюзи поѣхала обратно до-
мой съ своимъ садовникомъ

М А Р І Я

*Отрывокъ изъ Стернова Путешествія
Переводъ съ Англійскаго.)*

Никогда еще до сего времени не
чувствовалъ я того зарѣшательства,
въ которое приводитъ изобиліе Бхапъ
черезъ Бурбоне, пріятнѣйшую часть
Франціи, во время собиранія вино-
града — когда Природа изливаетъ
богатство на чадъ своихъ — когда
всякое око съ благодарностіюзира-
етъ на небо — когда поселяне по
музыкѣ работаютъ, и въ весели
складываютъ зрѣлыя кисти — — Бо-
же мой! какая богатая матерія для
двадцати томовъ, если бы захо-
телъ я описывать все чувства моего
сердца, которое воспламенялось при
видѣ каждой ликующей толпы! Сколь-
ко приключеній на всякой милѣ! —
Но у меня осталось уже, къ несчастію,
немного бѣлыхъ страницъ, и полови-
ну оныхъ должна занять бѣдная Марія,

которую другъ мой Шанди видѣлъ
близь Мулеца

Исторія, рассказанная имъ о сей
помѣшанной дѣвушкѣ, не мало про-
нула меня въ чшени, и когда при-
близился я къ мѣсту ея жилища, то
она столь живо представилась душѣ
моей, что не могъ прощившись
желанію провѣдать объ ней, и пово-
ротилъ въ ту деревню, въ которой
жили ея родители, и до которой
отъ большой дороги было менѣе ми-
ли — Пусть назовутъ меня Рица-
ремъ *пегальнаго* образа, ищущимъ
меланхолическихъ приключеній, одна-
ко жь — не знаю, отъ чего — толь-
ко въ минуты горести бываю я все-
го болѣе увѣренъ въ существованіи
души моей

Старуха мать отворила дверь,
и по глазамъ ея узналъ я все то,
что она мнѣ послѣ словами сказала
Мужъ ея былъ уже на томъ свѣтѣ,
онъ умеръ за мѣсяцъ передъ тѣмъ
съ печали о своей дочери — Спе-
ва боялась я, сказала она, что
бѣд-

бѣдная Марія не лишилась опѣ этого
ва и послѣдняго разума, однакожь,
напротивъ того, это несчастіе при-
вело ее нѣсколько въ себя — только
она все еще не можетъ успокоиться
бѣдная — (тутъ слезы покапались
изъ глазъ ея) бѣдная вѣрно и теперь
бродитъ гдѣ нибудь кругомъ деревни

Опѣ чего пульсъ мой бьется
такъ помню, когда я пишу се² И
опѣ чего Ла Флеръ (*) — котораго
сердце, казалось, для одной радости
было создано — два раза упиралъ
глаза рукою, когда старуха говорила
съ нами^с — Я велѣлъ постилону
поворошить оляшъ на дорогу.

Не доѣзжая за цолми до Му-
лена — на узенькой пропинѣ, ве-
дущей опѣ дороги къ частому ку-
старнику — увидѣлъ я бѣдную Ма-
рию сидящую подѣ ивою. Облокотясь
одною рукою на колѣно, сидѣла она
подгорюнившись. У подошвы дерева
текъ маленькой ручеекъ.

М 5

Ве-

(*) Французъ, слуга Стерковъ.

Велѣвъ поспиллюну вхашь съ коляскою въ Мулень, а Ла Флеру заказашь въ пракирѣ ужинѣ, остався я на дорогѣ съ Марією. Она была въ бѣломѣ плашьѣ, и почти точно такъ, какъ мой прятель описалъ ее, кромѣ того, что волосы ея, подобранные тогда въ шелковую сѣточку, были уже совсѣмъ распущены. Черезъ плечо висѣла у нее ленточка блѣднозеленаго цвѣта, на кошорой повѣшена была ея свирѣль. вмѣсто козочки — кошорая измѣнила ей такъ же, какъ и любовникъ — была у нее маленькая собачка, привязанная веревочкою къ ея поясу, и когда я взянуулъ на нее, она потянула ее къ себѣ и сказала „Ты не покинешь меня, Сильвио!“, Я посмотрѣлъ Маріи въ глаза, и увидѣлъ, что она думала болѣе объ отцѣ своемѣ, нежели о любовникѣ и неверной своей козочкѣ; пошому что въ сию минушу капились слезы изъ глазъ ея.

Я сѣлъ подлѣ нее, и Марія не волила мнѣ отереть слезы ея платкомѣ

домъ моимъ По томъ я свои обшеръ
— по томъ опяшь ея — по томъ
свои, и въ сіе время сердце мое на-
полнилось такими чувствами, кото-
рыя конечно не могли произойти
только отъ нѣкотораго соединенія
матеріи съ движеніемъ

У меня точно есть душа, и ни-
какой Материалистъ не увѣритъ ме-
ня въ противномъ

Когда Марія пришла немного въ
себя, я спросилъ ее, не помнитъ ли
она одного блѣднаго, сухощаваго чело-
вѣка, которой за два года передъ
шѣмъ сидѣлъ между ею и маленькою
ея козочкою? Она отвѣчала, что ду-
ша ея была тогда въ великомъ без-
порядкѣ, но что она помнитъ его
по двумъ обстоятельствомъ первое
по тому, что этотъ чловѣкъ, ка-
залось, сердечно жалѣлъ объ ней, а
второе по тому, что ея козочка
украда у него плашокъ, и что она
била ее за сію кражу. „Я вымыла его
въ ручейкѣ, продолжала она, и съ
того времени держу его всегда въ
кар-

карманѣ, чтобы опудить хозяину, ешьли когда нибудь его увижу, а онѣ, кажется, обѣщаль въ другой разѣ пріѣхать ко мнѣ., Сказавъ сіе, вынула она платокъ изъ кармана, чтобы показать его мнѣ Онѣ завернутъ былъ очень порядочно въ виноградные листья, обвитые винограднымъ стебелькомъ Развернувъ его, увидѣлъ я на концѣ букву S.

Марія рассказала мнѣ, что послѣ того была она въ Римѣ, обошла разѣ вокругъ церкви Св Петра, и возвратилась назадъ, что она одна пробралась черезъ Аппенинскія горы, безъ денегъ прошла черезъ всю Ломбардію, и безъ башмаковъ шла по каменистымъ дорогамъ Савои „Какъ все это я перенесла, примолвила она, не могу вонять, но Господь небесной укрощаетъ въпрѣ для стриженнаго агнца,,

Беззащитнаго, слабаго агнца! сказалъ я — и ешьли бы ты была въ моемъ отечествѣ, гдѣ у меня ешьли жина, то я взялъ бы и укрылъ тебя

бя въ ней, ты ѣла бы одинъ хлѣбъ со мною, и пила бы изъ собственной моей чаши, я нѣжилъ бы своего Сильвѣя, во всѣхъ припадкахъ, во всѣхъ твоихъ странствіяхъ ходилъ бы я за тобою и приводилъ тебя назадъ въ хижину нашу, по захожденіи солнечномъ возсылалъ бы къ Богу свою молитву, и по томъ просилъ бы тебя играть на свирѣли вечернюю пѣсню твою — курение жертвы моея, восходя на небеса вмѣстѣ съ еиміамомъ сокрушеннаго сердца, удостоилось бы благоволенія Всевышняго

Вся внутренность моя была въ движеніи, когда я произносилъ сіи слова Марія, видя, что плапокъ мой, который вынулъ я изъ кармана, былъ уже очень мокръ, непременно хотѣла вымыть его въ ручейкѣ. А мѣ же ты высушишь его, Марія? сказалъ я. Я высушу его на сердцѣ своемъ, отвѣчала она мнѣ отъ этого будетъ лучше — Развѣ сердце твое все еще горячо, Марія? спросилъ я.

Симъ

Симъ вопросомъ пронуль я струну всѣхъ ея горестей Она смотрѣла на меня нѣсколько времени съ замѣшательствомъ, но томъ, не сказавъ ни слова, взяла свою свирѣль и заиграла вечернюю пѣснь Богоматери — Струна, мною пронутая, переспала наконецъ пренепать, черезъ минушу, или черезъ двѣ, Марія првшла въ себя, бросила свою свирѣль и встала

Куда ты идешь, Марія? спросилъ я Въ Мулень, отвѣчала она. Пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ я Марія подала мнѣ руку, и опустила веревочку, чтобы собачка могла свободно бѣжать за нами — Такимъ образомъ вошли мы въ Мулень

Хотя я и не люблю никакихъ публичныхъ изъявленій дружества однако жь на рынкѣ въ Мулень оспановился, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на Марию, и навсегда проститься съ нею

Марія была хотя не высокаго росту, однако жь очень стройн

тѣсть напечатлѣла на лицѣ ея нѣчто
небесное. Она все еще была нѣжна
— и все, чего сердце мое желаетъ,
и чего глаза мои ищутъ въ женщинѣ,
все то видѣлъ я въ Маріи. Ахъ!
если бы душа ея когда нибудь могла
исцѣлиться, и если бы въ моей ду-
шѣ когда нибудь загладились черны
любезной Элизы: то она не только
была хлѣбъ мой и пила изъ одной
чашы со мною, но и покоилась бы въ
моихъ объятіяхъ — Марія была бы
мнѣ дочерью.

Прости, бѣдная, несчастная Ма-
рiя! Да облегчай скорбь твою елей
и вино, излчваемыя сожалѣніемъ стран-
ника на раны твои! Тотъ, Кто два-
жды поразилъ тебя, можетъ одинъ
исцѣлить оныя навсегда.

Я думалъ веселиться въ путеше-
шествіи своемъ по симъ прекраснымъ
мѣстамъ и въ сіе прекрасное время;
но сердце мое, вкусивъ горестъ, не
могло уже радоваться. Во всякой
картинѣ праздника видѣлъ я передъ
ю Марію, печально сидящую подъ
мною

ивою, и почти до самаго Ліона сей образъ горести былъ живъ въ душѣ моей.

Любезная чувствительность, неисощимый источникъ живѣйшихъ удовольствій и горестей нашихъ! ты обременяешь цѣнами своего мученика на соломенномъ одрѣ его, ты же и на небеса его возносишь. Вѣчная причина нашихъ чувствованій! *твое божество движется въ моемъ сердцѣ* (*) — не въ тѣ печальныя, болѣзненныя ми зупы, *когда душа моя содрогается и трепещетъ разрушенія* (пышныя, пышныя слова!) — но тогда, когда чувствую благородныя радости и печали, возвышающія душу мою. Все происходитъ отъ тебя, великая душа міра! Ты чувствуешь, когда волосъ съ головы нашей падетъ на землю въ отдаленнѣйшей пустынѣ твоего творенія! Тобою побуждаемый, дражайши Евгений отдергиваетъ за на-

(*) Подчеркнутыя слова взяты Авторсмъ изъ Кашена, Аддиссоновой Трагедіи. — К.

навѣсѣ у моей постели, когда я въ болѣзни шомлюся, слушаешѣ испорцію чохъ припадковъ, и жалуется на погоду, производящую безпорядокъ въ его нервахъ. Ты смягчаешь сердце са- наго грубаго пастуха, на самыхъ хладныхъ горахъ живущаго. Онъ на- ходитѣ расперзаннаго агнца изъ чу- жаго стада — и въ сію минуту вижу я его печально опирающагося на свой посохъ, и съ жалоснію смотрящаго на бѣдную шварь *Ахъ, если бы пришелъ я сюда попрежде!* Онъ кровью исходитѣ Собственное сердце его кровію обливается

Миръ тебѣ, пастухъ велико- душной! Ты идешь съ горестію отъ сего мѣста, но радости твоя ожи- даютѣ; ибо щастлива твоя хижина — щастлива подруга твоя — и ща- стливы агнцы, вокругъ тебя прыга- ющіе!

ПРОДОЛЖЕНІЕ ВЕЧЕРОВЪ

Теперь ваша очередь, сударыня! сказалъ Ормесанъ Ахъ, дядюшка! отвѣчала Юлія: братецъ такъ распроголъ меня своимъ сердечнымъ краснорѣчіемъ, что я никакъ говорить не могу. Пожалуйста заспушите мое мѣсто, и дайте мнѣ время собраться съ духомъ. — Если вамъ угодно, сударыня, сказалъ Ормесанъ. — И такъ этотъ щасливой день, продолжалъ онъ, присвоиваетъ Дервисъ себѣ одному? Хорошо, я вспомнилъ теперь другой день, собственно для меня благополучной, которымъ я также ему обязанъ

Дервисъ вступилъ уже въ должность, и готовился въ первой разговаривать судъ въ важномъ дѣлѣ, а именно, въ тяжбѣ вдовы и дѣшей Господина Клозада — —, Клозада перебралъ Баронъ Бризакъ: я зналъ его. Всѣ отдавали справедливость его достоинствамъ, а особливо храбрости, которую оказалъ онъ во многихъ случаяхъ. Правда, что Фортуна была

могъ разсуждать свободно, сообразно съ совѣстію и разумомъ своимъ; однако жь съ нѣкоторымъ безнокоисствомъ примѣчалъ я, что происходило вокругъ его и въ немъ самомъ

Къ нему со всѣхъ сторонъ приступали просители, но только не за вдову Она пришла одна къ своему Судьѣ, и онъ принялъ ее довольно худо — „Я, бапюшка“ — Ее заславили дожидаться съ четверть часа въ передней комнатѣ Признаюсь тебѣ, что я съ досадою сипшалъ минуты Изъяснение было также очень коротко — — „Однако жь я хорошо ее выслушалъ“ — По томъ ты проводилъ ее съ такимъ важнымъ и холоднымъ видомъ, чтобы я въ состояніи былъ прибить тебѣ

Послѣ пришелъ стряпчинъ Гжи В Онъ могъ говорить, сколько ему хотѣлось Девисъ слушалъ его по крайней мѣрѣ съ часъ, а бѣдную вдову только четверть часа — „Да въль вы знаете, бапюшка, что на правду не много словъ надобно“ — Послѣ

шова Орашора прїѣхалъ важной Премашъ, размѣренными шагами взошелъ на лѣсницу, и слуга побѣжалъ доложить о его прїѣздѣ; ты шопчасъ вышелъ принять его, онъ бросился на кресла — и я, со вниманіемъ смотря на него изъ своего кабинета, видѣлъ ясно по его шлодвиженіямъ и виду, что онъ приказывалъ тебѣ предложить дѣло, какъ ему хопѣлось — „Ахъ, нѣпѣ! онъ не болѣе двухъ словъ сказаъ мнѣ обо всемъ процесѣ, кошорой, по его мнѣнію, не подверженъ былъ никакому сомнѣнію Но за то уже оіень долго говорилъ о себѣ, обо мнѣ, о васѣ, бапюшка — хвалился своею силою при Дворѣ, и властію раздавать чины и мѣста — и сказывалъ мнѣ, что онъ Членъ шаинаго Совѣта, и пользуется неограниченною довѣренностію Министра. Человѣку моей фамили, говорилъ онъ, стыдно будетъ провесши всю свою молодость въ неважномъ званіи Адвоката, и состарѣться въ пыли приказныхъ дѣлъ Въ Совѣтѣ надле-

жало мнѣ, по его мнѣнью, оказать свои таланты, а отъ Совѣта до Министерства оставался мнѣ — одинъ шагъ. Больше всего увѣщавалъ онъ меня не подражать моему батюшкѣ, который, имѣя случай все получить, не хотѣлъ ничего. Двадцать разъ, сказалъ онъ, голосъ Публики назначалъ ему самыя важныя мѣста Дворцоваго же хотѣлъ, но онъ отъ всего отказывался. *Пожалуйте, государь мол, не будьте таковы, и надѣйтесь, что у васъ найдутся сильные друзья,* — Я напередъ зналъ, что въ этотъ день назовется кто нибудь тебѣ въ покровители, и теперь понимаю, почему ты провожалъ Прелата съ такимъ смиреннымъ и признательнымъ видомъ — „Надобно было, батюшка, поблагодарить его за тѣ чины, которыми онъ по своему великодушью наградилъ меня „

Человѣкъ въ лентѣ, которой послѣ него прѣхалъ, конечно утвердилъ тебя въ щастливыхъ твоихъ надеждахъ — „О! нѣтъ, батюшка, онъ поль-

шолько предспавилъ мнѣ всю опасность моего положенія. Всѣ согласны, говорилъ онъ, во мнѣніи о дѣлѣ Гжи В* Она такой фамилии, которая не можетъ завести несправедливой тяжбы. Дѣло рѣшено и въ городѣ и при Дворѣ, и доброе мое имя зависитъ единственно отъ того, какъ я предложу его Судьямъ. И такъ вы видите, сказалъ онъ, что я съ вами говорю не такъ какъ проситель, а такъ какъ старинной другъ дому вашего, желая, чтобы въ свѣтѣ хорошо объ васъ думали, чего вы въ самомъ дѣлѣ достойны.,,

Прекрасное наставленіе! сказалъ съ усмѣшкою Ормесанъ за то онъ и простился съ тобою очень гордо. Такимъ образомъ приготовили себя къ приѣзду Гжи. В*, которая пошчасъ и явилась во всемъ блескѣ красоты и пышности своей. Съ какимъ торжествующимъ видомъ вошла она къ Судьѣ! — „Судьѣ! она захохотала, произнеся это имя. И такъ вышопъ важной Королевской Адвокатъ, сказала она мнѣ, которая мадобно

Н 4 про-

просить о дѣлѣ? Справную привиле-
гию имѣете вы, господа приказные,
и кто не имѣлъ тяжбы, тому не
льзя понять, какимъ образомъ женщи-
на моя лѣтъ и моего состоянія
можетъ прѣхать коутру къ моло-
дому и — милойному мужику —
Милоспивая государыня! отвѣчалъ я,
закраснѣвшись и потупя глаза въ зем-
лю прозбы казались мнѣ всегда без-
полезными, иногда затруднительными,
а иногда и опасными. Я никогда не
могъ понять, чего требуютъ отъ
Суди естли вниманія, то это ему
обидно, а еще бы обиднѣе для него
было, естли бы проситель хотѣлъ
его задобрить. Строгое правосудіе
есть должность его, и ему будетъ
также очень оскорбительно, когда
придушѣ просить его объ исполненіи
того, къ чему совѣсть и законъ его
обязываютъ. — Вы правду говорите,
отвѣчала она, и не думайте, чтобъ
я прѣехала просить васъ о скучномъ
дѣлѣ. Мнѣ сказывали, что вы чело-
вѣкъ любезной, умной и прятной
(про-

(простите, что я повторяю эту
лесть) Я хотѣла узнать васъ, и
сказашъ вамъ, что человѣкъ съ ваши-
ми достоинствами долженъ славиться
въ свѣтѣ не знаніемъ приказныхъ
дѣлъ, а чѣмъ никуда лучшимъ. Те-
перь вамъ уже надобно окончить мое
дѣло, потому что вы вѣли за не-
го; да только послѣ эпизода оставше-
ся важную свою должность. Васъ ожи-
даютъ въ судилищѣ вкуса, приято-
стей и удовольствій, гдѣ вы конечно
никогда не проиграете своего про-
цесса. Но мнѣ съѣзжаются ужинать
самыя лучшія люди въ городъ, и са-
мыя прекраснѣйшія женщины. Я на-
дѣюсь, что по окончаніи моей тяжбы
вы, господинъ Адвокатъ, ко мнѣ по-
жалуете, о чемъ покорно васъ прошу.
Теперь желаю вамъ всѣхъ благъ, увѣ-
ряя васъ въ моемъ глубокомъ почте-
ніи къ вашему званію и къ вашимъ
дѣламъ. — Такимъ образомъ она отъ
меня ушла, а я заперся въ своемъ
спѣ, подумать хорошенько о

дѣлъ, которое мнѣ на другой день надлежало предложить суду „

Что принадлежитъ до меня, продолжалъ Ормесанъ, то я, видя ее вышедшую отъ себя съ самымъ веселымъ и довольнымъ видомъ, чувствовалъ какое-то мучительное безпокойство, за которое ты конечно бы не поблагодарилъ меня. За обѣдомъ былъ ты задумчивъ — — „Я былъ занятъ. „ — Конечно, да только мнѣ не извѣстно было, чѣмъ. Когда зашла рѣчь о тѣхъ людяхъ, которыхъ у тебя поутру были, ты отвѣчалъ мнѣ холодно и коротко, и при томъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ; послѣ чего я замолчалъ, а ты ушелъ въ свою комнату. Теперь признаюсь тебѣ, что во весь тотъ вечеръ чувствовалъ я волнение въ крови, а ночью лихорадку. Я воображалъ себѣ бѣдную вдову, которая съ робостію стояла передъ своимъ Судьею, и не умѣла, или не смѣла говорить, и которую отправилъ ты черезъ четверть

вертъ часа ; а по томъ жестокое мое
воображеніе представляло мнѣ красно-
рѣчиваго стряпчаго, важнаго Прела-
та, голубую ленгу, а особливо бле-
стящую красоту Маркизы, ея благо-
родную и легкую поступь, Діанинъ
спанъ, Венеринъ взглядъ (когда ей
угодно было укротить, или смяг-
чить гордость его), восхищительной
голосъ, волшебной языкъ, и всѣ жи-
просни кокетства подъ видомъ важ-
ности и благородства — однимъ сло-
вомъ, все, что можетъ прельстить
и ослѣпить молодого человѣка. Я
проклиналъ всѣ прозбы, которыя
ввело въ обычай щеславіе Судей Го-
лова моя была наполнена мрачными
предчувствіями, и во всю ночь у ме-
ня глазъ съ глазомъ не сходился Съ
препетомъ видѣлъ я себя идущаго
для исполненія опасной своей должно-
сти. Я укорялъ себя несправедливо-
стію, представлялъ себѣ характеръ
свой, правила свои, — и тысячу
разъ твердилъ самъ себѣ, что сынъ
мой удобенъ ни къ какой подлости.
Серд-

Сердце мое вступалось за тебя, и ручалось мнѣ за искренность и правоту твоего сердца, однако жь соблазнѣ, заблужденіе, неопытность мѣшѣ твоихъ, несчастное предубѣжденіе — все это могло ослѣпить твой разумъ. Для чего по крайней мѣрѣ на этотъ разъ не хотѣлъ я проникнуть въ твои мысли, быть твоимъ повѣреннымъ и слышать твои разсужденія? Я бы могъ быть тебѣ полезенъ своимъ совѣтомъ, не отнимая у тебя свободы во мнѣніи; могъ бы открыть тебѣ истину, не вмѣшиваясь въ права Судьи. Съ часъ мучился я подобными мыслями, и наконецъ, не могши долѣе сносить безпокойства своего, надѣлъ на себя простую, широкую кафтанѣ, налучилъ себѣ на глаза дорожную свою шляпу, и взявъ въ руки трость, пошелъ въ Шашлетъ (*) и продрался въ залу, въ кошорон тебѣ говоришь надлежало, и кошорон была исполнена народомъ

Пер-

(*) Имя суда.

Первая часть твоей рѣчи при-
меня въ уласѣ. Ты представлялъ
Гжи. Вѣ въ видѣ справедливости
такимъ искусствомъ, и предла-
жалъ такіе правдоподобные доводы,
я всякую минуту говорилъ самъ
себѣ: Я пропалъ, сынъ мой уже не
поиниъ меня. Наконецъ надежда
шла въ душѣ моей, когда ты про-
велъ доводовъ Гжи. В представилъ
два вдовы, и шумъ, какъ будто бы
озъ густыя облака, блеснули нѣ-
которые лучи истины. Мало по малу
облака разсѣялись, и справедливость
стала ясно. Ты неоспоримо дока-
залъ волю звѣщающаго, которая оста-
лась въ своей силѣ не смотря на
то, что въ духовной не соблюдено
то строгое формы, ты предста-
вилъ ясно, сколь всѣ такія прицѣпки
чужды духу закона, которой не
пришлѣ никакихъ коварныхъ хитро-
стей, и котораго душа есть просто-
е, истина и справедливость, ты
такою живостію описалъ состоя-
вдовы и дѣпен молодого и хра-
браго

браго Офицера, умершаго за отечество, и сравнивая ихъ бѣдность съ богатствомъ и всѣми преимуществами фамили В*, ты съ такимъ красно-рѣчіемъ представилъ священныя права несчастія и слабости, что единодуш-ной голосъ собранія произнесъ судей-ское рѣшеніе. Больше я ничего не слыжалъ, упавъ отъ радости въ обмо-рокъ. Меня кто-то узналъ; па-дая слышалъ я, что вокругъ меня говорили. *это отецъ его.* Меня вы-несли въ другую комнату. Въ тво-ихъ объятіяхъ пришелъ я въ чувство. Не знаю, кто бы могъ быть щастли-вѣе меня въ ту минуу; я чуть не умеръ отъ радости. Правда, что такая смерть была бы самою блажен-ною смертію.

Марконтель.

ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ

I.

Memoires de Goldoni, pour servir
histoire de sa vie & à celle de son
eatre. 3 vol. à Paris. То есть:
*Голдониевы записки, заключающія въ
исторію его жизни и Театра.*

Книга весьма занимательная. Са-
малѣйшія обстоятельства умѣетъ
Голдони описывать пріятнѣйшимъ об-
разомъ. Во всѣхъ повѣствованіяхъ его
на нѣкоторая безпристрастность
прямодушіе, которое заставляетъ
и его. Хотя онъ, пользуясь
свое время благосклонностію своей
публики, и долженъ былъ чувствовать
свое достоинство, однако жъ отъ се-
бя чувства онъ не сдѣлался эгоистомъ,
рассказываетъ слабости и проступ-
ки свои съ любезною откровенностію
и не удивляясь его творче-
ской плодовитости, скорости, съ
которою онъ сочинялъ — правда,
иногда и не такъ чтобы хорошо! —
труднымъ обязательствамъ, въ ко-
нцѣ

порья онъ ходилъ Во время авторской жизни своей сочинилъ онъ двѣсти театральныхъ пьесъ!!! Описание того, какъ онъ сочинялъ, и что подавало ему поводъ къ сочиненію пьесъ, можешъ бышь отъи полезно для новаго театральнаго Артиста Часные переѣзды изъ города въ городъ, а особливо пребываніе его въ Парижъ, гдѣ онъ живешъ уже двадцать семь лѣтъ, приятнымъ образомъ перемѣняютъ сцену дѣйствія, и часто оповѣдаютъ читателя отъ Героя новѣсти и обращаютъ его вниманіе на другіе предметы Жизнь его во Франціи составляетъ содержаніе всего прешьяго тома. Слава Комедіи *Благодѣтельной грубичи*, сочиненной имъ на Французскомъ языкѣ, была ему приятнѣе всѣхъ похвалъ, которыми осыпали его царованія въ Италіи

II.

Romantische Gemälde der Vorwelt.
1789. 25 Bog. in 8. То есть :
*романтическія картины предшедшихъ
временъ*

Содержаніе книги соепавляютъ
четыре повѣсти . 1) *Бернгардъ и
енрихъ* 2) *Бернгардова смерть*, 3)
Гажъ Конрадъ , 4) *Базина или бѣгъ
Королева* Конечно всякой чита-
ель будетъ благодаренъ Автору.
нѣ умѣетъ протать наше сердце;
нѣетъ наполнять его горестными
сладостными чувствами , и мы не
жемъ отказать Автору ни въ сле-
хъ , ни въ улыбкѣ Слогъ его очень
рошъ , кромѣ нѣкоторыхъ прошив-
хъ словъ , въ которыя онъ кажеш-
влюбленъ , по примѣру нашихъ луч-
хъ писателей въ семъ родѣ , кото-
те отъ времени до времени перерыва-
нѣ гниль нашего языка , и съ великимъ
оржесствомъ вышаскиваютъ опшуда
анья брошенныя слова , давно уже
нѣненныя гораздо лучшими и равно
аньными (Однако жь есть очень хо-
О ро-

рошія старыя слова, которыя надобно ввести въ употребленіе) — Больше всѣхъ полюбилась намъ первая повѣсть. Вторая также очень хороша, но могла бы быть не много короче, и для лучшаго соблюденія единства, надлежало бы выпустить нѣкоторыя мѣста. Въ *смирти Бернгардовой* много прекраснаго, но и шутъ можно бы было иное сократить. *Талина* не окончана, и пошому надобно ожидать продолженія — Фрошписисъ и виньетъ, рисованные Шубаршомъ, а вырѣзанные Миллеромъ, достойны похвалы. Первой представляеть Эмму, подающую вѣнокъ своему любезному Конраду, а второй Королеву Базину на побѣгъ въ лѣсу, когда въ страшную грозу оставляють се провожаемые — Самое приписаніе сей книги прекрасно въ своемъ родѣ. (*Изъ Нѣмецкой Библіотекки.*)

III

2. Miscellaneous Pieces in prose and verse by the Rev. Dr. Jonathan Swift
То есть. *Разныя пьесы Доктора Свиф-*

Свифта въ прозѣ и въ стихахъ —
И въ сихъ мѣлкихъ сочиненіяхъ, изъ
копрыхъ еще ни одно напечатано
не было, виденъ философической
духъ и остроуміе извѣстнаго Свиф-
та, перваго Англійскаго Сапирика.
Кто имѣетъ полное собраніе его со-
чиненій, изданное Шериданомъ, тотъ
конечно захочетъ имѣть и сію книгу,
служащую прибавленіемъ къ оному.

О РУСКИХЪ КНИГАХЪ

*Генриада, Героическая Поэма
Господина Вольтера, переведенная съ
Французскаго языка стихами Москва,
въ Университетской Типографіи у В.
Олорокова 1791 года.*

Генриада естъ одна изъ шѣхъ
Поэмъ, копрыхъ главное достоин-
ство состоитъ не въ великихъ новыхъ
мысляхъ, — не въ живыхъ, съ самой
натуры взятыхъ образахъ, — но въ
красотѣ стиховъ. Тамъ труднѣе пере-
водить ее. Здѣсь надобно не только
выразить мысли Поэтовъ, но и вы-
разить ихъ съ такою же точностію, съ

такою же чистотою и приятностію, какъ въ подлинникѣ; иначе Поэма потеряешь почти всю свою цѣну. Но какія препятствія надобно преодолѣть переводчику! Кромѣ нѣкоторой негибкости нашего языка, мѣра и ритма составляютъ такую трудность, которую едва ли бы и самъ Вольтеръ, переродясь въ Русскаго, преодолѣть могъ. Однимъ словомъ, легче (по моему мнѣнію) сочинить на Рускомъ языкѣ Эпическую Поэму въ двадцать пѣсней, нежели перевести хорошо десять пѣсней Генриады.

Второй переводъ сей Поэмы (такъ же какъ и первой, вышедши за нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ Петербургѣ) ни мало не опровергаетъ моего мнѣнія. Читатель позволишь мнѣ привести нѣкоторыя мѣста изъ онаго и сравнить ихъ съ подлинникомъ — Вольтеръ предлагаетъ содержание своей Поэмы въ слѣдующихъ шести стихахъ

Je chante ce Héros, qui regna sur la France
Et par droit de conquête, & par droit de naissance,
Qui par de longs malheurs apprit à gouverner,
Calma les factions, sut vaincre & pardonner,

Confondit & Mayenne, & la Ligue, & l' Ibère,
Et fut de ses sujets le vainqueur & le père.

Въ переводѣ

Пою Героя, кто разрушивши коварство,
Оружьемъ досталъ Французско государство;
Кто долго странствуя межъ сспрошивныхъ силъ,
Насаждіе свое чрезъ храбрость получилъ,
Влхъ возмутителей Испанцевъ былъ гонитель,
Сталъ подданныхъ своихъ отецъ и покровитель.

Число стиховъ то же; но есть ли въ переводѣ гладкость, опредѣленность, пріятность, сила оригинала? — Въ первомъ полуспишии, вмѣсто *кто*, надлежало бы по Грамматикѣ употребить возносительное мѣстоименіе *котороу*. — Откуда зашло въ первой стихъ *коварство*? Въ оригиналѣ его нѣтъ *Да* и можно ли *разрѣшить коварство*? — Второй стихъ таковъ, что иной не захочетъ уже и читать далѣе. *До* *стать Французско государство*! Къ тому же здѣсь не выражено того, что Французская корона принадлежала Генрику и по праву наследственности — Подъ *сопротивными* *силами* не лзя разумѣть ничего иного, кромѣ неприятельскихъ войскъ, и такъ Генрикъ

долго странствовалъ между непріятельскими войсками? Но Вольтеръ и не думалъ сказать сего *Мощастія*, говоритъ онъ, *научили его царствовать*. Сеи стихъ прекрасенъ въ оригиналѣ, и читатель узнаетъ изъ него, что Генрикъ былъ доброй Царь — Въ четвертомъ стихѣ Г Переводчикъ вздумалъ выразить пропущенное имъ во второмъ, т. е. что Генрикъ былъ наследникъ Французской короны, но для сего онъ долженъ былъ пропустить весь четвертой стихъ оригинала, гдѣ сказано въ похвалу Короля, что онъ умѣлъ *побѣждать и прощать*. *Confondit* значитъ *постыдилъ*, а не *гналъ* съ чего же въ пятомъ стихѣ перевода названъ Генрикъ гонителемъ, и при томъ Гишпанцевъ? Сего не узнаешь и тогда, когда всю Поэму прочтешь — Въ шестомъ стихѣ не выражено того, что Король *побѣдилъ* своихъ подданныхъ, и *по той* спалъ ихъ опцемъ. *Докровитель* есть здѣсь ничто иное, какъ *подстави* е слово (или, какъ Нѣмцы говорятъ, *Zickwort*)

не

не сообщающее никакой новой идеи
послѣ отца

Поэтъ обращается къ истинѣ въ
сихъ прекрасныхъ стихахъ

Descends du haut des cieux, auguste vérité,
Répands lui mes écrits ta force & ta clarté.
Que l'oreille des Rois s'accoutume à t'entendre.
C'est à toi d'annoncer ce qu'ils doivent apprendre;
C'est à toi de montrer aux yeux des nations
Les coupables effets de leurs divisions
De, comment la discorde a troublé nos provinces;
De les malheurs du peuple & les fautes des Princes;
Vien, parle — et s'il est vrai que la fable autrefois
Sut a tes fiers accents mêler sa douce voix,
Si sa main délicate orna ta tête altière
Si son ombre embellit les traits de ta lumière,
Avec moi sur tes pas permets-lui de marcher,
Pour omer tes attraits, & non pour les cacher.

Господинъ Переводчикъ перевелъ
ихъ такъ

Незыблемой красой своихъ недешевыхъ словъ
Возвысь, о истина! всю цѣну сихъ стиховъ,
Чтобъ служъ и мысль Царей внимать тебя обили,
Тебя злосць испребляшь, въ чемъ столь они на-
выкли;
Тебя являть уму, и представлять предъ взоръ
Повинны слѣдствія раздоровъ ихъ и ссоръ!
Повѣждь намъ, какъ вражда народъ ввела въ
смятенье,
Въ страданіе гражданъ, бояръ въ нелюбимье.
Ахъ! приступи вѣщай — и естли прежде баснь
Мѣшала въ рѣчь твою свой слогъ, свою пріязнь;
Когда

Когда ты съ ней сердца взаимно обольщая,
Кольпѣнь ея твоей свѣтѣ лишь вяуще освѣщала
Позволь со мною ей пристать нѣ твоимъ стопамъ,
Чтобъ свѣтъ твой просвѣтитъ, дасть новый
блескъ лучамъ.

То ли это² спрашиваю я у всѣхъ
знающихъ Французской языкъ Какая
сила, какая красота въ оригиналѣ¹ и
что же вышло въ переводѣ²

Поэтъ начинаетъ повѣствовать:

*Valois regnait encor, et ses mains incertaines
De l'Etat ébranlé laissaient flotter les rêles.*

Господинъ Переводчикъ перевелъ

Еще жилъ Валуа, и слабыя десницы
Съ трудомъ могли держать колеблющи границы.

Всѣ твердятъ сей прекрасной Вольте-
ровъ стихъ

Tel brille au second rang, qui s'éclipse au premier.

Господинъ Переводчикъ перевелъ его

Духъ у него бодръ, но неразуменъ судъ.

Вольтеръ предлагаетъ систему
мира, и (сообразно съ Невтоновымъ
уче-

учениемъ) описываетъ законы , по
которымъ движущаяся шѣла небесныя

Dans le centre éclatant de ces orbes immenses ,
Qui n'ont pû nous cacher leur marche et leurs distances ,
Luit cet astre du jour , par Dieu-même allumé ,
Qui tourne autour de soi sur son axe enflammé .
De lui partent sans fin des torrens de lumière ;
Il donne en le montrant la vie à la matière ,
Et dispense les jours , les saisons & les ans ,
A des mondes divers autour de lui flottans .
Ces astres asservis à la lois qui les presse ,
S'attirent dans leur course & s'évitent sans cesse ,
Et servant l'un a l'autre & de règle & d'appui ,
Se prêtent les clartés qu'ils recoivent de lui .
Au-delà de leurs cours & loin dans cet espace ,
Où la matière nage & que Dieu seul embrasse ,
Sont des soleils sans nombre . & des mondes sans fin .
Dans cet abime immense il leur ouvre un chemin .
Par delà tous ces cieux le Dieu des cieux réside .

Г Переводчикъ перевелъ .

Во средоточіи сего обширна міра ,
Гдѣ зрится бѣгъ планетъ въ безвѣстности эира ,
Блещитъ свѣтильникъ дня далече водъ росы ,
Вертящійся своей вокругъ пламенной оси .
Онъ огненный ручей на землю изливаетъ ,
Природу цѣлую собою оживляетъ ,
И есть не ложный знакъ дней , мѣсяцевъ , годовъ ,
Путь продолжающихъ во глубинѣ мировъ .
Въ пространствѣ воздуха си текутъ свѣтилы
По припязанію его великой силы ;
Своею жь силой мя отвлечься прочь канъ въ шрѣ ,
Свершаютъ кругъ большой , кому есть солнце
центрѣ .

СОДЕРЖАНІЕ.

Весна	-	-	-	109
Плачь супруги	-	-	-	110
Спихи Господину * * *	-	-	-	113
Спихи Ея Сіяпельству Княжнѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Голицыной	-	-	-	115
Каршонѣ	-	-	-	—
Письма Руск. Путешественника	-	-	-	147
Смѣсь	-	-	-	173
Марія	-	-	-	179
Продолженіе Мармонтелевыхъ вече- ровъ	-	-	-	190
О иностранныхъ книгахъ	-	-	-	203
О Рускихъ книгахъ	-	-	-	207

ИЗВѢСТІЕ

*Имена Особѣ, благоволившихъ въ
прошедшемъ мѣсяцѣ подписаться на
Московской Журналѣ, будутъ при-
печатаны въ послѣдней книжкѣ сей
Части.*

МОСКОВСКОЙ ЖУРНАЛЪ.

Часть вторая. Книжка претія.

Мѣсяцъ Іюнь.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ (*).

Въ чьихъ жилахъ льется кровь Героевъ;
Кто сердцемъ мужъ, кто духомъ Россѣ:
Тотъ презри нѣгу, роскошь, праз-
дность,
Забавы, радость слабыхъ душъ!

* * *

Гуда, гдѣ знамя брани вѣетъ —
Гуда, гдѣ громъ войны гремитъ —
Гдѣ воздухъ стонетъ, солнце меркнетъ,
Вемля дымится и дрожитъ;

* * *

Гдѣ Жизнь блѣднѣетъ и прелещется;
Гдѣ злобы, кляпвы, ада дщерь, —
Гдѣ Смерть съ улыбкой пожираетъ
Всѣхъ жершвъ, и кровь ихъ жадно пьетъ!

* * *

Р

Туда

) Сочинена при началѣ Шведской войны.

Туда спѣши, о сынъ Россіи!
Разишь безчисленныхъ враговъ!
Какъ столпъ огня, палящій нивы,
Теки, стремись по ихъ рядамъ!

* * *

Перуномъ будь, и стрѣлы грома
Бросай на нихъ и всѣхъ губи!
Да въ бурѣ гнѣва гласъ промчится
Умри, умри Россіи врагъ!

* * *

Губи! -- Когда же врагъ погибнетъ,
Сраженный храбростью своею,
Смой кровь съ себя слезами сердца.
Ты ближнихъ, братьевъ поразилъ!

КЪ ТЕКУЩЕМУ СТОЛѢТІЮ (*).

О вѣкъ чудесностей, ума, изобрѣ-
шеній!

Позволь пылинкѣ предъ тобой,
На мѣсто жертвоприношеній,
Съ благоговѣніемъ почтить тебя хвалою!
Которой вѣкъ достигъ полъ луче-
зарной славы?
ВЪ

(*) Авторъ писалъ сіе, получивъ черезъ почту
дѣли.

Въ тебѣ исправились испорченные
нравы ;

Въ тебѣ открылся путь свободный въ
храмъ Наукъ ;

Въ тебѣ родился Вольшеръ, Фран-
клинъ и Кукъ ,

Румянцовы и Вашингтоны ;

Въ тебѣ и Естества позналися законы ;

Въ тебѣ щасливѣиши Икары, презря
страхъ ,

Долстъ свой къ небу направляютъ ,

Въ воздушныхъ странствуютъ мірахъ ,

И на землѣ опять безъ крылъ себя
являютъ .

Но паче мнѣ всего пріятно помышляшь ,

Что начали въ тебѣ и денвги ужь ле-
ташь .

О чудо ! о мои прапрадурры почтенны !

Ювѣрише ли въ томъ вы внучку сво-
ему ,

то мѣдь и злато , ставъ въ бумажку
превращенны ,

летятъ чрезъ тысячу и больше
верстъ къ нему ?

Въ пламенный лоскушокъ бумаги по-
лучаешь ,

И вдругъ отъ всѣхъ заботъ себя освобождаешъ.

Уже и Шмишовъ онъ съ перпѣньемъ сносишъ взоръ ;

Не слышитъ совѣсти докучливой укоръ ;

Не видитъ болѣе въ желаніяхъ препоны .

Пьетъ кофе, можетъ ѣсть чрезъ часъ и макароны ;

Ф

НА СМЕРТЬ ПОПУГАЯ.

Любезной попугай ! давно ли ты болталъ ,

И шѣмъ Климену упѣшалъ !

Но вотъ ужъ ты на вѣкъ , увы ! безгласенъ спалъ ! . . .

Султанъ и попугай , все въ мірѣ умираешъ .

Ахъ ! . . . ошь чучела твоя напоминаешъ

Вралямъ , которые все врушъ ,

Что также и они со испущеньемъ духа ,

Къ опрадѣ ближнихъ слуха ,

Досадныя уста когда нибудь сомкнушъ !

И.

НАД-

НАДПИСЬ

Къ портрету Князя Кантемира.

Нечистый слогъ его достоинствъ не
умалишь.

Порокъ! не подходи: сей взоръ тебя
ужалишь.

* * *

ПЕРЕМѢНА СУДЬБЫ МОЕЙ (*).

Нѣжну юность проводила
Я въ странѣ уединенной,
Въ тишинѣ благополучной.
Жизнь моя тамъ протекала
Безо всякихъ заботы.
Мнѣ одна была забота,
Чтобъ выучивать уроки,
Окончавъ свое ученье,
Я ходила во бесѣды —
Не въ тѣ шумныя бесѣды,
Гдѣ уборами блистають,
Что пышностью надуши —

Р 3

Сихъ

Сія пьеса прислана къ Издателью отъ неязвѣстной Особы при слѣдующихъ строкахъ: „Просту помѣстить въ вашемъ Журналѣ сія стиха, сочиненные одною знакомою мнѣ дѣвицею.“ Кто же порадуется тому, что у насъ есть дѣвицы, которыя такъ чувствуютъ, и такъ выражаютъ свои чувствованія!

Сихъ бесѣдъ я и не знала,
И о нихъ слыхала рѣдко.
А я знала нѣ бесѣды,
Что во всемъ похожи были
На щасливое семейство,
Тамъ, гдѣ искреннею лаской
Мы взаимно наслаждались,
И невинныя забавы
Гдѣ рѣкою къ намъ спекались,
Гдѣ мы радости вкушали,
Гдѣ щасливое спокойство
Всѣ веселья умножало
Дни казались намъ ясны,
Вечера всегда пріяшны,
Мы пріяшность шу вкушали,
И гуляя всѣ рѣзвились.
Тихость ноши наступая,
Призывала насъ къ покою,
И покой былъ всемъ пріяшенъ,
Та минуша лишь досадна,
Всемъ когда разсѣяться должно,
Тугъ себя мы утѣшаемъ
Той пріяшною надеждой,
Что и завтра вмѣстѣ будемъ. —
Но вдругъ все переменилось,
Всѣ забавы улещѣли,

Всѣ веселя померкли,
И всѣ радости исчезли.
Что жь за странная премѣна?
Я ужь нынѣ не ребенокъ.

БАРУХЪ (*),
или
УЧЕНИКЪ МУДРОСТИ,
П о в ѣ с т ь,

Барухъ, Ассирійской юноша, имѣлъ
здравой природной разумъ и сердце
оброжелательное. Охотно служилъ
нѣ людямъ, чѣмъ только могъ, и ни-
кого не обижалъ. Онъ воспитанъ былъ
просто въ деревнѣ; не видалъ спо-
ицы, не бывалъ на балѣ при Дворѣ,
никогда не былъ ни давленъ ни окра-
енъ при фейерверкѣ. По смерти оп-
его досталась ему въ наслѣдство
ревня, кошорая приносила доходу
двадцати фунтовъ золота, въ
ѣ.

Р 4

„Мно-

Сю повѣстію, переведенною изъ *Bagatellen von
Anton Wall*, обязанъ я любезному . . . Но онъ
желаетъ, чтобы я наименовалъ его. — К.

„ Много наслышался я о велико-
лѣпнн Ниневн, сказаль онѣ нѣкогда,
надобно посмотрѣть, все ли это
правда. „

Взявши съ собою двухѣ слугѣ, и
на десять тысячѣ фуншовѣ золота
ассигнаціѣ, сѣль онѣ на лошадь, и по-
ѣхаль. Близѣ столицы Великаго Ца-
ря Ассирійскаго прежде всего встрѣ-
тились ему четверо разбойниковѣ. Ва-
рухѣ и слуги его были сильны и храб-
ры; они прогнали разбойниковѣ, и
Барухѣ приѣхаль въ столицу благо-
получно.

Онѣ остановился въ пражирѣ подѣ
знакомѣ Золотой Маршышки. Двадцать
прислужниковѣ подбѣжали къ нему,
помогали ему сходить съ лошади, и
называли его *быкомѣ изящности*. Такѣ
назывались Намѣстники Великаго Царя,
Барухѣ увѣряль, что онѣ не Быкѣ
Изящности; однако жѣ ему сказали,
что этому бытъ должно, хочеть ли
онѣ того или не хочеть.

Барухѣ имѣль два рекомендацель-
ныхѣ письма къ Забрадуѣ, главному
Сно-

Смотрителю надъ придворными мешками. Ему указали домъ его, и Барухъ, вошедши туда, думалъ, что ошибкою зашелъ въ напашы саиого Великаго Царя Карло, въ золотомъ плащѣ, доложилъ объ немъ, и черезъ нѣсколько часовъ по томъ ввелъ его въ золотую залу Главной Смотритель надъ придворными мешками. Онъ встрѣшилъ Баруха на половинѣ за-мы, обнялъ его, и сказалъ, что онъ считаетъ этотъ день однимъ изъ счастливейшихъ въ своей жизни, по томъ обнялъ его въ другой разъ, увѣдалъ въ жарчайшей дружбѣ и въ сердечномъ желаніи служишь ему, и ospалъ его. Карло пригласилъ прѣзжа-къ къ столу. За столомъ главной Смотритель надъ придворными мешками обирачивался къ нему нѣсколько разъ съ ласковымъ киваніемъ.

Вставши изъ за-стола, Барухъ благодарилъ главнаго Смотрителя надъ придворными мешками, и униженно просилъ, чтобъ онъ сдѣлалъ ему широкое одолженіе.

„Проси обо всемъ, что я могу сдѣлать, сказалъ Забрадугъ я очень радъ, что могу услужить тебѣ „

„Я пріѣхалъ посмотрѣть великой столицы Великаго Царя — не имѣю здѣсь знакомства — сдѣлай мнѣ одолженіе, и покажи, что есть достойнаго примѣчанія въ городѣ „

Съ превеликимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Забрадугъ, и приказалъ отвести пріѣзжаго къ наемному проводнику.

Барухъ пошелъ съ наемнымъ проводникомъ, и дивился смотря на фонтаны, колоннады, статуи и великолѣпныя зданія, онъ видѣлъ палаши, стоящія на палатахъ, и улицы, взгроможденныя на улицахъ. Часто не зналъ онъ, куда сперва глаза обратишь.

Ходя по улицамъ, давалъ онъ по серебряной монетѣ всякому нищему, котораго просилъ у него милосшыни. Не успѣлъ еще онъ пройти пяти улицъ, какъ окруженъ былъ нищими, такъ что не могъ ни шага ступить далѣе. Онъ роздалъ все, что съ нимъ

было, и клялся, что у него не осталось ни одной монеты. Тѣ, которыми ничего не досталось, спали оптимать у другихъ, началась драка. Наемной слуга ввелъ Баруха въ одинъ домъ, чтобъ укрыться отъ опасности. Нищіе ругали ихъ

„У меня въ деревнѣ, думалъ Барухъ, нѣтъ такихъ палатъ, одна-ко ль нѣтъ и такихъ нищихъ — какъ скоро увижу Великаго Царя, поѣду обратно въ свою деревню.“

Едва оправился онъ нѣскольکو отъ страху, какъ вломился въ домъ прое олицейскихъ служителей, и схватили его. Они отвели его сперва къ олицейскому Комиссару той четверти города, а потомъ къ главному надзирателю Ниневійской Полиціи. Обвиняли его въ томъ, что онъ хотѣлъ возбудить чернь къ бунту.

„Тигръ правосудія! говорилъ Барухъ главному Надзирателю. Я не здѣшній житель, пріѣхалъ сюда сегодня, и ни съ кѣмъ здѣсь не знакомъ, кромѣ главнаго Смотрителя
„надѣ

„надъ придворными мешлами. Забра-
„дуга, которой мнѣ другъ какъ же
„можно мнѣ думать о бунтѣ? „

Тигръ правосудя далъ знакъ по-
лицейскимъ служителямъ, чтобъ они
обыскали Баруха. Они не нашли у
него ни одной серебряной монеты, и
получили приказъ опустить его.

„Благодарю тебя за милость твою,
„сказалъ Барухъ судѣ, павъ передъ
„нимъ на землю. Я богатой помѣ-
„щикъ изъ Провинци Салумассерской,
„и приѣхалъ въ Ниневію только для
„своего удовольствія „

„Держите его! вскричалъ поро-
„пиво главной Надзирапелъ. Надоб-
„но разыскать это дѣло обстоятель-
„нѣе. „

Отвели Баруха въ высокую баш-
ню, и приставили къ нему стражу.
Сидя въ темницѣ своей, могъ онъ ви-
дѣть все прекрасные сады, находив-
шіеся въ той сторонѣ города.

„Сады Ниневійскіе прекрасны, го-
„ворилъ Барухъ: но правосудіе въ
„Ниневіи ужасно. „

Онъ послалъ къ Забрадугу, про-
ить заступленія. Но главной Смо-
ришель надъ придворными мешлами
швѣчалъ, что онъ весьма жалѣетъ
бъ немъ; однако жъ Полиція города
иневїи не принадлежитъ къ Департа-
менту придворныхъ мешелъ Наемной
дуга, ушедшій тогда, какъ Баруха
али подъ стражу, былъ сысканъ.
дъ подтвердилъ то, что Барухъ о
бъ сказалъ. Черезъ недѣлю Барухъ
изнанъ былъ невиноватымъ, и за-
апивъ тысячу серебряныхъ монетъ,
лучилъ свободу.

„Только еще недѣля, какъ я прї-
вхалъ въ этотъ прекрасный городъ,
говорилъ Барухъ: но два раза былъ
уже въ опасности лишиться жизни:
динъ разъ отъ нищихъ, а другой
отъ правосудія. — Какъ скоро уви-
у Великаго Царя, поѣду обратно
въ свою деревню. „

Возвращаясь въ трактиръ, узналъ .
отъ наемнаго слуги, что Царь
итъ завтра публично обѣщать, и
можно его видѣть; однако жъ сперва
над-

надежи пѣ пройти мимо двѣнадцати
стражѣ, и у каждой спраши должно
оплатить занегапанной пакетецѣ

„Весна охотно, сказалъ Барухъ:
„поведи меня завтра туда „

Онѣ прошелъ мимо стражѣ, оп-
далъ пакеты, и увидѣлъ Царя Ассирій-
скаго за столомѣ. — Царь былъ из
моглая фигура, мучная спрашнымѣ
кашлемѣ; не говорилъ ни сѣ кѣмѣ ни
слова, и. изо еша блюдѣ былъ только
сѣ одного. Однако жѣ сѣя фигура бы-
ла вся въ жемчугѣ и блистала брил-
янтами.

„Братѣ солнца и повелитель
„тридцати двухѣ вѣтровѣ, сказалъ
„Барухъ, ходишѣ въ великолѣиномѣ
„уборѣ; но кажется, онѣ не очень здо-
„ровѣ. — Я видѣлъ его, и теперь
„поѣду обратно въ свою деревню. „

Идучи домой, увидѣлъ онѣ на
одноѣ большой улицѣ множество лю-
дей, шедшихѣ къ одному дому.

„Спрячешся, сказалъ онѣ своему
„проводнику, чтобѣ Полиция еще не
„признала меня невиноватымѣ. „

Про-

Проводникъ сказалъ ему, что въ то время ученики мудраго Салогалуа собираются слушать его учение. Барухъ спросилъ, кто сей мудрецъ Салогалудъ? и проводникъ отвѣчалъ ему, что онъ есть украшение Ниневии и вѣнецъ государства Ассирискаго; что весь народъ ему удивляется, все знашныя люди его почитаютъ; что онъ знаетъ все, о чемъ только здумать можно, и всякаго учинъ искусству быть мудрымъ и щастливымъ — Любопытство возбуждилось въ нихъ, и онъ спросилъ, можно ли ему послушать мудраго Салогалуа?

Прѣзжіе могутъ слушать его рада безъ платы, — сказалъ наинной слуга, и повелъ Баруха къ мудрецу

Они пришли къ великолѣпному зданію, у котораго надъ входомъ написано было золотыми буквами. Здѣсь сидѣлъ Мурдугаръ Молохъ Козругогалудъ, верховной придворной мудрецъ Великаго Царя Ассирійскаго. *Истинная звезда истины свѣтъ*

мѣсто и голосомъ, при регистрованной
луть сорока осьми наукъ и пятидеся
ти свободныхъ художествъ.

Юноша почувствовалъ благоговѣ
нне, вошедши въ большую великолѣпно
убранную залу, въ которой звукъ
громко раздавался, и увидѣвъ около
тысячи человекъ, сидящихъ въ мол
чаньи на скамьяхъ рядами. — Барухъ
сѣлъ въ углу, и спросилъ почтитель
но у сидѣвшаго подлѣ него, о чемъ
мудрой Салогалудъ сегодня говоритъ
будетъ? Тотъ отвѣчалъ ему, что
мудрой Салогалудъ будетъ говорить
о мудромъ человекѣ.

„Тѣмъ лучше! сказалъ Барухъ.
„онъ будетъ говорить о самомъ се
„бѣ. Я ни отъ кого лучше не узнаю,
„что такое мудрой человекѣ. „

Салогалудъ пришелъ и сѣлъ на
своемъ мѣстѣ, которое похоже было
на тронъ, подъ великолѣпнымъ балда
хиномъ. Онъ имѣлъ величественную
ооанку и ласковой видъ. Какъ Дѣй
ствительная Звѣзда Истины съ мѣ
стомъ и голосомъ, онъ носилъ орденъ
дере-

деревяннаго Желѣза на кожаной лентѣ. — Все утихло, такъ что можно было слышать паденіе песчинки, Салогалудъ началъ рѣчь свою.

„Муирои человекъ, говорилъ онъ, размышленіемъ увѣрился въ томъ, что онъ существуетъ не только для себя, но и для другихъ; и потому послѣдняя цѣль всѣхъ дѣлъ его есть способствованіе либо своему собственному счастью, либо счастью другихъ. Муирои человекъ знаетъ, что блага земли сея сошворены для того, чтобы мы ими наслаждались; но употребляетъ оныя такъ, чтобы не имѣть никогда причины раскаиваться въ семъ наслажденіи. Онъ пьетъ сокъ винограда, но такъ, чтобы не быть отъ того неспособнымъ къ размышленію и дѣйствованію; утѣшается женскими прелестьями, но такъ, чтобы онѣ не были для него ядовиты. Онъ уважаетъ богатство, не жертвуя оному собою; желаетъ чести, не порабощая себя оной. Онъ есть самой вѣрнѣишій

„ поданный и ревностнѣйшій испо-
 „ нитель законовъ. Онъ видитъ сла-
 „ бость Государя своего, жалуетъ
 „ объ ней, и покоряется ей; оу-
 „ даетъ бесполезныя законы, однако жъ
 „ повинуются имъ, онъ видитъ несп-
 „ ренія своихъ начальниковъ, дѣлаетъ
 „ имъ представленія, но повелѣнія ихъ
 „ исполняетъ. „

„ Мудрой человекъ — продолжалъ
 „ Салогалудъ — есть самой лучшей
 „ отецъ, самой лучшей супругъ, самой
 „ лучшей господинъ и самой лучшей
 „ другъ. Онъ любитъ дѣтей своихъ, но
 „ и наказываетъ ихъ, когда то нужно.
 „ Онъ есть самой нежнѣйшій любовникъ
 „ жены своей, но не раболѣиснствуетъ
 „ ей. Невольникамъ своимъ даетъ онъ
 „ чувствовать, что они бѣднѣе его, но
 „ не то, что они хуже. Иногда да-
 „ етъ онъ друзьямъ своимъ пиры; но
 „ еще гораздо чаще помогаетъ имъ въ
 „ нуждѣ. Онъ не входитъ въ долгъ,
 „ чтобъ не быть ни ошъ кого зави-
 „ симымъ, а приобретаемое имъ раз-
 „ дѣляетъ съ неимущими. „

Барухъ не слыжалъ прежде него такою, и былъ вишь себя отъ дивленія

„ Не лъзя спашься, думалъ онъ, чшобъ Салогалудъ говорилъ отъ себя, вѣрно есть у него другъ, какой нибудь Геній, которой все это ему внушаетъ „

„ И пакъ, сказалъ наконецъ Салогалудъ, мудрой человекъ не подвластенъ никому, кромъ самого себя. Онъ даетъ законы другимъ, а самъ никакимъ инымъ, кромъ собственныхъ своихъ, не подверженъ. Онъ властелинъ судьбы своей, напрошивъ того другіе суть невольники оной. Народъ замѣчаетъ его поступки, и почитаетъ его. Управляющие государствомъ чувствуютъ превосходство, и ищутъ его знакомства. Самъ царь слушаетъ его, и пребуетъ у него совѣта. Невольники, дѣши,рузья его гордятся имъ, и жена его почитаетъ по за великое щаніе, что можетъ покониться въ его брѣшяхъ „

Ученики Салогалудовы, которые прежде едва дышали смѣли, всё облечили тогда сердца свои глубокимъ вздохомъ.

„Въ Ниневии есть нищие, сказахъ
„Барухъ, которые ругаются; есть
„Полиція, которой надобно платить
„по тысячѣ серебряныхъ монетъ за
„свою невинность, есть Царь, кото
„рой не говоритъ и не ѣстъ. Одна
„ко жь есть и мудрецъ въ Ниневии,
„которой знаетъ искусство быть
„щасливымъ — Такой мудрецъ
„стоитъ десяти Ассирійскихъ Ца
„рей, еста Полицій и тысячи руга
„ющихся нищихъ. Остаюсь въ Ни
„невии, буду слушать этова мудре
„ца, и буду щасливъ „

Идучи домой, Барухъ спросилъ у проводника своего, есть ли еще другіе мудрецы въ Ниневии?

„Нѣтъ, отвѣчалъ проводникъ.
„великой Царь далъ мудрому Сало
„галуду привилегію одному учить му
„дроси. Однако жь мудрецъ изъ ми
„лоспи позволилъ учить по часу въ
денъ

лень одному бѣдняку, которой по
ольшой части рубитъ дрова, и
пѣмъ достаетъ себѣ пропитаніе.
Если хочешь его послушать, то
гадобно ипеперь къ нему ийти; те-
ерь его часъ „

„Поведи меня къ нему, сказалъ
Барухъ по крайней мѣрѣ я дамъ
му серебряную монету. „

Въ небольшомъ переулкѣ у одно-
домика написано было надъ дверь-
здѣсь учитъ Абунассаръ. Барухъ
проводникомъ своимъ вошли въ ма-
ькую чисто прибранную комнату,
было уже четверо слушателей.
унассаръ, человекъ небольшого ро-
у и плотной, принялъ ихъ весьма
ово, и указалъ имъ мѣста.

„Друзья мои! — началъ онъ, видя,
то никто уже не приходитъ — се-
дня повторю я въ немногихъ сло-
хъ мое учение, и окончу его на
нѣшній мѣсяцъ — Чтите Вѣчна-
а, будьте умеренны, любите другъ
руга, и помогайте другъ другу.

не знаю, какую участь опредѣлилъ

„ вамЪ Вѣчной — не знаю, будущѣ
„ ли для васъ здѣсь на землѣ спокой-
„ ные и радостные дни, но вы буде-
„ те имѣть чистую совѣсть — Еще
„ повторяю будьте умеренны, лю-
„ бите другъ друга, и имѣйте чи-
„ стую совѣсть, ибо вы безсмертны „

Абунассаръ вспалъ и далъ слу-
шателемъ своимъ знакъ, что учене-
е его кончилось — Барухъ опвелъ ѡбд-
наго человека въ сторону, и давалъ
ему изъ жалости золотую монету

„ Незнакомой! — понялъ ли ты ме-
ня? „ спросилъ Абунассаръ.

„ Понялъ, „ сказалъ Барухъ.

„ Доволенъ ли ты мною? „

„ Извини меня, Абунассаръ я
„ пришелъ - было къ тебѣ за шѣмъ,
„ чтобъ услышать, какъ мнѣ можно
„ быть счастливымъ „

„ Такъ я не могу принять твоей
„ золотой монеты, незнакомой! — Но
„ кто ты? „

Барухъ сказалъ ему о себѣ, кто
онъ и откуда приѣхалъ.

„ Воз-

„ Возвратись въ свою деревню ,
скажи Абунассаръ . можешь быть
тамъ проживешь ты въкъ свой ща-
спливо „

„ Извини меня , Абунассаръ . я
хочу прежде слушать учение мудра-
го Салогалуда „

„ Хорошо , Барухъ ! слушай его ,
исполни и сохрани чистую совѣсть ;
но не вѣрь обѣщаніямъ Салогалудо-
вымъ — Теперь я долженъ итти на
работу , чтобъ выработать къ зав-
трашнему дню на обѣдъ . — Возьми
золотую свою монету Прости ;
будь щасливъ „

Барухъ покачалъ головою , дивясь
бунассаровой спротивности , и возвра-
тился въ свой праширъ . На другой
знь пошелъ онъ къ мудрому Салога-
уду — У мудреца сидѣлъ тогда
къ изящности . Барухъ и сѣдель-
къ Ниневійской дождался въ пе-
дней

„ Овца Разума ! говорилъ сѣдель-
никъ Баруху , почитая его учени-
комъ мудраго Салогалуда мудрой

„ Салогалуцѣ долженъ мнѣ за приборъ
„ къ лошаку. Я въ десятой уже разѣ
„ прихожу сюда за деньгами. Мудрой
„ Салогалудѣ богатѣ, и у нею есть
„ лежачія деньги; однако жь онѣ заста-
„ вляетъ нашу братью, бѣдныхъ ре-
„ месленниковѣ, дожидаться, а гово-
„ рить только съ Овцами Разума и съ
„ Быками Изящности У меня осьмеро
„ дѣтей, и я живу на другомѣ краю
„ города Допусти меня сперва по-
„ говоришь съ мудрымѣ Салогалудомѣ,
„ какѣ онѣ одинѣ останешся „

Въ ту самую минушу Салогалуцѣ
вышелъ съ своимѣ гостемѣ, и про-
водилъ его до лѣспницы. Онѣ при-
казалъ сѣдельнику прійти завтра, ли-
бо послѣзавтра, а хорошо одѣтаго
Баруха ввелъ въ свою компану.

„Звѣзда Испины! сказалъ Барухѣ.
„ я слушалъ вчера швое ученіе съ
„ удивленіемѣ — Скажи миѣ, могу
„ ли еще я быть щасливымѣ? „

„ Можешь, естли хочешь быть
„ мудрымѣ „ ошвѣчалъ Салогалудѣ.

„ Какѣ же можно миѣ быти му-
„ дрымѣ? „ „ Это

„Это будетъ тебѣ стоить три унціи золота. — Ученіе мое продолжается три года, и я беру по унціи въ годъ „

Барухъ заплашилъ три унціи золота впередъ, нанялъ себѣ домъ въ Иневии, и три года слушалъ ученіе гудраго Салогалуда. Онъ понималъ се, что учитель его говорилъ, и исполнялъ все съ величайшею точностію.

„Теперь я знаю все, что принадлежитъ къ мудрости; буду знаменъ и славенъ; всѣ будутъ любить и почищать меня — однимъ словомъ, я буду щасливъ „ — говорилъ Барухъ по прошествіи трехъ лѣтъ

Въ одинъ вечеръ пошелъ онъ въ театръ. Вкусъ въ Иневии былъ тогда на самой вышшей степени совершенства, и потому на Театрѣ представляли всякой разъ страшныя зрѣща. Въ тою вечеръ представлена была трагическая пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. *Молодъ, Царь Мидасъ, и три пропости.* Зрѣлище было прекрасное, такъ что у зрителей волосы

дыбомъ становились. Барухъ хопя имѣлъ здравой разумъ, однако жь не учился Эстетикѣ; и потому при пропойцы показались ему скучны

Онъ сидѣлъ въ паршерѣ, и для прерыважденія времени поглядывая на ложи, замѣшилъ, что одна дама, сидѣвшая недалеко отъ него въ ложѣ, на него смотрѣла. Онъ сталъ смотрѣть на нее. Вскорѣ по шумѣ, въ жару разговора съ своею сосѣдкою, уронила она изъ ложи перчатку, которая упала подлѣ Баруха. — Онъ, поднявъ перчатку, описалъ ее въ ложу къ сей дамѣ, и имѣлъ честь проводить ее домой. — Она была вдова двадцати четырехъ лѣтъ, имѣла много оспрошны, а еще болве огня. — Барухъ обѣщалъ посѣщать ее, и сдержалъ свое слово. Онъ влюбился въ новую свою знакомку, рѣшился жить въ городѣ, и женился на ней.

„ Я мудръ, говорилъ онъ; имѣю „ жену, и жена моя будетъ почитать „ те за великое щастіе, чно можеть „ кончиться въ моихъ обѣщаніяхъ. „

Ба-

Барухъ чинилъ законы, послужи-
валъ знакомымъ и незнакомымъ, и со-
держалъ невольниковъ своихъ какъ дѣ-
тей. Черезъ полгода послѣ свадьбы
Барухъ возвратился домой нѣскольки-
ми часами ранѣе, нежели его ожида-
ли, и зашелъ въ объятія жены
своей Капишана двѣнадцатой Гвардіи
— Въ зачальчивости онъ выхватилъ
кинжалъ, закололъ Капишана, и раз-
велся съ женою.

„Не совершенно же и пошлъ ша-
„спливъ, говорилъ Барухъ, кто слѣ-
„дуетъ ученію мудраго Салогалуда „

Слухъ о Баруховомъ приключеніи
разнесся по всей Ниневіи. Всѣ жен-
щины получили высокое мнѣніе о ша-
комъ человѣкѣ, котораго закололъ Ка-
пишана двѣнадцатой Гвардіи въ объ-
ятіяхъ жены своей. Подѣвками въ окош-
камъ, чтобъ увидѣть его, когда онъ
шелъ по улицѣ, и Ниневійскія краса-
вицы объ немъ говорили.

Великой Царь Ассирійской, имѣя
семьдесятъ два года отъ роду, и бу-
дучи безирестанно мучимъ ужаснымъ
каш-

кашлемъ, содержалъ въ палатахъ своихъ тысячу женъ и три тысячи наложницъ — (въ чемъ состояла разность между шѣми и другими, сего съ точностію опредѣлить не можно; но въ древней Истории, какъ-то извѣстно, есть еще много такого, что требуетъ объясненія) Одна изъ женъ, которую попросу называли прекрасною Магаллою, имѣла, какъ сказываютъ, не малую власть надъ верховными чиновниками Великаго Царя Ассирійскаго Прекрасная Магалла пожелала изъ любопытства увидѣть олуважнаго Баруха, и увидѣла его.

Черезъ три дни по шомъ Братъ солнца и повелитель прицѣпи двухъ въшровъ опредѣлилъ печальнаго Баруха въ верховные государственные Чтецы, съ жалованьемъ по 40 фучтовъ золота въ годъ и съ шишломъ Дѣисшвишельной Звѣзды Истины съ мѣстомъ и голосомъ

„ Я ошибался, подозрѣвая му-
„ драго Саломалуда въ неправдѣ, го-

„ворилъ Барухъ, мудрой человекъ до-
„спигаеиъ щасиия и знаиности. „

Великой Царь не любилъ чтеиия, опчасиия но тому, что вообще былъ не очень хорошаго мнѣиия о книгахъ, опчасиия жь но тому, что будучи Браниъ солнца, все уже зналъ. Но прекрасной Магалъ съ нѣкотораго времени чтеиие весьма нравилось, и ново и верьховной государсвенной Чшецъ иногда долженъ былъ чроси- живишь у нее до ушра. Однако жь Барухъ приходилъ, читалъ и уходилъ; и наконецъ прекрасная Магала жало- валась своимъ невольницамъ, что онъ только читаетъ, а не говоритъ

Въ одинъ вечеръ черноглазая Ма- гала въ розовомъ платьѣ сидѣла на софѣ. Барухъ позванъ былъ для чте- шя, и пришелъ

„Сегодня не будешь ты читашь,
Барухъ, а поговоримъ о чемъ ниудъ,,
казала Магала, подавъ ему прекра-
ную свою руку

„Какъ

„Какъ тебѣ угодно, радость
красоты,“ отвѣтилъ Барухъ, и сѣлъ
на обыкновенное свое мѣсто

„Радость красоты“, повторила
она съ нѣжностью „Искренно ли ты
говоришь, прекрасной Барухъ“

Ты прекрасна, скачалъ Барухъ,
всталъ, и палъ передъ нею лицомъ
на землю

„Сядь подлѣ меня, Барухъ.“

Барухъ всталъ, она хотѣла об-
нять его, но онъ отодвинулся на са-
момъ край софы

„А, несчастникъ!“, — вскричала
она, и глаза ея засверкали гнѣвомъ, —
„я ненавижу тебѣ!“

Прекрасная Мигалла выбѣжала
вонъ. Черезъ двѣ минуты по томъ
вошли четыре человека девятой Гвар-
дии, и показали Двѣшительную Звѣ-
зду Испины съ мѣсяномъ и голосомъ
въ темноту — На другой день цар-
ской главной Фискаль донесъ на него
въ оскорбленіи Величества, и Вели-
комъ Царь осудилъ Звѣзду Испины на
де-

десять лѣтъ возить землю на валу Иисусовскомъ

„Вопшъ какая власть мудраго человека надъ своею судьбою! сказалъ Барухъ — Я отодвинулся отъ прекрасной Мирамы, сколько можно было, подальше, однако жь обвиненъ въ оскорбленіи Величества — Я поспушалъ по правиламъ мудрости; однако жь лишенъ чести, и осужденъ на десять лѣтъ возить землю,“

Барухъ возилъ телѣжку на валу Иисусовскомъ, и онакивалъ ту минуту, въ которую вздумалось ему пошрѣшь с полицы со мѣдева Врата. Вся Иисусия сожжалась спощрѣшь его, какъ нѣ возилъ телѣжку, а на шрешій день вся Иисусія забьла обѣ немъ

Нькогда сидѣлъ онъ въ горестн, въ сухой хлѣбъ въ коширомъ сошоялъ весь его обѣдъ. Изо всѣхъ нещниковъ одинъ тольк доиъ те просилъ шаянія у прохожтѣ. Одинъ прохожій, шѣшивъ шо, с ошрѣмъ на него нѣлько времени, и наконецъ спрощъ, за чшо онъ с селѣ въ рабон у?

„ За то , отвѣчалъ Барухъ пе-
чально , что я повѣрилъ мудрому
Салогалуду , а онъ меня обма-
нулъ. „

Прохожій рассказалъ безъ намѣ-
ренія своимъ приятелямъ о семъ стран-
номъ отвѣсѣ Вскорѣ отвѣтъ сей раз-
несся по всему городу , и всякую ми-
нуту спрашивали у Баруха , за что
онъ осужденъ въ работу ? Онъ вся-
кой разъ отвѣчалъ „ за то , что по-
вѣрилъ мудрому Салогалуду , а онъ
меня обманулъ. „ Острякамъ Ниневій-
скимъ показался отвѣтъ сей забав-
нымъ , они сочинили изъ него спиш-
ки , и раздавали списки съ оныхъ
Сперва только смѣялись спишкамъ , а
мало помалу начали имъ вѣришь. —
Въ слѣдующій годъ число учениковъ
у мудраго Салогалуда уменьшилось
шремя спами.

Звѣзда Истины , узнавши при-
чину того , немедленно послалъ къ
главному Надзирашелю Ниневійской
Полиціи письмо , въ которомъ увѣ-
домлялъ его , что нѣкто , именемъ
Ба-

Барухъ, сосланный за преступленія свои въ рабство, по наукѣ о душѣ человѣческой, имѣетъ всѣ примѣны сумасшедшаго и скоро взбѣсится, и по тому съвѣщавалъ посадить сего несчастнаго въ домъ сумасшедшихъ, чтобъ онъ нечаянно не сдѣлалъ смертоубійства

На третій день послѣ того Барухъ посаженъ былъ въ домъ сумасшедшихъ и прикованъ четырьмя цѣпями. Онъ спрашивалъ, за что его уюшъ? Приковавши совсѣмъ, сказали ему, что онъ взбѣсился.

„Я любилъ жену мою, говорилъ Барухъ, а она меня обезчестила; — я вѣренъ былъ великому Царю, а онъ осудилъ меня вознѣть землю, — я сносилъ терпѣливо неправедное наказаніе, а меня посадили въ домъ сумасшедшихъ, какъ обѣшеннаго — О Самогалаудъ! мудрой не властелинъ судьбы своей „

Барухъ сидѣлъ въ маленькомъ побѣ, гуда свѣшъ проходилъ только резъ небольшое круглое отверстіе,

и былъ прикованъ такъ, что не могъ поворочаться. Онъ сидѣлъ одинъ, и присланикъ, которои по два раза въ день приносилъ къ нему пищу, не отвѣчалъ ему ни на какой вопросъ — Барухъ сидѣлъ въ домѣ сумасшедшихъ полгода, и наконецъ въ самомъ дѣлѣ взбѣсился. Пропядки същенства сіо бывали такъ сильны, что иногда разрывалъ онъ цѣпи.

Сказали о томъ мудрому Саломгалуду, и благодарили его за предостереженіе.

„Я знаю, что говорю,“ — сказала Звѣзда Истины

Вся Ниневія удивлялась его мудрости и челоуѣкознанію. Вскорѣ по томъ имѣлъ онъ вдвое болѣе учениковъ, нежели прежде.

Бѣшенство испощило мало по малу силы Баруховы, и конецъ жизни его видимо приближался. Въ одинъ день, обезсилѣвъ послѣ снутаго жестокаго припадка, заснулъ онъ весьма грѣшно, проснувшись, былъ онъ весьма слабъ, но въ полномъ умѣ. Онъ увидѣлъ не-
боль-

льшаго роспу челоуѣка , которой
дѣлѣ подлѣ него и смолрѣлѣ на
го сѣ сожалѣнїемѣ. Баруху казалосѣ,
но онѣ и прежде видалѣ нѣкогда сего
челоуѣка

Кто ты ? спросилѣ Барухѣ пом-
имѣ голосомѣ.

„Развѣ не узналѣ ты бѣднаго
Абунассара ?“, отвѣчалѣ онѣ.

„Ты Абунассарѣ ? — Ты здѣсь , вѣ
мѣ сумасшедшихѣ ? — И ты меня
вешь ?“

Абунассарѣ , устарѣвѣ , не могѣ
е рушить дровѣ и шѣмѣ доста-
пѣ себѣ пропитанїа Одинѣ изѣ ста-
хѣ друзей его доставилѣ ему мѣсто
зирателя надѣ приславниками вѣ
мѣ сумасшедшихѣ Наканунѣ того
вспунилѣ онѣ вѣ должность.

„Я знаю всѣ твои приключенїа ,
залѣ онѣ Баруху „Сохранилѣ ли
ты чистую совѣсть ?“

„Сохранилѣ Вѣчнои тому свидѣ-
ль !“

„Такѣ радуися , Барухѣ , — ибо
и безсмертенѣ“

Барухъ погрузился въ глубокое размышление, и мало по малу радость появилась на лицѣ его.

„О мудрой Абунассаръ!“, сказалъ онъ наконецъ. „благодарю тебя — Я радуюсь, ибо я бессмертенъ.“

Вскорѣ по томъ припадокъ возобновился, и Барухъ окончилъ жизнь на рукахъ у Абунассара. Абунассаръ плакалъ объ немъ, и называлъ его щасливымъ.

Абунассаръ, поднявъ руки вверхъ, воскликнулъ. О Вѣчной! дай и мнѣ умереть такъ же, какъ умеръ Барухъ!

С О Ф І Я.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Добровъ, дворянинъ (человѣкъ лѣтъ въ шесшъдесятъ).

фія, жена его (лѣтъ двадцати пяти).

Тъень, молодой Французъ, родившійся въ Россіи.

олодой Добровъ, племянникъ стараго Доброва.

ванъ, слуга Софіинъ.

ина, старая дѣвка Софіина.

араша, молодая дѣвка Софіина.

уга ле - Тъеневъ, и люди Доброва.

С Ц Е Н А I.

Въ деревнѣ Доброва.

итро. Представляется комната. Софія сидитъ въ задумчивости, облокотясь на столъ; въ лицѣ ея приметны сильныя внутрення движенія. — Наконецъ встаетъ)

Такъ и бышь! я рѣшилась. Нынѣ скажу ему. Будь швердо, се^по^де, будь швердо, перссшань прешашь, и успокойся! — Только съ

чего начашь? и какимъ голосомъ? Ка-
кимъ голосомъ ска ать ему, что я —
— Боже мой! — Онъ идетъ (*Вло-
дитъ Добровъ*)

Добровъ (*подходитъ къ Софіи*).
Ты уже совсѣмъ одѣша! Что это зна-
читъ? Бывало до девяти часовъ не
вставала съ постели

Софія (*цѣтуетъ руку его*) Я во
всю ночь не могла заснуть.

Добровъ (*цѣтуетъ Софію и садясь
подлѣ нее*) Опъ чего же? Здорова ли
ты, другъ мой?

Софія У меня лежишь иѣчто на
сердцѣ Намъ надобно изъяснишься —
надобно тебѣ все сказать — — Боже
мой!

Добровъ Софія! Софія! что съ
тобою сдѣлалось? Ты блѣднѣешь —
ты больна Что такое? что? —
(*Обнимаетъ ее, молчаніе*)

Софія Пусты меня — это прой-
детъ

Добровъ Поиохай чего нибудь.
Гдѣ у тебя спиртъ?

Софія (*похоя спиртъ*) Сядь.

До-

Добровъ (садясь). Боже мой! Къ я испугался! Что съ тобою случилось? Что у тебя лежитъ на сердцѣ? Что хочешь ты сказать?

Софія (стараясь ободриться),
надобно тебѣ все сказать —
дай мнѣ только оплохнуть!

Добровъ Что такое? Выведи меня изъ смертельного безпокойства, ажи, скажи! — Я не могу ничего придумать. Что случилось? Скажи, не мѣня.

Софія Ряди Бога, дай мнѣ сойтись съ силами! Все узнаешь —
раешь, другъ мой!

Добровъ. Боже, Боже мой! я внѣ себя. Что такое? — (Оглуняется)
сумасбредишь, сударыня! Тебѣ подобно пустишь кровь. У тебя какъ-нибудь вздоръ въ головѣ. Чему ты важному? Я не боюсь ничего. Да, слава Богу, живы. Какое бы роchemъ несчастіе ни случилось, оно конечно не сразитъ меня; скажи только, что такое?

Софія. Дай мнѣ отдохнуть нѣсколько минутъ (*встаетъ*). Прикажи подать чаю

Добровъ (*встаетъ и звонитъ. Вошедшему слугѣ*). Чаю! чю! — скорѣе!

Слуга (*уходя*). Слышу, сударь.

Добровъ. Не понимаю, не понимаю! (*Обнимаетъ Софію*) Милой, любезной другъ мой!

Софія (*садится, нюхаетъ спиртъ, и по нѣкоторомъ молчаніи, во время котораго Добровъ держитъ ее за руку и съ нѣжною заботливостію смотритъ въ глаза*). Сядьше. — Вошъ чай! (*Слугѣ, принесшему таинной приборъ*) Подай сюда; я сама спану наливать (*Слуга ставитъ чай подлѣ Софіи на столъ. Добровъ садится напротивъ и смотритъ на нее, не спуская глазъ Софія наливаетъ*).

Добровъ. Какова ты?

Софія. Теперь лучше.

Добровъ. Ну, слава Богу! — Лишь бы ты была здорова!

Софія (роняя на столъ гашку) подобно скорѣе все рѣшить. — (Служащему у дверей) Выдь вонъ.

Добровъ (схвативъ ея руку) О ругъ мой! — —

Софія (твердымъ голосомъ) Будь ужестивень! Одно слово, одно слово. . . .

Добровъ (въ сильнои движеніи траха). О! это не шутка!

Софія Десять лѣтъ мы жили вмѣстѣ; семь лѣтъ ты былъ для меня все; послѣдніе три года . . . (Спооря ему въ глаза) Ожидаетъ ли что, что я скажу тебѣ? — Намъ необходимо разсвататься.

Добровъ Разсвататься? намъ разсвататься?

Софія. Непременно.

Добровъ (въ изумленіи) Софія! мнѣ разсвататься? — Для чего?

Софія (поднявъ глаза вверхъ). Боже мой! какая минута! — (Съ рѣшительностію) Я тебя недостойна. Ты видишь во мнѣ преступницу, позора, предавшись не позволенной

спрѣспи, въ минушу слабоспи забѣла, что у нее есть суругъ Зиц, что я люблю ле Тьеня .

Добровъ (какъ грономъ пораженный) Ты ? — Нѣпъ ! — нѣпъ !

Соф'я Три года сражалась я съ порочною своею склонноспію, и не могла преодолѣть ее, наконецъ рѣшилась открытъ шебъ мое преступленіе и удалишся отъ шебя навѣки — Будь же мужеспвенъ ! (*Добровъ блѣднѣетъ и дрожитъ Соф'я хотетъ обнять его*) Въ послѣдній разъ осмѣливаюсь

Добровъ (отталкивая ее трепещущего рукою) Нѣпъ ! — (*Падаетъ на полъ безъ чувствъ*)

Соф'я Боже мой ! ударъ ! ударъ ! — Люди ! люди ! (*Вбѣгаютъ, одинъ за другимъ, три человекъ*) Помогите ! помогите ! Онъ безъ памяти. Ахъ ! что дѣлать ? (*Люди поднимаютъ Добрава и кладутъ его на кантеле*)

Одинъ изъ той Спирту, сударыня, спирту ! Надобно переть его спиртомъ. Со-

Софія (бросясь лѣ нему, льетъ спиртъ ему на голову) Опомнись! Опомнись!

Добровѣ (приходя въ чувство). А!

Софія Другъ мой! другъ мой! — Слава Богу! — Ободришь! ободришь!

Добровѣ. Слава Богу, Софія! (Сидясь естать, отъ слабости опять упадетъ на качане) Гдѣ мои силы? — (по члѣ) Подише вонъ — Софія, Софія! (то мнѣ и нѣмнѣ гого-сомѣ) скажи, скажи, что это не правда! — Скажи лучше, что ты хопѣла уморишь меня! — Скажи только, что это не правда, не правда!

Софія (со вздохомъ) Ты уже знаешь

Добровѣ (сѣ жаромъ гнѣва) Злодѣйка! — (Вскокивъ бросается на Софію, но удержавъ свое строгие, садится). Что я? Боже! (поднимаема глаза на небо) Боже!

Софія Успокойся! успокойся! — Я не прошу у тебя прощенья, не хочу извиняться передъ тобою, прошу только побережь себя.

До-

Добровѣ (*смотрит на нее съ свирѣпостію*). Побережь себя ! — Разбойникъ, пронзивъ ножечъ мое сердце, проситъ меня побережь свое здоровье !

Софія Презри меня, презри — забудь, и успокоися !

Добровѣ И такъ я прижималъ змѣю къ моему сердцу, не подозрѣвая ничего !

Софія Ахъ ! естли бы ты зналъ, какъ мучительны были для меня ласки твои !

Добровѣ (*какъ будто бы ее не слушая*) Гдѣ были глаза твои, шарой младенецъ ?

Софія Когда родился сынъ мой, ты проливалъ радостныя слезы, а я вздыхала, и сердце мое перзалось.

Добровѣ (*съ ужасомъ*). Твой сынъ ? — Несчастной ! — Неправосудное Небо ! чѣмъ заслужилъ я гнѣвъ Твой ? — (*Въ свирѣпомъ изступленіи вскопивъ и топая ногами*). Гдѣ онъ ? гдѣ злодѣй ? — Мщене ! мщене ! — Въ адъ низвергнетъ васъ рука моя, — васъ, гну-

гнуслия души, — тебѣ, стыдъ своего
пола, и злобнаго, подлаго, неблагодар-
наго, адскаго выродка! — Тренеци,
развратная женщина! — И шамъ, въ
безднахъ ада, шамъ увѣнчается лю-
бовь нѣжной чешы! Тамъ зминой
свистъ будетъ музыкою брачнаго пир-
шества! Тамъ Фуріи освѣщаютъ брач-
ное ложе ваше! Тамъ . . . О! весе-
лись, ликуй! — Опъ чего блѣднѣшь?
Чего бояшься? — (*Шатается*) Чшо
я? — (*Пристлоняется къ столу, ро-
няетъ его и самъ падаетъ Два тело-
вѣка вбѣгаютъ на стукъ, поднимаютъ
и держатъ его*) Боже! шягосшно на-
казаніе руки Твоеи! — Выведите ме-
ня — (*Люди выводятъ его Голова
его приклоняется къ пьестамъ Софія
стоитъ какъ окаменѣлая, ужасъ из-
ображается на лицѣ ея*)

Софія (*по догомъ молчаніи*)
Жива ли я? — Сердце холодно; кровь
остановилась — Какой страшной го-
лосъ! — Оботрись же, слабая женщи-
на! — Развѣ я этого не предвидѣла?
Развѣ я не рѣшилась? Теперь и воз-
вра-

вращишься поздно, — поздно, —
поздно!

(Уходитъ.)

С Ц Е Н А II

(Вечеръ Добровъ сидитъ на креслахъ подлѣ раствореннаго окна и смотритъ на заходящее солнце, голова его повязана бѣлымъ платкомъ)

Думалъ ли я, будучи пробужденъ
утренними лучами швоими, что ты
освѣпишь нынѣ ужаснѣйшій день моей
жизни? — А! мнѣ нужна помощь Выш-
няго — Того, Кто невидимою рукою
правитъ швоимъ теченемъ! — Не
дерзаю ропсать на Его суды — я,
червь, въ прахъ пресмыкающійся. Но
слезы мои — слезы, прахъ окропля-
ющія — уже ли будутъ Имъ презръ-
ны — Тѣмъ, Кто слышитъ крикъ
пшеницъ безпомощныхъ? — (Слезы
катятся градомъ изъ глазъ его. мол-
таніе — звонитъ — входитъ тетовъ)
Позови Софію — Боже! Ты видишь
сердце

сердце мое! — (Закрывается платкомъ — Софія входитъ, подходитъ татихоньку къ кресламъ и становится противъ него. Онъ опускаетъ платокъ, взглядываетъ на нее нѣжно и подаетъ ей руку). Софія! — Сядь подлѣ меня, Софія! — (Молчаніе. Софія опускаетъ глаза въ землю. Добровъ пожимаетъ ей руку). Ты не хочешь смотрѣть на меня, другъ мой? Взгляни по крайней мѣрѣ на заходящее солнце какъ тихо и пріятно капилося оно за горы! Это часъ обыкновенной прогулки нашей, — часъ удовольствія и крошечкой радости. Съ какою нѣжностью прижималась ты къ моей груди, когда я, въ пріятной вечерѣ, будучи до слезъ пронуптъ чувствомъ своего щастія, благодарилъ Бога за всѣ дары Его — за изобиліе — за сердце, которое и въ самой шарости чувствительно къ красотахъ Его творенія — и за нѣжную упругу, подпору и утѣшеніе слабыхъ. Оней моихъ, снисходительную къ моимъ недоспашкамъ, тихую, любезную; —

когда

когда я описывалъ тебѣ скуку и по-ску холосшой жизни моей, — пусто-шту своихъ удовольствій, въ которыя влѣгда вмѣшивалось горестное чувство одиночества. Вспомни, какъ ты съ веселою улыбкою смотрѣла мнѣ въ глаза, когда я сравнивалъ вечера съ вечерами — вечера, въ которые бродя одинъ по рощамъ и лугамъ, повсюду носилъ я въ душѣ меланхолію; когда всякая мысль рождалась и умирала въ головѣ моей, когда сердце мое было темницею всѣхъ чувствъ моихъ — съ вечерами, когда, гуляя съ тобою рука въ руку и обнимаясь въ объятіяхъ Пашуры, сообщалъ тебѣ всѣ мысли свои, которыя возбуждали въ тебѣ новыя, взаимно мнѣ сообщаемыя — когда я въ себѣ и въ тебѣ чувствовалъ и наслаждался жизнью! — Ты все еще не хочешь поднимать глазъ? — Вспомни

Софія А! какой переходъ отъ проклятія къ нѣжности! — (*Поднявъ глаза, опять потупляетъ ихъ*).

Добровѣ Всюмни тотъ вечеръ, въ которой привелъ я тебя ко гробу моего дяди и отца, и сквозь слезы сказалъ тебѣ „Здѣсь плакалъ я за двѣнадцать лѣтъ передъ симъ и теперь плачу, но тогдашнія слезы лились отъ горести, а теперьшнія отъ радости. Тогда думалъ я здѣсь погребу тебѣ нечувствительныя люди; память твоя погребется вмѣстѣ съ гробомъ; никто не посѣтитъ твоего гроба. Теперь думаю здѣсь погребу тебѣ чувствительная супруга, не-альная, но разсудительная — печальная, но утѣшаемая надеждою вѣчнаго соединенія въ лучшей жизни. Здѣсь, при свѣтѣ ясной луны, будутъ и слезы твоемъ блистать слезы ея, благословляемыя твоимъ духомъ. Тутъ наконецъ будешь покоиться и ея прахъ, надъ гробами нашими падишуй. Здѣсь лежатъ вѣрные супруги, которые жизнью своею доказали, что раз-стѣвъ гѣтѣ не препятствуютъ щаст-ливо супружества

Софія Ряди Бога! — На что это?

У

Де

Добровъ (*продолжая, и какъ бы не слышавъ ея словъ*) Ты приклонила голову къ моей груди, капля слезъ упала на мое сердце — — — (*Останавливается и смотритъ на растроганную Софію*).

Софія (*поднимая глаза, наполненные слезами*) Тогда была я достойна любви твоей, а теперь — теперь — — — кляни меня. Ты имѣешь право меня мучить. Такъ и быть! я рѣшилась все сносить. Но совсѣмъ не могу понять, какъ можешь ты — послѣ всего того, что тебѣ открылось — говорить со мною такимъ языкомъ.

Добровъ Такъ пойми же теперь, *Софія!* (*Встаетъ и становится передъ нею на колѣни*)

Софія. Что? что? (*стараяся поднять его*)

Добровъ Заклинаю тебя своею любовью, которую ты нѣкогда ко мнѣ имѣла — а ты конечно любила меня — — —

Софія Ахъ! вспань, вспань!

Добровъ Нѣтъ, *Софія!* дай мнѣ прежде все выговоришь — Заклинаю

те

тебя законами благодарности — ихъ уважаюшѣ и ты, которые презираюшѣ всѣ прочіе законы — заклинаю тебя всѣмъ, что ты еще можешь почитать за свято избавь отъ поношенія староспъ мою — избавь отъ сшуда сѣдую голову старца! (*сбрасываетъ съ головы повязку*) Смотри! эта бѣлизна предвѣщаетъ приближеніе смерти — Софія! дай мнѣ умереть спокойно, и по томъ дѣлай, что хочешь!

Софія. Вешань! сдѣлай милость, вешань! я не могу эшова вынести. И чего ты отъ меня требуешь?

Добровъ. Того, чтобы ты прерѣла изверга. Я забуду преступленіе твое, забуду его какъ женскую слабость, и буду любить тебя больше, нежели прежде. Свѣтъ не знаетъ еще нашего несчастія, а я найду средство заспавить молчать злодѣя Прости мнѣ давшнее мое изступленіе — хъ, Софія! ударъ былъ такъ неожиданъ!

Софія Дай мнѣ другое сердце, сердце невинное и шебя достойное; тогда я останусь жить съ тобою, и мы будемъ щастливы.

Добровѣ (сквозь слезы и нѣжныи мѣтвомъ). Софія! Софія!

Софія Я недостойна этова голоса Сдѣлай милость, вспань! (поднимаетъ его)

Добровѣ (саясь на кресла и взявъ ее за руку) Ты не хочешь оспаться со мною?

Софія Естли бы я и могла побѣдить спрасъ свою — — —

Добровѣ (сѣ жаромъ) Спрасъ свою! — Софїя! думалъ ли я когда нибудь, чтобы ты въ состоянїи была такъ унизишься — такъ развратишься — и на моихъ глазахъ! Излишняя увѣренность ослѣпила меня. — И такъ ты не думаешь о томъ, что нещасной мужъ твой будетъ посмѣшищемъ всего свѣта, котораи обыкновенно глумается невѣрною женою и шьнитса на счетъ оманутаго мужа! Знай
шоль-

только, что ты будешь причиною преждевременной смерти моей. Все станешь мнѣ напоминать заблужденіе, на которомъ основывалъ я свое счастье; все будешь терзать меня, и жизнь моя не продолжится. Смотри, Софія! здѣсь буду я бороться со смертию, здѣсь будешь стоять гробъ мой! (*Молчаніе — Софія закрываетъ платкомъ*) Хорошо, забудь меня, забудь, но подумай о собственной судьбѣ твоей. Ты надеешься, можешь быть, найти счастье въ объятіяхъ своего развратителя? Нѣтъ, Софія, минувшіе восторги, минувшія изступленія спраски не могутъ содѣлать благополучія жизни нашей. Не уже ли ты думаешь, что развратной твоей любовникъ — (*отъ сильнаго внутренняго движенія перерывается слова его*) — злодѣи, копорой погубилъ тебя и меня — меня, пригласившаго его въ свой домъ какъ друга — Софія! не уже ли ты думаешь, что онъ можетъ любить тебя постоянно? Но онъ и не любитъ те-

бя, или любитъ такъ, какъ любилъ онъ тысячу презрѣнныхъ женщинъ

Софія Что со мною ни будетъ, намъ надобно разстаться Я уже потеряла любовь твою, ставъ ее недостойною. Никакое раскаяніе не можетъ мнѣ возвратить ее Тебѣ не лзя прощипть меня, не лзя — —

Добровъ (хочетъ опять броситься передъ нею на колѣни). Софія!

Софія (вскочивъ со стула) Я рѣшилась! — Умертви меня, если хочешь, — или я вижу тебя въ послѣдній разъ.

Добровъ А! когда такъ — (сбъ жаромъ) предаю тебя судьбѣ твоей! — Не ожидай отъ меня мщенія, о которомъ говорилъ я въ первомъ безпамятствѣ Ты почувствуешь его глубоко въ сердцѣ своемъ, но не моя рука накажетъ тебя Спущай, несчастная! шеперь нѣтъ у тебя супруга. (Естаетъ и стараясь казаться спокойнымъ) Принадлежащее вамъ шеперь же получше (Оттираетъ бюро и вынимаетъ изъ одного ящика бумагу, а изъ

Софія (бросаясь къ ногамъ его и рыдая) Въ послѣдній разъ прошу тебя — забудь меня! Въ послѣдній разъ

Добровъ (вырываясь) Желаю вамъ всякаго добра (учо дитѣ въ кабинетъ Софія бросаетъ и въ дѣрямбъ, но онъ запираетъ ихъ — Занавѣсъ опускается)

С Ц Е Н А Ш

(Могъ Комната освѣщена слабо Софія, въ дорожномъ платьѣ, сидитъ подлѣ стола, гдѣ горитъ свѣта Нѣсколько минутъ молчитъ)

Не могу забыть его голоса, его взоровъ. — Ахъ! я не знала его прежде! — (Встаетъ и подходитъ къ окну) Что его такъ долго нѣтъ? — (Глазамъ ея представляются туга, гдѣ въ кустахъ поютъ соловьи, рѣка и за рѣкою большая дубовая роща Луна ясно освѣщаетъ предметы) Какая ночь! какія мѣста! (Срываетъ со стола свѣту, ставитъ ее на клавишнѣ,

стоящей близъ окна, садится, играетъ фантазю, поглядывая въ окно; потомъ развертываетъ нотную книгу, играетъ нотную мелодю и поетъ тихими голосами)

Мѣста прятныя, простите!
Я вижу васъ въ послѣдній разъ.
Слезу изъ сердца въ даръ примите! —
На вѣки оставляю васъ

Скроюсь я въ лѣсахъ дремучихъ
И спячу тамъ во мракѣ жишь,
Подъ тѣнью соснѣ въ пещерахъ сыпучихъ
Я буду день и ночь бродить.

Мѣста прятныя, простите! и проч.
(Перестаетъ играть и сидитъ нѣсколько времени въ задумчивости, потомъ встаетъ и пододвигаетъ опять къ окну) Ночь проходила, звѣзды блистаютъ слабо, луна скрывается; показывается заря — а его нѣтъ.
(Ставитъ опять свѣцъ на столѣ, садится, опираетъ стѣну на столѣ ларчикъ, и находитъ портретъ Доброва) А! ты здѣсь! Вонъ! вонъ!
И кидаетъ его на землю, и потомъ

опять подыметъ). Прости мнѣ! (*кладетъ его на столъ*) Оставайся здѣсь

Ле-Тьень (*подъ окномъ*) Софія!

Софія (*подбѣгая къ окну*). Другъ мой! — Воуди, воуди! двери опперты.

Ле-Тьень (*входитъ изъ саду въ боковую дверь* *Софія* бросается въ его объятія) Все готово?

Софія. Все рѣшено, и я предаюсь тебѣ. О другъ мой! что мнѣ надлежало вытерпѣть! — Удалимся, оставимъ, забудемъ все!

Ле-Тьень. Софія! если бы я могъ изъяснить тебѣ свои чувства, кошорья возбудило въ сердцѣ моемъ твое письмо — —

Софія На что изъясненія? я все чувствую —. Теперь ты для меня все, все! Тамъ, во шмѣ Брянскихъ лѣсовъ, будемъ лишь другъ для друга; тамъ будетъ и гробъ мой

Ле-Тьень. Если все готово, поѣдемъ

Софія Поѣдемъ! — (*Смотря на него съ нѣжностію*) Теперь ты меня

лю-

убишь — я это вижу, чувствую —
естьли ты когданибудь перемѣ-
ишься, когданибудь перестанешь
убить меня — —

Ле - Тъень. Я?

Софія. Что со мною будешь?

Ле - Тъень. Какая мысль! — Со-
мя! (беретъ ея руку и цѣлуетъ).

Софія (взглянувъ на него со слезами).
спомни тогда, чѣмъ я тебѣ пожер-
вовала, и люби меня хотя изъ благо-
родности!

Ле - Тъень. Клянусь тебѣ всѣмъ,
да есть свято, клянусь — —

Софія (съ улыбкою и сквозь слезы).
убить меня?

Ле - Тъень. Любишь тебя болѣе
его на свѣтѣ.

Софія. Другъ мой! сердце наше
убить и не любить иногда проливъ
ли нашей.

Ле - Тъень. Я не достоинъ буду
шь ни одной минушы, ежели пере-
стану любить тебя.

Со-

Софія (обниная его). Поѣдемъ!
Ле-Тъень. Коляска моя споймѣ
въ полуверстѣ отсюда — я тамъ бу-
ду тебя дожидаться.

Софія. Хорошо.

Ле-Тъень. Прости же!

Софія. Не говори никогда *про-
сти* — это слово для меня страшно.

Ле-Тъень. О Софія! (цѣлуетъ
ея руку и уходитъ).

Софія (провожаетъ его глазами,
задумывается, молчитъ нѣсколько ми-
нутъ, и становится на колѣни) Бо-
же! (дрожащи нѣ голосомъ, поднявъ
глаза и руки вверхъ) Боже! я дер-
заю молить Тебя! — Ниспошли миръ
въ сердце оскорбленнаго мною супру-
га! Ушѣшь, успокой его! — Услышь
сердечную молитву мою, Опецъ мило-
сердый! — (Встаетъ и беретъ со-
стала ларчикъ) Я уже никогда не воз-
вращусь сюда, никогда, никогда!

(Уходитъ)

(Окончаніе сообщено будетъ
въ слѣдующемъ нѣсяцѣ)

АНТИПОДЫ (*).

Надлежало бытъ всемірному совѣщу. Ошдалениѣише народы изъ всѣхъ часшей свѣта прислали Денушаповъ своихъ вѣ назначенное къ тому мѣсто. Нѣконецъ, противъ всякаго чаянія почшснныхъ Ошцевъ, явились и Антипоцы. Всякой бѣжалъ смотрѣть ихъ, и всякой имъ дивился. Они были неописанной красоты. Вѣ глазахъ ихъ изображалось спокойствіе и душевное благородство. Однимъ словомъ, взглянувъ на нихъ, можно было заключить, что они намъ во всемъ противоположны. Имъ дали мѣсто вѣ собраніи и предложили разные вопросы, на которые ошвѣщсшвовали они слѣдующимъ образомъ:

„Вѣ чемъ состоишь ваша Ре-
лигія?“ — Вѣ томъ, что мы любимъ Бога Господа нашего всѣмъ серд-

(*) Сія піеса и слѣдующая переведены изъ сочиненій Іоан. Вал. Андрея, Автора шестнадцатого вѣка. И такъ уже за двѣсти лѣтъ ни еадъ иѣнше аѣ такомъ шонѣ!!! — К.

сердцемъ и всею душею, а ближняго какъ самихъ себя.

„Сисстема Политики?“, — заключаешся въ правилѣ будь доброй человѣкъ, никого не обижай, и отдавай всякому своё.

„Философія?“, — Есть всегдашнее приуготовленіе ко смерти.

„Что вы думаете о бракѣ?“, — То, что соединеннаго Богомъ человѣкъ разлучить не можешъ.

„Въ чемъ состоиптъ вашъ промыселъ?“, — Въ томъ, чтобы въ пошъ лица своего доставать себѣ хлѣбъ.

„Цѣль жизни вашей?“, — Есть щастіе по смерти. —

И такъ, любезные мои собратія — сказалъ председающій Епископъ къ прочему собранію — и такъ чему дивншься, что по сіе время сомнѣвались въ существованіи Антиподовъ?

ПОГРЕБЕННАЯ ИСТИНА.

Когда по многимъ примѣшамъ узнали то мѣсто, гдѣ погребена Истина, то стали рыть землю, и работающа нѣсколько дней сряду, нашли наконецъ гробъ. Онъ былъ самой простой. Его вынули и не нашли на немъ никакой иной подписи, кромѣ словъ *въ мое время*. Расколопи доски, и увидѣли трупъ, искаженнои, покрышой всякою нечистотою, и бальзамированнои не мазями и не ароматами, а разными вонючими жидкостями, такъ что съ великимъ трудомъ могли его вычистить. Тогда нашли въ головахъ мѣдную дощечку съ сею надписью:

Здѣсь лежитъ
Истина,
дщерь Царя Царей,
суевѣремъ,
соблазномъ и чувственностію,
злоупотребленіемъ власти,
лѣностію жрецовъ и хитростію
Политиковъ,
легкомысліемъ Историковъ,

педантизмомъ Ученыхъ
и глупосію народа
умертвленая,
и здѣсь въ нечистотѣ лжей
погребенная.

Прощетъ столѣтіе,
и солнце паки меня узришъ
Буди благословенно попомство!

Когда обнародовали сію этиграфію,
то всѣ и радовались и огорчались вмѣ-
стѣ. Негодовали на предковъ своихъ,
и прославляли настоящее время. Со-
орудили изъ мрамора великолѣпной
монументъ, и свящую Истину съ ве-
ликою пышностію — оная погребли
подъ онымъ.

Мѣдную дощечку съ надписію
прибили надъ могилою, а подъ нею
съ полнымъ удовольствіемъ пошисали

„Естьли бы жили мы во времена
отцевъ нашихъ, то мы не сожла-
сались бы съ ними умер-
твить Истину „

Х О Р Ы ,

Пѣтые въ праздникъ, бывший у Его
Свѣтлости Г. Генералъ - Фельдмар-
шала и Великаго Гетмана, Князя
Григоря Александровича Потемки-
на Таврическаго, въ присутствіи ЕЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТ-
СТВА. 1 и ИХЪ ИМПЕРАТОР-
СКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, Апрѣля 28
дня 1791 году, въ Санктпетербургѣ (*).

I.

ДЛЯ КОНЦЕРТА.

Отъ крылъ Орловъ парящихъ
По Югу воешь шумъ;
Погрязли въ морѣ флоты,
Легли въ поляхъ полки,
Съ холмовъ низверглись грады,
Запмилася Луна;
Подъ Росскою рукою
Склонилъ чело Дунай.

* * *

Владычица полсвѣта,
Россянъ храбрыхъ Мать!

Ф

ВЪ

1 Вчера получилъ я сіе стихотвореніе отъ по-
чтеннаго Сочинителя, и спѣшу. он е сообщитъ
читателямъ Московскаго Журнала. 20 Мл. —

ВЪ богоподобной славѣ,
Въ сіяньи благъ Твоихъ,
Твоимъ небеснымъ взоромъ,
Какъ радуга на пошѣ,
Благоволи приникнушь
На сонмъ Твоихъ похвѣдъ!

Воззри. — ^{*} какъ ^{*} въ ^{*} небѣ звѣзды,
Какъ въ домѣ семъ огни (*),
Такъ ревностью горѣи
Въ бояхъ Твои сыны
Мое жь къ Тебѣ усердье
Коль можно гѣ съ чѣмъ сравнить,
Давно о Тебѣ вселенна
Воздвигнула олшарь

II.

ДЛЯ КАДРИЛИ,

*Изъ двѣдцати тѣхъ и речѣ нарѣ состо
явшей*

Громъ побѣды раздавайся!
Веселься храбрии Россѣ!
Звучной славой урицайся!
Магомѣ пины и мѣ юсѣ.

СЛА-

(*) 100,000 лампадъ освѣщали домъ.

Славься симъ ЕКАТЕРИНА !
Славься нѣжная къ намъ Мать !

* * *

Воды быспрыя Дуная
Ужь въ рукахъ шееръ у насъ;
Храбростьъ Россовъ почитая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ
Славься симъ ЕКАТЕРИНА !
Славься нѣжная къ намъ Мать !

* * *

Ужь не могутъ орды Крыма
Ныль рушить нашъ покой,
Гордость низишся Селима,
И ольнѣе пѣ онъ съ Луной.
Славься симъ ЕКАТЕРИНА !
Славься нѣжная къ намъ Мать !

* * *

Звукъ Синила (*) рздаешся
Днесъ въ поцсолночной вездѣ,
Зависть и вражда машешся
И не рзаешся въ себѣ.
Славься Симъ ЕКАТЕРИНА !
Славься нѣжная къ намъ Мать !

* * *
Ф 2

Мы

*) Древнее мазваніе Измаила,

Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ враги могли по зрѣшь,
Что свои готовые руки
Въ край вселенной мы проспершь.
Славься симъ ЕКАТЕРИНА!
Славься нѣжная къ намъ Мать!

* * *

Зри Премудрая Царица,
Зри Великая Жени,
Что Твой взглядъ, Твоя десница
Нашъ законъ, душа одна.
Славься симъ ЕКАТЕРИНА!
Славься нѣжная къ намъ Мать!

* * *

Зри на блещущи соборы,
Зри на красной эполѣ строи.
Всѣхъ сердца Тобой и взоры
Оживляются одною
Славься симъ ЕКАТЕРИНА!
Славься нѣжная къ намъ Мать!

* * *

Зри Монархъ и утѣшайся
На побѣдъ Твоихъ вѣнецъ!
Зри, о Мать! и восхищайся
На любовь къ Тебѣ сердецъ!

Слави

Славься еимѢ ЕКАТЕРИНА!
Славься нѣжная къ намѢ Мать!

III

ДЛЯ ПОЛЬСКАГО.

Возвращившись изъ походовъ,
Принеся съ собой трофеи,
Среди звуковъ, среди громовъ
Плодъ побѣды вы своей
Торжествуйте, Россы бранны,
Славой, честию вѣнчанны!
Торжествуйте, ликуйте,
Наполяйте плескомъ свѣтъ!
Всеи вселенной доказуйте,
Что храбры васъ въ свѣтъ нѣтъ;
Нѣтъ храбре и сильнѣе,
Васъ Царямъ своимъ вѣрнѣе!

* * *

Вы въ поляхъ ли гдѣ сражались,
Были тысячи вы стомъ,
На моряхъ ли въ бой пускались,
Флоты рушили огнемъ;
Гдѣ вы грады осаждали,
Страшны стѣны ихъ упали,
Пали съ трескомъ, пади съ громомъ;
Раздалася слава въ свѣтъ,
Что съ Россійскимъ храбрымъ родомъ

Сопрошивника днесъ нѣтъ
Нѣтъ имъ спорника во брани;
Рвутъ вездѣ ихъ лавры длани

* *
 4

Въ лаврахъ ты шею въ ликуемъ,
Исторженныхъ у враговъ
Вамъ, Россіяны, друземъ
Храбрыхъ нашихъ надъ боюмъ!
Раздѣляйте съ нами славу,
Честь, ушъли и зову,
Раздѣляйте, обоцрайте
И впередъ къ побѣдамъ насъ!
Жаръ въ сердца вы намъ вливайте!
Вашъ надъ нами сиденъ гласъ
За единъ вашъ взглядъ лю оги
Лишь мы рады токи крои

* *
 *

За одну Твою щедроту,
За одинъ Твой крошкѣй взглядъ,
Сердце душу, жизнь, олошу,
Россѣ впресе на крелву радъ,
О любезъ Мать природа!
Вѣрь, ты щедрая Природа
Съ шѣлою Твоею насъ наградила,
Чтобъ Ты зучи будеса
Съ храбрыми Россомъ сотворила.

Продолжите, Небеса!
Продолжите ЕЯ лѣта
Къ удивленью всего свѣта!

IV.

ДЛЯ БАЛЕТА,
*Бывшаго при вѣ ЕЯ ИМПЕРАТОР.
СЪЯТО ВЪЯВЛЕНСТВЯ Именемъ,
окружены нѣ солнечными лучами.*

С оль Твоими мы дѣлами,
Видя Твоего лучами,
Именемъ Твоимъ омажены,
И душами восхищены!
Зри на наши здесь Ты лица,
Наша Мать, ИМПЕРАТРИЦА!

Гдѣ Твое лишь Имя, взоры:
Громы, звуки, песни, хоры
Тамъ повсюду раздаются,
Восклищанія несутся
Всѣхъ Тобоя мы въ срѣшѣ краше,
Лучезарно Славе наше!

* * *

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕ-
СТВЕННИКА

(Продолжение)

Мейсенъ, Юля 13

Я рѣшился нынѣ поутру ѣхать въ Лейпцигъ въ публичной почтовой коляскѣ (которая называется желтою, *gelbe Kutsche*, для того что обива желтымъ сукномъ) Въ десять часовъ надлежало ей выѣхать Отдавъ свой чемоданъ Шафнеру (такъ называется въ Саксонии проводникъ почты), и сказавъ ему, что буду дожидаться коляски на дорогѣ, пошелъ я изъ Дрездена пѣшкомъ въ 9 часовъ утра. Намной слуга согласился за нѣсколько грошей быть моимъ провожаемымъ

Скорыми шагами вышелъ я изъ города, но вышедши, почти на каждомъ шагу останавливался и любовался прекрасною Нитурою и плодами трудолюбія Дорога идетъ вдоль по берегу Эльбы На лѣвой сторонѣ зарѣкою видны горы, покрытыя частымъ зеленымъ березнякомъ и ольхами, а на правой простирается плодоносная рав-

равнина съ полями и деревеңками, кошорую въ опдалени ограничивають виноградные сады

Какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя Я вездѣ видѣлъ благоденствіе, щастіе и миръ Пшички, кошорья порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, казались мнѣ блаженными пѣварями Онѣ чурсквукшѣ быліе свое — думалъ я — чувствуюшѣ, и наслаждаются имѣ Въ каждомъ поселянинѣ, идущемъ по лугу, видѣлъ я благополучнаго смершнаго, имѣющаго съ избыткомъ все то, что пошребно человеку Онѣ здоровѣ трудами — думалъ я — веселѣ и щастливѣ въ часѣ опдохновения, будучи окруженѣ мирнымъ своимъ семействомъ, сидя подлѣ вѣрной своей жены, и смотря на играющихъ дѣшекъ своихъ Всѣ его желанія, всѣ его надежды ограничиваются пространствомъ его поля цвѣшущѣ поля, цвѣшущѣ душа его — Молодая крестьянка съ посошкомъ была для меня Аркадскою насшушкою.

Она слышитъ къ своему пастуху — думала я — кошорои дождашся ее поѣдь шѣню к шшшного дерева, — тамъ, на правомъ сторонѣ, блазъ в иноградныхъ садовъ. Онь чувствуетъ электрическое погрѣсеніе въ своемъ сердцѣ, роптаетъ и вѣнпѣ свою любезную, копорая издали грозилъ ему носомкомъ своимъ. Какъ же съжитъ ей на встрѣчу гѣ неч! Пастушка улыбается, идетъ скорѣе, скорѣе, скорѣе — и бросается въ отверстыя оѣянна малаго своего пастуха. — Путемъ видѣлъ я ихъ сидящихъ другъ подле друга подъ каштановымъ деревомъ. Они рѣввались какъ нѣжныя горлицы.

Я сѣлъ на дорогу, и дождался почтовой коляски. Шифлеръ оставилъ мѣ мѣсто напередъ подѣ окошка, для шоро (сказалъ онъ) чшобы я могъ наслаждаться прѣшными видами; правду ли онъ сказалъ или нѣтъ — не знаю на сей разъ. Гель изсѣловалъ. У меня было гдесъ челоуѣкъ поварщев. Двѣ важныя дамы въ черныхъ шляпахъ —

(вѣдь

(рѣчь вы, друзья мои, конечно согласитесь со мною, что даму можно на вашу манерку?) — пожелал Магистеръ, или директоръ школъ Подпопѣвникъ, въ рѣчь парикъ, — гусецъ и двое молодыхъ Студентовъ, Лейпцигской и Прагской. С сею послѣдней сидѣлъ подле меня, и пропелъ въступилъ со мною въ разговоръ — и о чемъ же, думаете вы? Почти непосредственно о Мендельсоновомъ Федотѣ, о душѣ и плѣхѣ. „Федотъ, сказалъ онъ, есть можетъ быть самое остроумишее философическое сочиненіе; однако жъ всѣ догадывающіяся безмерныя нашего основывающаго Аршера на одной гипотезѣ Много върочаго исти, но нѣтъ увѣренія, и едва ли не неизбежно будемъ мы искать со рѣтвореніяхъ древнихъ и новыхъ философовъ!“, — На что онъ искалъ сло въ чувствахъ своего сердца, сказалъ — О! государь мой! возривай Судебный сердечной увѣреніе не есть еще философическаго увѣреніе, оно не свадано; теперь вы чувствуете его, а черезъ

ми-

мннушу оно исчезнетъ, и вы не найдете его мѣста. Надобно, чтобы увѣреніе основывалось на доказательствахъ, а доказательства на шѣлѣ врожденныхъ понятій чистаго разума, въ которыхъ заключающа всѣ вѣчныя, необходимыя истины. Сего-то увѣренія ищетъ Ученой въ уединенныхъ сѣняхъ, во мракѣ ночи, при слабомъ свѣтѣ лампы, забывая сонъ и отдохновеніе. — Гжели бы могли мы узнать точно, что такое есть душа *стма въ себѣ*, то намъ все бы открылось, но — — — Тупѣ вынулъ я изъ записной своей книжки одно письмо почтеннаго Л* * *, и прочиталъ Студенту слѣдующее.

„ Глазѣ, по своему образованию,
„ не можетъ смотрѣть на себя безъ
„ зеркала Мы видимъ себя только
„ въ другихъ предметахъ (*unser Ich*
„ *siehet sich nur im Du*) Чувство бы-
„ тия, личность, душа — все это су-
„ ществуетъ только по тому, что
„ въ насъ существуетъ, — по фе-
„ номенамъ или явленіямъ, которыя
„ (ка-

„ (кажется) до насъ касаются., —
, Прекрасно! сказалъ Студентъ, —
прекрасно! Но еслии думаешь оиъ,
что., — — Тупъ голяска основано-
вилась, Шифтеръ отворилъ дверь, и
сказалъ „Госпожи и господа! извольте
обѣдать.,

Мы вошли въ шракширѣ, гдѣ уже
накрытъ былъ столъ. Намъ подали
пивни суиъ съ лимономъ, чашъ ла-
реной шеляпины, салатъ и масло,
— за что взяли послѣ съ каждаго
копѣекъ по сороку

Дорога до самаго Мейсена весьма
приятна. Земля вездѣ наилучшимъ
образомъ обработана. Виноградные
сады, которые сперва видны были въ
отдаленіи, подходящѣ ближе къ Эль-
бѣ, и наконецъ только одна дорога
отдѣляетъ ихъ отъ рѣки. Тутъ по-
дымаются почти перпендикулярно
огромныя граниты. Нѣкоторые изъ
нихъ — чего не дѣлаетъ шрудо-
любіе! — покрыты землею и превраще-
ны въ сады, въ которыхъ родится
лучши Саксонскіи виноградъ — На
дру-

другой стороны Эльбы представляюща-
ся развалины разбойничьихъ замковъ.
Тамъ гнѣздятся нынѣ лешучія мыши,
свиспятъ и воютъ въщры

Одинъ древній Поэтъ сказалъ

*Est locus, Albiacis ubi Misna regatur ab unda
Fertilis et viridi totus amoenus humo.*

Въ этомъ мѣстѣ менеръ я. — —

Менсенъ лежитъ частію на горѣ, ча-
стію рѣ долинѣ. Окрестности пре-
красны, только городъ самъ по себѣ
очень не красивъ. Улицы не ровны и
не прямы, дома почти все готиче-
скіе, и показываютъ странной вкусъ
прошедшихъ вѣковъ. Главная церковь
есть большое зданіе, почтенное по
своей древности. Старой дворецъ
лежитъ на горѣ. Нѣкогда воспитыва-
лись тамъ Герои отъ племени Вит-
шекиндовъ (сего славнаго Саксонскаго
Принца, которой столь храбро защи-
щалъ свободу своего отечества, и
котораго Карлъ Великій побѣдилъ не
оружіемъ, а великодушіемъ своимъ).
Нынѣ въ семъ дворцѣ дѣлаютъ славной
Саксонской фарфоръ. Чтобы видѣть
фабрику, надобно выпросить билетъ у
главнаго Индиршеля Г.

Г. Маттеи былъ нѣсколько лѣтъ
директоромъ здѣшней школы ; но за
нѣсколько нѣдѣль передъ симъ оста-
вилъ онъ Мейсенъ и уѣхалъ въ Вип-
шенбергъ. Ему конечно вездѣ дадутъ
мѣсто. Онъ почитается въ Герма-
нїи однимъ изъ лучшихъ Филологовъ.

Надобно садиться въ коляску, и
проехать съ перомъ до Лейпцига

Лейпцигъ, Іюня 14.

Дорога отъ Мейсена идетъ спер-
ва по берегу Эльбы. Рѣка, крошкая
и величественная въ своемъ теченїи,
журчитъ на правой сторонѣ ; а на
лѣвой возвышаются скалы, увѣчан-
ныя зеленымъ кустарникомъ, изъ за-
котораго въ разныхъ мѣстахъ показы-
ваются сѣдые мшистые камни

Отъѣхавъ отъ Мейсена съ пол-
тилами, вышли мы съ Прагскимъ Сту-
дентомъ изъ коляски, которая ѣхала
очень тихо, и вершины двѣ шли пѣш-
комъ. Послѣ вопроса, женатъ ли я ?
и послѣ отрицательнаго отвѣта,
Студентъ мой началъ говорить о
жен-

женщинахъ, и припомъ не въ похвалу ихъ. На гробъ друга моего — сказалъ онъ — друга, которой пошелъ въ землю отъ несчастной любви къ одной въпрейой, легкомысленной женщинѣ, клялся я удаляться отъ эпова опаснаго для насъ пола, и вѣчно быть холостымъ. Науки занимаютъ всю мою душу — и, благодаря Бога! я могу быть щастливъ самъ собою., — Тѣмъ лучше для васъ, сказалъ я

Спали находить облака, и мысли оныя въ коляску. Тутъ Магистеръ шумѣлъ съ Лейцигскимъ Студентомъ о теологическихъ истинахъ. Сей послѣдній предлагалъ разныя сомнѣнiя. Магистеръ брался все рѣшить, но, по мнѣнiю Студентову, не рѣшилъ ничего. Это его очень сердило. „Наконецъ я долженъ вспомнить — сказалъ онъ, попирая рукою свой красной лобъ — что нѣкоторые люди совсѣмъ не имѣютъ чувства истины. Головы ихъ можно угодобить бездонному сосуду, въ которой ничего влишь не лъзя, или же-

лѣзному шару, въ которой ничто проникнуть не можетъ, и отъ котораго все отпрыгиваетъ,, — — И шакія головы, перервалъ Студентъ, часто бывающъ покрыты рыжими париками, и торчатъ на каедрахъ. — Госудръ мой! закричалъ Магистеръ, поправля свои парикъ: о комъ вы говорите? — О шѣхъ людяхъ, о которыхъ вы сами говорите начали, — спокойно отвѣчалъ Студентъ. — Лучше замолчать, сказалъ Магистеръ. — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Студентъ.

Между шѣмъ наступила ночь. Магистеръ снялъ съ себя парикъ, положилъ его подлѣ себя, надѣлъ на голову колпакъ и началъ пѣть вечерняя молитвы неспроиннымъ, дикимъ голосомъ. Лейпцигской Студентъ тотчасъ приспалъ къ нему, и они, какъ добрые ослы, зашянули такое дуо, что надобно было зажать уши. — Къ счастью, пѣвцы скоро унялись; въ коляскѣ все замолкло, и я заснулъ

На разсвѣтѣ остановились мы перемѣнять лошадей, и когда стали

выходить изъ коляски, чтобы идти въ прачширъ пить кофе, Магистеръ хватился своего парика, искалъ его подлѣ себя и на землѣ, и не могши найти, поднялъ крикъ и вонь: „Куда онъ дѣвался! Какъ мнѣ быть безъ него! какъ я бѣдной покажусь въ городъ!“, — Онъ приступилъ къ Шафнеру, и требовалъ отъ него, чтобы парикъ его непременно былъ опысканъ. Шафнеръ искалъ и не находилъ. Лейцигской Студентъ пирански смѣялся надъ горестною бѣднаго Магистера, и наконецъ, какъ будто бы смаясь надъ нимъ, совѣтовалъ ему поискать у себя въ карманахъ. Чего шутъ искать! сказалъ онъ; однако жь опустилъ руку въ карманъ своего кафтана, и — вытащилъ парикъ. Какая минута для живописца! Магистеръ отъ внезапной радости разинулъ ротъ, держалъ парикъ передъ собою, и не могъ сказать ни одного слова. „Вы ищете замлю того, что у васъ подъ носомъ“, — сказалъ ему Шафнеръ съ сердцемъ; но душа его была въ сию ми-

минутой такъ полна, что ничто извнѣ не могло войти въ нее, и Шафнерова риторическая фигура проскочила естли не мимо ушей его, но по крайней мѣрѣ сквозь ихъ, но естъ (сообразно съ Малембраншевою гипотезою о происхожденіи идей) не начертая на его мозгу никакого особеннаго знака, или (по-Боннетову) не потрясая тамъ никакой новой или *дѣствительно* фибры (fibre vierge). Конечно долѣе минуты продолжалось его безмолвное восхищеніе. Наконецъ онъ засмѣялся, и надѣвая на себя парикъ, увѣрялъ насъ, что онъ Магистеръ не клалъ его въ карманъ, а какъ оной парикъ зашелъ туда, о томъ вѣдаешь Сапана и — — Тупъ взглянулъ онъ на Лейпцигскаго Студента и замолчалъ.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеніи приѣхали мы нынѣ въ Лейпцигъ въ 4 часа по полудни.

Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за нѣскольлѣшъ передъ симъ, здѣсь хотѣлъ

я собрать нужное для исканія той испины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ поскуешъ мое сердце! — Но Судьба не хотѣла исполнить моего желанія.

Воображая, какъ бы я могъ провести шѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горечь въ сердцѣ и слезы въ глазахъ — Не лзя возвратить пошеряннаго! —

Въ 11 тасовѣ ноги. Я остановился въ трактирѣ у Мемеля прошивъ почтоваго двора Комнаша у меня чиста и свѣшла, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ свой чемоданъ, рассказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ, заведенчомъ въ его домъ, — о своей безкорыспности, честности и проч. „Всѣ шѣ, которые жили у меня — говорилъ онъ — были мною довольны. Я получаю конечно не много барыша, да за то идетъ обо мнѣ добрая слава; за то у меня совѣспь
чи-

чиста и покойна — а у кого покойна совѣсть, тогда щасливѣ въ здѣшней жизни, и ничего не боится, и ни ошѣ чего не блѣднѣетъ, — — Въ самую сію секунду грянулъ громъ, и Г. Мечель испутился и поблѣднѣлъ. Что съ вами случилось? спросилъ я. „Ничего, отвѣчалъ онъ запинаясь, ничего; только надобно затворить окошко, чтобы не было сквознаго вѣтру.“

Въ нынѣшнее лѣто я еще не видалъ и не слыжалъ такой грозы, кака была нынѣ. Въ нѣсколько минутъ покрылось небо тучами; заблестала молния, загремѣлъ громъ, буря съ градомъ зашумѣла, и — черезъ полчаса все прошло, солнце снова освѣтило небо и землю, и практирщикъ мой опять началъ говорить о неуспѣшимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну, и, подобно ему, имѣетъ чистую совѣсть.

До самаго ужина пробылъ я въ своей комнатѣ, и писалъ къ вамъ, друзья мои

За ужиномъ познакомился я съ Гм. фонъ Клеиспомъ, которой служилъ Прусскому Королю Тайнымъ Совѣтникомъ, но по нѣкоторымъ непрятнымъ обстоятельствомъ долженъ былъ оставить службу и Пруссию, и которой, выгнавъ изъ воображенія своего всѣ призраки льстящей надежды, живетъ здѣсь въ философическомъ спокойствіи, наслаждаясь приятностію дружбы и обхожденія съ просвѣщеннѣйшими мужами Почтенной человекъ!

Прошедшую ночь провелъ я въ коляскѣ безпокойно. Теперь глаза мои смыкаются.

Юля 15.

Нынѣ поутру былъ я у Г Мелли, молодаго Женевца, здѣсь торгующаго, къ которому было у меня письмо изъ Петербурга отъ Ш * *, Англійскаго купца, и которой, принявъ меня очень учтиво, взялъ на себя продать здѣсь одинъ изъ векселей моихъ, а другой, Голландской, промѣнять на Французской — Отъ него зашелъ я въ теологическую аудиторію, видѣлъ множество при-

присутствующихъ, но мало слушающихъ. Дѣло шло о нѣкоторыхъ Еврейскихъ словахъ — это не мое дѣло — и я, постоявъ у дверей, ушелъ.

Потомъ бродилъ я нѣсколько часовъ по городу и вокругъ города, занимаясь мѣстными наблюденьями. Собственно такъ называемой городъ очень не великъ, но съ предмѣстїями, гдѣ много садовъ, занимаетъ уже довольноное пространство. Мѣстоположеніе Лейпцига не такъ живописно, какъ Дрездена: онъ лежитъ среди равнинъ — но какъ эти равнины хорошо обработаны и, такъ сказать, *убраны* полями, садами, рощицами и деревенками, то взоръ находитъ путь довольно разнообразія, и не скоро утомляется. Окрестности Дрезденскія прекрасны, а Лейпцигскія прїятны. Первыя можно уподобить такой женщинѣ, о которой всѣ при первомъ взглядѣ кричатъ: *какая красавица!* а послѣдняя такой, которая всѣмъ же нравилась, но только *тихо*; которую всѣ же хвалятъ, но только безъ вос-

шорга ; о которой съ крошкимъ, прыпцымъ движеніемъ души говорятъ : *она милвидна !*

Дома здѣсь такъ же высоки, какъ и въ Дрезденѣ, т. е. по большой части въ чешыре эшажа ; что принадлежитъ до улицъ, то онѣ очень не широки. Хорошо, что здѣсь по городу не ѣздятъ въ карешахъ, и пѣше не боялся быть раздавлены !

Я не видалъ еще въ Германіи такого многолюднаго города, какъ Лейпцигъ. Торговля и Университетъ привлекаютъ сюда множество иностранцевъ. —

Послѣ обѣда былъ я у Г. Бека, молодого, но весьма уважаемаго, по его знаніямъ и талантамъ, Профессора. Я отдалъ ему письмо къ Магистеру Р[†], которой у него жилъ, но котораго здѣсь уже нѣтъ. Г. Бекъ рассказалъ мнѣ, что за нѣсколько времени передъ симъ онъ былъ вызванъ изъ Лейпцига однимъ деревенскимъ дворяниномъ, съ тѣмъ, чтобы быть Провѣдникомъ въ его деревнѣ ;
но

но что прѣхавъ туда, нашелъ онъ много пренятствій со стороны Духовныхъ; что ему надлежало выдержавъ преспрогой экзаменъ, на которомъ старались его разбить и запутать въ словахъ; что онъ, вышедши наконецъ изъ себя, схватилъ шляпу, пожелавъ высокоученымъ своимъ испытателямъ побольше любви къ ближнему, ушелъ и скрылся, неизвестно куда.

Профессоръ Бекъ есть тихой, скромной человекъ, осторожной въ своихъ сужденіяхъ, и говорящій съ великою опредѣленностію и чистотою. Отъ него узналъ я о славѣ Анахарсиса, сочиненія Аббата Бартеллеми. Лишь только онъ вышелъ въ свѣтъ, все Французскіе Литтераторы преклонили передъ нимъ колѣна свои, и признали, что древняя Греція, столь для насъ интересная — Греція, которой удивляемся мы въ ея развалинахъ и въ малочисленныхъ, до насъ дошедшихъ памятникахъ ея славы — никогда еще не была описана столь совершенно.

Геттингенской Профессоръ Гейне, одинъ изъ первыхъ знатоковъ Греческой Литтературы и Древностей, рецензировалъ Анахарсиса въ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ, и прославилъ его въ Германіи. Г. Бекъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего экземпляра.

Никто изъ Лейпцигскихъ Ученыхъ такъ не славенъ, какъ Докторъ Платнеръ, Эклектической Философъ, которой ищетъ истины во всѣхъ Системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ; которой на прим. въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ и тому и другому. Онъ умѣетъ писать ясно, и кто хотя нѣсколько знакомъ съ Логикою и Метафизикою, тотъ легко можетъ понимать его. Афоризмы Его весьма уважаются, и кто хочетъ пуститься въ лабиринтъ Философскихъ Системъ, тому могутъ онѣ служить Аріадниною нитью (*Crist Platner's Philosophische Aphorismen*). Мы хотѣлось его видѣть, и отъ Г. Бека

Бека пошелъ я къ нему. Онъ живетъ за городомъ въ саду. Въ алѣѣ встрѣтилась мнѣ молодая жена его, Вейсеева дочь, и сказала, что Господинъ Докторъ дома. Слуга пошелъ къ нему, а я остался въ сѣняхъ маленькаго его домика. Минуты черезъ двѣ вышелъ онъ самъ — высокою, сухощавой чело-вѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ острыми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. „Я уже слышалъ объ васъ отъ Г. Клеиспа, — сказалъ онъ мнѣ, и ввелъ меня въ свой кабинетъ. „Признаюсь вамъ, что я теперь занятъ, продолжалъ онъ. мнѣ надобно писать письма; завтра, объ эту пору, прошу васъ къ себѣ, — и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кланялся, подвигаясь къ дверямъ. „Какою, или какимъ наукамъ вы особенно себя посвящали?, спросилъ онъ, провожая меня. *Изящныя мѣ* (*), отвѣчалъ я

(*) Пріятель мой подъ изящными науками разумѣетъ *les belles lettres*. — К.

я и закрачнѣлся, — знаю, отъ чего — можешъ бышь и вы, друзья мои, знаешс

По томъ бродилъ я по садамъ и по аллеямъ. Рихтеровъ садъ великъ и хорошъ. Дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ, лѣпъ двѣнадцати, подала мнѣ при выходѣ букетъ цвѣтовъ. Это мнѣ очель полюбилось. Я поблагодарилъ дѣвушку и далъ ей — два гроша! !

Въ Вендлеровомъ саду вицѣлъ я Геллертовъ монументъ, сдѣланной изъ бѣлаго мрамора Профессоромъ Эзеромъ. Тутъ, смотря на сей памятникъ добродѣтельного мужа, дружбою сооруженной, вспомнилъ я то щастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою Библиотеку, когда, читая его *Никле* и *Ярико*, обливался я горькими слезами, или, читая *зеленаго осла*, смѣялся отъ всего сердца; когда Профессоръ **, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, мораль по Геллертовымъ лекціямъ (*Moralische Vorlesungen*) съ жаромъ говаривалъ

„Друзья

„Друзья мои! будьте таковы, как-
выми учишь васъ быть Геллертъ, и
вы будете щасливы! „ Сими воспо-
минаніями расстрогалъ я свое сердце.
Исторія жизни моеи представилась
мнѣ въ картинѣ. много свѣти и мрач-
ности! И что еще въ будущемъ ожи-
даетъ меня“

Я пошелъ изъ саду въ церковь
Св. Іоанна, гдѣ поставленъ Геллерту
учениками и друзьями его другой па-
мятникъ, представляющій Религію,
которая изъ мешалла вылитой и лав-
рами увѣнчанной образъ его подаетъ
Добродѣтели (прекрасная мысль!)
Объ ступи сдѣланы изъ бѣлаго мрамора
Внизу имя его и слѣдующая над-
пись, сочиненная другомъ его Гейне:
„Сему учителю и примѣру добродѣте-
ли и Религіи посвятило сей памят-
никъ общество друзей его и совре-
менниковъ, бывшихъ свидѣтелями его
достоинствъ. „ — Пріятно, восхи-
пительно для всякаго чувствительна-
го человека читашь такія надписи, и
знать, что не лесть, а истина на-
чер-

чертала ихъ. Всѣ, знавшие покойнаго Теллера, единогласно называли его мужемъ добродѣтельнымъ. Жизнь его была сильнѣйшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ людей, которые, видя порокъ во всякомъ уголку сердца человѣческаго, почитаютъ добродѣтель за одно пустое имя, — и тѣхъ, которые утверждаютъ, что Религія не дѣлаетъ людей лучшими. „Всѣмъ, что есть во мнѣ добраго — говаривалъ покойникъ тысячу разъ друзьямъ своимъ — всѣмъ обязанъ я Христіанству „ — Описание его жизни заключается сими словами „Невѣрно то удивленіе и безсмертіе, котораго ожидать могутъ произведенія творческаго духа, ибо вкусъ націй перемѣняется со временами, но честь его нравственнаго характера неплѣнна и непреходяща, подобно Религіи и Добродѣтели, которыхъ вѣкъ есть — вѣчность! „

Нѣтъ, Г. Мемель, я не пойду ужинать Я сяду подъ окошкомъ, буду читать Венсееву Элегію на смерть
Тел-

Геллерта, Крамерову и Денисову Оду; буду читать, чувствовать и — можетъ быть плакать. Нынѣшній вечеръ посвящу памяти добродѣтельнаго Оиѣ здѣсь жилъ и училъ добродѣтели!

Июля 16.

Нынѣ поутру слушалъ я Эстетическую лекцію Доктора Плашнера.

Эстетика есть *наука вкуса*. Она трактуетъ о чувственномъ познании вообще. Баумгартенъ первой предложилъ ее какъ особливую, отдѣленную отъ другихъ науку, которая — оставляя Логикѣ образованіе вышшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка — занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственного, т. е. воображенія съ его дѣйствіями. Однимъ словомъ, Эстетика учитъ чувствовать изящное и наслаждаться имъ.

Превеликая зала была наполнена слушателями, такъ что не гдѣ было унасъ яблоку. Я долженъ былъ остано-

но;

новипсья вѣ дверяхѣ. Плашнерѣ стоялъ уже на кафедрѣ и говорилъ. Все молчало и слушало. Никакой шорохѣ не мѣшалъ голосу Г. Доктора распро-страняться по залѣ. Я былъ далеко отъ него, однако жѣ не проронилъ ни одчого слова. Онѣ говорилъ о великомѣ духѣ или о *жени*, „*Жени*“, сказалъ онѣ, не можетъ заниматься ничѣмѣ, кромѣ важнаго и великаго — кромѣ *Натуры* и *человѣка* вѣ *цѣломѣ*. И такѣ *Философія*, вѣ высочайшемѣ смыслѣ сего слова, есть еіо наука. Онѣ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда вѣ отно-шеніи къ сей, всегда вѣ связи съ сею. Онѣ имѣетъ *особливую* способность находить сокровенныя сходства, аналогю, тайныя согласія вѣ вещахѣ; и потому часто видитъ связь тамѣ, гдѣ обыкновенной *человѣкѣ* никакой не видитъ, и потому часто находить важнымѣ то, что обыкновенному *человѣку*, котораго *взорѣ* простирается не далеко, кажется бездѣлкою. Лейбницѣ, великой Лейбницѣ, проѣхалъ

всю

всю Германію и Италію, рылся во
 всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили
 молью испоченныхъ бумагъ, для то-
 го, чтобы собрать матеріалы для
 Истории — Брауншвейгскаго Дому! !
 Но пронзательной Лейбнѣцъ видѣлъ
 связь сей Истории съ иными предме-
 тами, важными для человѣчества во-
 обще — Наконецъ во всѣхъ дѣлахъ
 такого великаго человѣка виденъ особ-
 ливой духъ ревности, которой, такъ
 сказать, оживляетъ ихъ и опличаетъ
 отъ дѣлъ обыкновенныхъ людей. Я
 вамъ пославлю въ примѣръ Франклина,
 не какъ Ученаго, но какъ Полишника.
 Видя оскорбляемая права челове-
 чества, съ какимъ жаромъ берется онъ
 бышь ходатаемъ онаго! Съ сей мину-
 ты перестаетъ онъ жить для себя,
 и въ общемъ благѣ забываетъ свое
 частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ
 его текущаго къ своей великой цѣли,
 которая есть благо человѣчества! —
 Сей же духъ ревности оживляетъ и
 опличаетъ сочиненія великихъ духовъ.
 Еслили бы можно было извлечь его,

на прим. изъ Мендельзоновыхъ Философическихъ Писемъ, или Іерузалемовой книги о Религии, то въ первыхъ осталось бы одно схоластическое мудрованіе, а во второй обыкновенные догматы Теологии, но оживляемые онымъ, возвышаютъ онъ душу читателя, —

Платнеръ говоритъ такъ свободно, какъ бы въ своемъ кабинетѣ, и при томъ очень приятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали его съ великимъ вниманіемъ. Сказываютъ, что Лейпцигскіе Студенты никоіо изъ Профессоровъ такъ не любятъ и не почитаютъ, какъ его — Когда онъ сошелъ съ кафедры, то ему какъ Царю дали просторную дорогу до самыхъ дверей „Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть — сказалъ онъ мнѣ — а если бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ бы приготовить для васъ мѣсто „ Онъ пригласилъ меня къ себѣ послѣ обѣда, и сказалъ, что поведетъ меня ужинать
въ

въ такое мѣсто, гдѣ я увижу нѣ-
которыхъ интересныхъ по ей
(Продолженіе сообщено будетъ впереди)

ПАРИЖСКІЕ СПЕКТАКЛИ (*).

Театръ въ Пале Рояль, которой
назывался прежде le Théâtre des Variétés,
становится день ото дня лучше Между
прочими хорошими Комедіями, на немъ
представленными, особливаго внима-
нія достойна Драма въ пять дѣйствій,
подъ титуломъ le Point d' Honneur,
или *тестъ*, сочиненія Гм Шапра-
помъ Мы предлагаемъ читателямъ
нашимъ планъ ея

Дѣйствіе происходитъ въ нашей
Американской Колоніи Въ прекрасную
дочь городского Комманданта влюбленъ
С Мери, храбрый, достойный, но не-

Ц 2

бо-

(*) Окончаніе той статьи, которая переплана бы-
ла въ Январѣ мѣсяцѣ Въ слѣдующихъ книж-
кахъ Издатель будетъ сообщать извѣстія о
новѣйшихъ Французскихъ пьесахъ, то есть
игранныхъ въ нынѣшнемъ году на Парижскихъ
Театрахъ.

богатои Офицеръ. Коммендантъ ра-
положенъ къ нему весьма хорошо ;
однако ль не хочешъ выдать за него
своеи дочери, естли онъ не полу-
читъ по крайней мърѣ Капитанскаго
чина Сверхъ того, будучи худымъ
Философомъ, укоряешъ онъ его
излишнею терпѣливостію въ обложде-
ни съ своими поварищами, хопя по
многимъ опытамъ и не можешъ ее
приписывать прусоссти У С Мери
естъ молодой другъ, Дариваль, копо-
рой по характеру своему совсѣмъ не
похожъ на него Онъ добросердеченъ,
но слишкомъ вспыльчивъ. Въ томъ же
польу служишъ Офицеромъ Гишпанецъ,
человѣкъ вѣрной и прищворной, име-
немъ Альваръ Онъ влюбленъ въ Мир-
зу, дочь Комменданшову, и сватается
за нее, но получаешъ отказъ, и узнаешъ,
кого избрало сердце ея Въ шу же
минушу рѣшился онъ искать его по-
гибели — Въ самое то время, ко-
гда С Мери получаешъ значной по-
дарокъ отъ неизвѣстнаго человѣка,
когда Министръ, узнавъ о послѣднемъ
храо-

храбромъ его дѣйствіи, награждаетъ его крестомъ и Кашипанскимъ чиномъ, и когда уже ничто не препятствуетъ ему жениться на Мирзѣ, злодѣи Альваръ, посредствомъ гнусной клеветы, возбуждаетъ противъ него вспыльчиваго Даривала, котораго въ первомъ жару досады оскорбляетъ друга своего самымъ непрощительнымъ образомъ. Надобно загладить сію обиду поединкомъ. Хотя молодой человекъ, узнавъ свою несправедливость, винится и получаетъ прощеніе, хотя С. Мери чувствуетъ, что безчеловѣчно будетъ воспользоваться слабостію руки, еще не привыкшей владѣть оружіемъ, и пронзить сердце своего друга и ученика. однако жь предразсужденіе велитъ имъ драться — товарищи оставляютъ ихъ, и отецъ Мирзинъ даетъ чувствовать печальному Мери, что онъ не можетъ отдать своей дочери за обезчещеннаго человека — и друзья, которые бы рады были умереть другъ за друга, готовы и сами рѣзаться. Въ сію минуту

приходитъ Мирза и сказываетъ своему любовнику, что онъ Дариваю обязанъ подаркомъ, имъ полученнымъ, и что онъ же исхотѣйствовалъ ему и чинъ у Министра Тутъ. изъ Руссовой Элоизы, говоритъ она прошивъ дуелей С. Мери рѣшится презрѣть общее предразсужденіе, и хочетъ лучше пожертвовать своимъ самолюбіемъ, нежели поднять руку на своего благодѣтеля. Новое дѣйствіе прошивъ непріятеля, въ которомъ спасаетъ онъ жизнь отца Мирзына, примиряетъ все. Альваръ наказывающагося, а С. Мери находитъ совершенное счастье въ любви и дружбѣ.

Сія пѣса весьма интересна; приключенія хорошо связаны, и характеры начертаны очень искусно. Есть нѣкоторыя неисправности въ словѣ; однако жъ вообще онъ хорошъ. Прошивъ сей Драмы сказать можно то, что она не достигаетъ своей цѣли, то есть, не опровергаетъ предразсужденія о дуеляхъ С. Мери, представленъ совсѣмъ въ особливомъ поло-

женни, которое не доказываетъ ничего прошивъ общаго закона. Впрочемъ се не касается до драматическаго достоинства пьесы. Въ ней есть другой порокъ, гораздо важнѣйшии, а именно то, что Авторъ заставляетъ женщину говорить прошивъ дуели, и при томъ не языкомъ чувства, ей свойственнымъ, но вводя ее въ метафизическія отвлеченности, прошивныя ея полу и положенію. Не смотря на то, сія пьеса должна быть включена въ число нашихъ лучшихъ новыхъ Драмъ — такъ отзываются объ ней люди, упражняющіеся въ Литтературѣ, которыхъ мнѣніе бываетъ наконецъ мнѣніемъ Публики.

МОСКОВСКОЙ ТЕАТРЪ

*Менавистъ къ людямъ и раскаяніе,
Драма, переведенная съ Нѣмецкаго
языка.*

Мы обязаны Нѣмецкому Театру многими хорошими пьесами, къ числу оныхъ принадлежитъ и сія. Читатели

лямъ Московскаго Журнала извѣстно
ея содержаніе изъ Писемъ Руск Пеше-
шественника (Апр стр 15 — 22)

Ся Драма, столь хорошо приня-
тая на всѣхъ Нѣмецкихъ Театрахъ,
понравилась и нашей Шуоликъ Въ ло-
жахъ и въ партерѣ видѣвъ я капающі-
яся слезы самая лестная похвала,
какою можетъ только славиться сочи-
нительъ Драмы! —

Гж Марья Синявская представ-
ляетъ Эйлалию (которая въ Рускомъ
переводѣ названа Юліею) съ такимъ
чувствомъ и такъ трогательно, что
для сей прекрасной роли нельзя намъ
желать лучшей Амприсы

Г Лапинъ представляетъ Баро-
на Мейнау. Тамъ, гдѣ онъ, раз-
сказывая другу приключенія своей жиз-
ни, размягчается, и упирая глаза
плашкомъ, говоритъ *вотъ слеза!* и
тамъ, гдѣ оживая Эйлали, и гошо-
ваясь принять ее сурово, говоритъ
самъ себѣ „Только я боюсь, чтобы
сердце мое не измѣнило мнѣ, чтобы
я не бросился обнять милон преступ-
ни•

ницы, и, забывъ все, не прижалъ ее къ своей груди', и во многихъ другихъ мѣстахъ играетъ онъ хорошо. Только въ первыхъ явленіяхъ надлежало бы ему показываться болѣе углубленнымъ въ самого себя — Въ концѣ четвертаго дѣйсвія, гдѣ Мейнау узнаетъ Эйлалию, должно ему въ ту же секунду броситься назадъ въ двери, ни мало не останавливаясь ее разсматривать, и не дѣлая никакихъ пѣводвиженій, — чтобы заключеніе сего акта могло быть пѣмъ скорѣе и разительнѣе для зрителя.

Г. Померанцевъ играетъ ролю Графа Винперзее, и, по своему обыкновению, очень хорошо. Авпоръ весьма натурально представилъ въ себѣ Графѣ такого человѣка, который отъ добраго сердца желаетъ щастія всѣмъ людямъ, для того, чтобы они не покоили его своими жалобами и спенаніями, и которой за высочайшее благо въ жизни почитаетъ хорошей споль и покойной сонъ. Не мало найдемъ

такихъ людей въ свѣтѣ, иные презираютъ ихъ, а другіе завидуютъ имъ.

Г. Сахаровъ въ роль Графскаго шурина заслуживаетъ похвалу, и можно сказать, что сія пьеса вообще хорошо играема на здѣшнемъ Театрѣ

О РУСКИХЪ КНИГАХЪ

Местовой Роландъ, Геройская Повесть Г. Аріоста Переведена съ Французскаго Книга первая Въ Москвѣ, въ вольной Типографіи М. Попова на рева. 1791

Только жаркой климатъ Италіи могъ произвести такого романиста, каковъ былъ Аріостъ Чистая его Повесть, не лзя не удивляться неистощимости его воображенія, которое героя за героемъ, приключеніе за приключеніемъ и чудо за чудомъ вымышляетъ лабиринтъ, въ которомъ дорожка пересѣкаетъ дорожку, и гдѣ гуляющій теряется и выходу не видитъ!

Не будемъ сравнивать Аріоста ни съ Гомеромъ, ни съ Виргиліемъ, ни же съ Тассомъ. Довольно, что онъ нравицца въ празныя, сидкоинныя часы — нравицца, не смотря на безобразность и нецѣнность нѣкоторыхъ вымысловъ (которыя заставили Кардинала Эстскаго, его покровителя, спросить у него: гдѣ набралъ ты столько вздору, Господице Людовикъ? *Dove diavolo, Messer Ludovico, avete pigliate tante coglionerie?*) Послѣ прекраснѣйшихъ фигуръ выходятъ у него на сцену престранныя каррикатуры; послѣ печальнаго явленія слѣдуетъ снѣжное, то видимъ нѣжную Олимпию, оставленную невѣрнымъ супругомъ на пустомъ острову, сидящую на утесѣ и неподвижно смотрящую на волны — то храбраго Роланда, который лѣзетъ съ канатами въ ротъ въ морскому чудовищу, ушверждаетъ шамъ лкорь, и по томъ, бросаясь опять въ воду и выплывъ на берегъ, вышаскиваетъ туда и огромнаго непріятеля своего Аріостъ презираетъ правдо-

ПОДО-

подобіе въ вымыслахъ, презиралъ единство дѣйствія, но за всѣмъ шѣмъ занимаетъ и нравишся, даже и тогда, когда читаешь его не въ сладкогласныхъ Италіянскихъ строфахъ, а въ сухомъ прозаическомъ переводѣ.

Ся первая книга Рускаго Роланда переведена не съ новаго Французскаго перевода, вышедшаго, естъли не ошибаюсь, года за три передъ симъ, а съ того, которой въ 1741 году издалъ Господинъ Мирабо, Членъ Французской Академіи, подъ своимъ именемъ Слогъ нашего Переводчика можно назвашь изряднымъ; онъ не надупъ славянщиною, и довольно чистъ. Кто не можетъ читать Роланда ни на какомъ другомъ языкѣ, тому конечно сей Руской переводъ будетъ пріятенъ, и тотъ конечно пожелаетъ, чтобы Г Переводчикъ выдалъ и слѣдующія Части, а Рецензентъ съ своей стороны желаетъ того, чтобы слогъ былъ въ нихъ еще правильнѣе и чище, нежели въ первой, гдѣ по мѣстамъ встрѣчаются такіа выраженія „Онъ
„клялъ

„клялся, что *не иной какой* шишакъ
будетъ прикрывать его голову,
какъ не тотъ, кошорой Роландъ нѣ-
когда опнялъ, и пр. „Графъ былъ
не меньше учтивъ и человеколюбивъ,
сколько былъ храбръ, и проч. —
Въ слѣдствие чего, дабы, и проч.
(Это слишкомъ по приказному, и очень
прошивно въ устахъ такой женщины,
кошорая, по описанію Аргостову, бы-
ла прекраснѣе Венеры) — „Она (т е.
Аргостова Комедія) изъ числа са-
мыхъ вольныхъ Аристофановыхъ Ко-
медій. „ (Естьли пьеса Аргостова,
то она не можетъ быть изъ числа
Аристофановыхъ пьесъ. Надлежало бы
сказать „Она принадлежитъ къ роду
такихъ-то Комедій, и проч.) Г. Пере-
водчикъ конечно не осердился на Ре-
цензента за сіе желаніе.

О ИНОСТРАННЫХЪ КНИГАХЪ

I *Götterlehre oder mythologische Dichtungen der Alten. Zusammengestellt von Karl Philipp Moriz. 1791. То есть Богоучение, или баснословныя повѣствованія Древнихъ* —

Г Морицъ, котораго философической духъ ищетъ во всемъ новыхъ пущей, предлагаетъ Митологию не какъ собраніе запутанныхъ аллегорій, но какъ языкъ фантазіи (*), и раздѣляетъ басни на слѣдующія спашья: *Образованіе теловѣка; новое образованіе теловѣтескаго рода; теловѣкоподобное образованіе боговъ, святыя жилища боговъ между теловѣками; бо оподобной родъ теловѣтеской; существа, составляющія связь между богами и теловѣками, и проч.* Сіе сочиненіе интересно для чисташелеи всякаго рода, а всего болѣе для Поэшовъ и художниковъ Г. Морицъ съ отмѣннымъ

(*) Сіе Греческое слово принято во всея языки, и мы смѣла можемъ употреблять его и въ прозѣ и въ стихахъ.

нымъ прилѣжаніемъ читалъ всѣхъ Гре-
ческихъ и Латинскихъ Поэтовъ, и
нашелъ въ нихъ много новаго въ раз-
сужденіи идей, которыхъ имѣли они о
мифологическихъ божествахъ —

II Views of Nature. By Pollingrove
Robinson. London. То есть *Виды Ма-
туры*. — Цѣль Автора есть та,
чтобы начала Астрономіи предло-
жить для молодыхъ людей въ привле-
кательномъ видѣ. Онъ выдаетъ книгу
свою за драгоценной подарокъ умира-
ющаго друга своего, для того, что-
бы она могла сдѣлать сильнѣйшее впечат-
лѣніе въ читателя. Ее конечно при-
ятно читать; но такая смѣсь учена-
го, мечтательнаго и прогнательнаго,
можетъ ли быть полезна для молодого
человѣка, которому надобно со-
общать о вещахъ вѣрное и точное по-
нятіе? Конечно нѣтъ. — Важнѣйшую
часть сочиненія составляетъ описа-
ніе небеснаго путешествія въ прямой
линии отъ одной звѣзды къ другой,
въ чемъ Авторъ слѣпо слѣдуетъ де-
ла Ланду

III. Fables & contes Indiens, nouvellement traduits. Par L. Langlés. То есть: *Индійскія басни и сказки, вновь переведенныя Г. Ланглемъ* — Г Л давно уже извѣстенъ по своимъ переводамъ съ восточныхъ языковъ. Здѣсь, въ длинномъ предисловии, доказываетъ онъ, что оъ Индѣйской Религии еще многое говорить можно. Онъ почитаетъ Индѣйцовъ учителями Египтянъ и Кышанцовъ — Нѣкоторыя басни очень хороши.

Имена Особъ, благоволившихъ подписаться на Московскон Журналъ въ апрѣль и Маѣ мѣсяцахъ.

ВЪ Москвѣ.

Его Благородіе Левъ Прокофьевичъ
Дечидовъ

— — Александръ Федоровичъ Лабзинъ

Его Высокоблагородіе Петръ Лукичъ
Вельяминовъ

— — Иванъ Петровичъ Лапуновъ.

Его

Его Благородіе Александръ Андреевичъ
Шверцовъ

Московской кунецъ Петръ Яковлевичъ
Защинъ.

Его Благородіе Яковъ Ивановичъ Со-
коревъ

— — Федоръ Ивановичъ Лавровъ.

Мавра Михайловна Полянская

Его Высокоблагородіе Иванъ Петро-
вичъ Осокинъ

— Благородіе Иванъ Ивановичъ Мѣща-
ниновъ

— Высокородіе Михайло Васильевичъ
Волынской

Ея Благородіе Надежда Ивановна Шо-
курова.

Его Высокородіе Александръ Алексан-
дровичъ Арсеньевъ.

— Высокоблагородіе Михайло Льво-
вичъ Толстовъ.

Ея Сяшельство Княжна Наспась
Евграфовна Волконская.

Его Сяшельство Князь Александръ
Михайловичъ Бѣлосельской.

ВЪ другихъ городахъ.

ВЪ Ярославлѣ Его Высокопреосвященство Арсеній, Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій.

ВЪ Кіевѣ Его Высокопреподобіе Архимандритъ и Кіевской Академіи Ректоръ Варлаамъ.

ВЪ С. Петербургѣ Его Превосходительство Алексѣй Ивановичъ Мушинъ Пушкинъ.

ВЪ Орлѣ Его Благородіе Алексѣй Лукичъ Лукинъ.

ВЪ Нижнемъ-Новгородѣ Его Благородіе Иванъ Николаевичъ Реушовъ.

ВЪ Вологдѣ Его Высокородіе Василій Ивановичъ Воейковъ.

ВЪ Перми Его Высокоблагородіе Иванъ Ивановичъ Панаевъ

ВЪ Саратовѣ Его Высокоблагородіе Андрей Лукичъ Бѣдняковъ.

ВЪ Вязьмѣ Его Высокоблагородіе Гаврило Степановичъ Рѣцшовъ.

Многоры иже Особамъ, подписавшимся на Журналъ, не угодно было объявить своихъ именъ

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Военная пѣснь, - - -	217.
Къ текущему столѣтію. -	218.
На смерть попугая. - -	220.
Надпись къ портрету Князя Канте- мира. - - -	221.
Перемѣна судьбы моей, -	—
Барухъ, или ученикъ мудрости,	223.
Софія, - - -	253.
Аншиподы. - - -	277.
Погребенная Испина. -	279.
Хоры. - - -	281.
Письма Руск. Путешественника,	288.
Парижскіе Спектакли. - -	315.
Московской Театръ. -	319.
О Рускихъ книгахъ. - -	322.
О иностранныхъ книгахъ. -	326.
